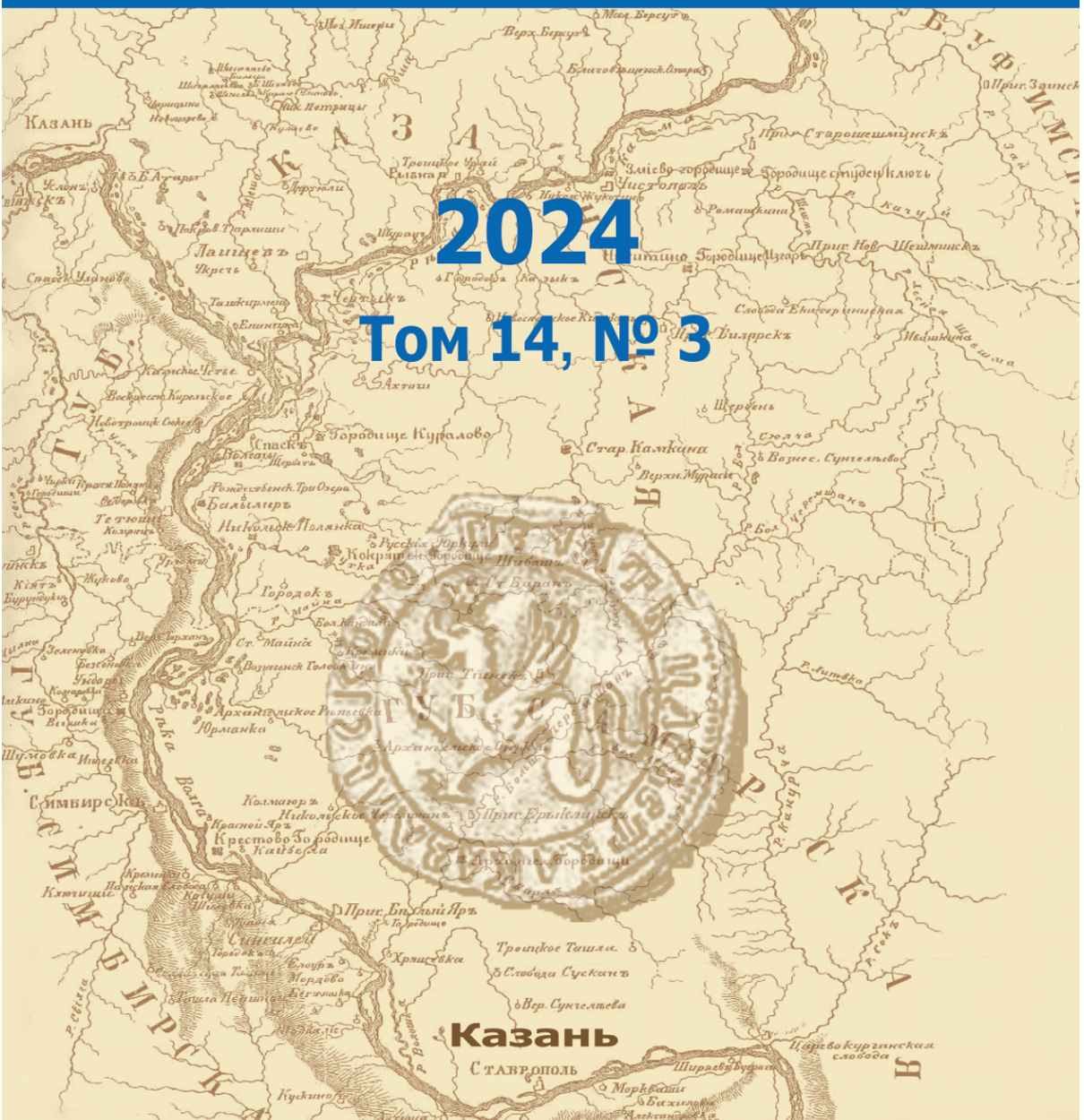


Из истории и культуры народов Среднего Поволжья

2024

Том 14, № 3



<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3>

ISSN 2410-0765



АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ФӘННӘР АКАДЕМИЯСЕ



Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ

Научный журнал

ИЗ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

2024. Том 14, № 3

Казань



Academic Journal

FROM HISTORY AND CULTURE
OF PEOPLES OF THE MIDDLE VOLGA REGION

2024, vol. 14, no. 3

Kazan

Издание основано в 2011 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное научное бюджетное учреждение
«Академия наук Республики Татарстан»
(420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77-87862 от 22 июля 2024 г.

Выходит 4 раза в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, ул. Батурина, 7, Казань,
Республика Татарстан, Российская Федерация
Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
Тел./факс +7(843) 292 84 82 (приемная), +7(843) 292 19 15

ТИПОГРАФИЯ:

Издательство Академии наук Республики Татарстан
(420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация)

<https://iknsp-journal.ru>

E-mail: istkazan@mail.ru

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution"
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)



© ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», 2024

© «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья», 2024

The journal was founded in 2011

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution "Tatarstan Academy of Sciences"
(20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)

The journal is registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
ПИ № ФС 77-87862 from Yuly 22, 2024

Published four times a year

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

7, Baturin Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Tel./Fax +7(843) 292 84 82 (reception), +7(843) 292 19 15

PRESS:

Publishing House of the Tatarstan Academy of Sciences
(20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)

<https://iknsp-journal.ru>
E-mail: istkazan@mail.ru

The journal is included in the Russian Science Citation Index Database
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

All the materials of the journal are available under
the Creative Commons License "Attribution" 4.0 International (CC BY 4.0)



© State Institution "Tatarstan Academy of Sciences", 2024

© "From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region", 2024

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: **Исхаков Радик Равильевич**, д.и.н., заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Научный редактор выпуска: **Файзрахманов Ильшат Завдатович**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь выпуска: **Аминов Рустем Равилевич**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: **Шарафиев Эмиль Илхамутдинович**, к.и.н., младший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор: **Багаутдинова Халида Зиннатовна**, научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Минниханов Рифкат Нургалиевич, д.тех.н., президент Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Салихов Радик Римович, д.и.н., директор, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционной коллегии (Казань, Российская Федерация)

Загидуллин Ильдус Котдусович, д.и.н., доцент, старший научный сотрудник, Центр исламоведческих исследований АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Иванов Ананий Герасимович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Российская Федерация)

Самигулов Гаяз Хамитович, к.и.н., старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Российская Федерация)

Николаев Геннадий Алексеевич, к.и.н., заместитель директора по науке и развитию, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (Чебоксары, Российская Федерация)

Иштван Вашари, Dr. Sci. (история), профессор отделения тюркских и центрально-азиатских исследований факультета гуманитарных наук, Университет им. Лоранда Этвёша, член-корреспондент Венгерской Академии наук (Будапешт, Венгрия)

Михаэль Кемпер, Dr. Sci. (история), профессор сектора Европейских исследований факультета гуманитарных наук, Университет Амстердама (Амстердам, Голландия)

Марискин Олег Иванович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой экономической истории и информационных технологий Историко-социологического института, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск, Российская Федерация)

Кабытов Петр Серафимович, д.и.н., заведующий кафедрой российской истории Социально-гуманитарного института, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (Самара, Российская Федерация)

Пол Верт, Ph.D. (история), профессор кафедры истории, Университет Невады (Лас Вегас, США)

Таймасов Леонид Александрович, д.и.н., профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории историко-географического факультета, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (Чебоксары, Российская Федерация)

Фахрутдинов Раиль Равилович, д.и.н., заведующий кафедрой исторического и обществоведческого образования, врио директора Института международных отношений, Казанский федеральный университет (Казань, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Chief editor: **Radik R. Iskhakov**, Dr. Sci. (history), Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Scientific editor of the issue: **Ilshat Z. Faizrakhmanov**, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Executive secretary of the issue: **Rustem R. Aminov**, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

English texts' editor: **Emil I. Sharafiev**, Cand. Sci. (history), Junior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Technical editor: **Khalida Z. Bagautdinova**, Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

EDITORIAL BOARD

Rifkat N. Minnikhanov, Dr. Sci. (technical sciences), President of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Radik R. Salikhov, Dr. Sci. (history), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences, Chairman of the Editorial Board (Kazan, Russian Federation)

Ildus K. Zagidullin, Dr. Sci. (history), Associate Professor, Senior Researcher of the Center for Islamic Studies, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Ananiy G. Ivanov, Dr. Sci. (history), Professor, Head of the Department of Russian History, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Gayaz Kh. Samigulov, Cand. Sci. (history), Senior Researcher, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation)

Gennadiy A. Nikolaev, Cand. Sci. (history), Deputy Director for Science and Development, Chuvash State Institute for the Humanities (Cheboksary, Russian Federation)

István Vásáry, Dr. Sci. (history), Professor of the Department of Turkic and Central Asian Studies, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University, Corresponding Member of the Hungarian Academy of Sciences (Budapest, Hungary)

Michael Kemper, Dr. Sci. (history), Professor of the Sector for European Studies, Faculty of Humanities, University of Amsterdam (Amsterdam, Netherlands)

Oleg I. Mariskin, Dr. Sci. (history), Professor, Head of the Department of Economic History and Information Technology, Historical and Sociological Institute, Ogarev National Research Mordovian State University (Saransk, Russian Federation)

Petr S. Kabytov, Dr. Sci. (history), Head of the Department of Russian History, Social and Humanitarian Institute, Korolev Samara National Research University (Samara, Russian Federation)

Paul W. Werth, Ph.D. (history), Professor of the Department of History, University of Nevada (Las Vegas, USA)

Leonid A. Taimasov, Dr. Sci. (history), Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Regional History of the Faculty of History and Geography, Ulyanov Chuvash State University (Cheboksary, Russian Federation)

Rail R. Fakhрутдинov, Dr. Sci. (history), Head of the Department of Historical and Social Science Education, Acting Director of the Institute of International Relations, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

| | |
|--|-----|
| Хамидуллин Б.Л. История Казанского ханства в трудах С.Х. Алишева 1970-х годов | 10 |
| Саначин С.П. О некоторых дискуссионных вопросах ранней истории Казани..... | 20 |
| Свечников С.К. Участие марийцев в Ливонской (1558–1583) и Русско-шведской (1589–1595) войнах | 34 |
| Дубовиков А.М. Архивные документы о событиях в Яицком казачьем войске, предшествовавших пугачёвщине | 52 |
| Тухватулин А.Х. Причины неудач похода В.А. Кара против восставших под предводительством Е.И. Пугачёва осенью 1773 г. | 69 |
| Файзрахманов И.З. Служилые татары в период восстания Е.И. Пугачёва 1773–1775 гг. | 76 |
| Шарафиев Э.И. Тептяри в законодательстве Российской империи 1790-х гг. | 86 |
| Абдуллин Х.М. Татары в регулярной армии в период Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. | 96 |
| Бородовская Л.З. Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР как источник по татарской суфийской культуре XVI–XIX вв. | 108 |
| Миронова Е.В. Помещичье хозяйство в Казанской губернии в первой половине XIX века | 118 |
| Гайнутдинов А.М. Результаты исследования татарских эпиграфических памятников Высокогорского района РТ | 137 |
| Владимиров О.О. Общие корни Ризы Фахретдина и служилых татар Баишевых в контексте генетической генеалогии | 146 |

Публикация источника

| | |
|--|-----|
| Белоусов М.Р. Новый документ о воеводах городов, «ведомых» в Приказе Казанского дворца, сентября 1656 г. | 154 |
|--|-----|

Новые книги, рецензии

| | |
|---|-----|
| Касимов Е.В. Рецензия на книгу: Образование и христианское просвещение чувашей Волго-Уралья во второй половине XIX – начале XX века: документы и материалы из фондов Н.И. Ильминского и Казанской учительской семинарии (сост. Г.А. Николаев, Р.Р. Исхаков; Чебоксары, 2023) | 161 |
| Аминов Р.Р. Рецензия на книгу: Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том 1. Булярская волость (Казань, 2023) | 166 |

Научная жизнь

| | |
|---|-----|
| Загидуллин И.К. Исследователь национальной истории | 172 |
|---|-----|

CONTENTS

Articles

| | |
|---|-----|
| Khamidullin B.L. History of the Kazan Khanate in the works of S.Kh. Alishev in the 1970s | 10 |
| Sanachin S.P. On some controversial issues of the early history of Kazan..... | 20 |
| Svechnikov S.K. Participation of the Mari in the Livonian (1558–1583) and Russo-Swedish (1589–1595) Wars | 34 |
| Dubovikov A.M. Archival documents on the events in the Yaik Cossack army that preceded the "pugachevshina" | 52 |
| Tukhvatulin A.Kh. The reasons for the failure of the V.A. Kar's campaign against the rebels led by E.I. Pugachev in the autumn of 1773 | 69 |
| Faizrakhmanov I.Z. Service Tatars during the E. Pugachev uprising of 1773–1775 | 76 |
| Sharafiev E.I. Teptyars in the legislation of the Russian Empire in the 1790s | 86 |
| Abdullin Kh.M. Tatars in the regular army during the Patriotic War of 1812 and the foreign campaigns of 1813–1814 | 96 |
| Borodovskaya L.Z. Collection of oriental manuscripts of Uzbek SSR Academy of Sciences as a source on Tatar Sufi culture of the 16th – 19th centuries | 108 |
| Mironova E.V. Landowner economy in the Kazan province in the first half of the 19th century | 118 |
| Gaynutdinov A.M. Results of the study of Tatar epigraphic monuments of the Vysokogorsky district of the Republic of Tatarstan | 137 |
| Vladimirov O.O. Common roots of Riza Fakhretdin and the Service Tatars Baishevs in the context of Genetic Genealogy | 146 |

Publication of the source

| | |
|--|-----|
| Belousov M.R. New document on voivodes of cities assigned by the Kazan Palace Office, September 1656 | 154 |
|--|-----|

New books, reviews

| | |
|--|-----|
| Kasimov E.V. Book review: Education and Christian enlightenment of the Chuvashs of Volga-Urals in the second half of the 19th – early 20th century: documents and materials from the funds of N.I. Ilminsky and Kazan Teachers' Seminary (compiled by G.A. Nikolaev, R.R. Iskhakov; Cheboksary, 2023) | 161 |
| Aminov R.R. Book review: Karimov T.T. Tatar land volosts. Volume 1. Bulyarsky volost (Kazan, 2023) | 166 |

Scientific life

| | |
|---|-----|
| Zagidullin I.K. Researcher of national history | 172 |
|---|-----|

СТАТЬИ

УДК 930.2

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-3.10-19

История Казанского ханства в трудах С.Х. Алишева 1970-х годов

Б.Л. Хамидуллин

*Институт Татарской энциклопедии
и регионоведения им. М.Хасанова АН РТ
Казань, Российская Федерация*

В статье, написанной в связи с 95-летием доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Республики Татарстан Саяма Хатыповича Алишева (1929–2015), содержится информация о научной деятельности известного ученого, характеризуются результаты его изысканий 1970-х гг., анализируется его весомый вклад в изучение истории Казанского ханства, народов Среднего Поволжья и Приуралья, московско-казанских отношений периода XV–XVI вв.

Ключевые слова: Саям Алишев, история татар, этногенез татарского народа, Казанское ханство, московско-казанские отношения, народы Среднего Поволжья

Для цитирования: Хамидуллин Б.Л. История Казанского ханства в трудах С.Х. Алишева 1970-х годов // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №3. С.10–19. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.10-19>

Будучи автором около 20 изданных книг и множества научных статей, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Республики Татарстан Саям Хатыпович Алишев (20.03.1929 – 23.06.2015) большую часть своей жизни посвятил изучению этногенеза и политогенеза, этнополитической и социально-экономической истории татарского народа и иных народов Поволжья, исследованию биографий и творческого наследия выдающихся краеведов, писателей, историков, энциклопедистов.

Саям Алишев был учеником известного историка-архивиста Евгения Ивановича Чернышева (1894–1979), перу которого принадлежат, например, научные статьи «Облик казанской жизни в XVI веке» (1927) и «Селения Казанского ханства (по писцовым книгам)» (1971), и который, в свою очередь, являлся учеником еще более широко известного историка, профессора Николая Николаевича Фирсова (1864–1934), автора многих моно-

графий, очерков и статей, в частности интересного сборника университетских лекций «Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья» (1919).

Научное наследие С.Х. Алишева охватывает широкий спектр проблем истории татарского народа: источниковедение (в первую очередь – письменных источников), история города Казани, история поздней Золотой Орды, этногенез татар Поволжья и Приуралья, аграрная история и национально-освободительные движения в Российской империи, развитие исторических знаний и биографии ученых (например, Карла Фукса, Михаила Рыбушкина, Николая Баженова, Шигабутдина Марджани, Каюма Насыри, Мухаметзяна Аитова, Хади Атласи, Газиза Губайдуллина, Гафура Кулахметова, Галимджана Ибрагимова, Михаила Худякова), и многие другие темы. Труды С.Х. Алишева занимают также значимое место в историографии политической и этносоциальной предыстории и истории Казанского ханства.

Исследованием истории Казанского ханства (которое он именовал и «Казанским ханством», и «Казанским государством», и «Булгаро-Казанским государством») Саям Хатыпович активно занялся уже в 1970 г. в рамках начатой им работы над темой «Присоединение Среднего Поволжья к Русскому государству» и в связи с его предстоящим докладом на Итоговой научной конференции Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР по теме «О некоторых проблемах превращения Русского государства в многонациональное», а позднее, в 1990–2000-е гг., он издал целый ряд научных трудов о Казанском ханстве, о татарах и иных народах Среднего Поволжья периода позднего средневековья, заслуженно став одним из признанных авторитетов в этой области научных знаний (перечислю некоторые его книги и статьи в хронологическом порядке: «Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX в.», «Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв.», «Казанское ханство: возникновение и развитие», «Образование татарской народности», «Завоевание татар Русским государством», «Источники и историография города Казани», «Казан ханлыгы чорындагы татарча чыганаclar», «Казанское ханство» в научно-популярной серии «История татар», «Казан ханлыгы тарихыннан», «Все об истории Казани», «Болгаро-казанские и золотоордынские отношения в XIII–XVI вв.», «Всё по истории татарского народа») [6; 12; 11; 16; 5; 7; 9; 10; 8; 3; 2; 4].

В 1950–1970-е гг. произошло существенное оживление изучения истории средневекового прошлого Среднего Поволжья. Наряду с традиционными трудами, продолжавшими развивать прежние советские концепции, трактовавшими историю Казанского государства только лишь с негативных позиций, происходило и становление той советской историографии, которая стремилась найти объективную «середину» в освещении исторического прошлого. Здесь особо следует выделить труды московского исследователя Шамиля Фатыховича Мухамедьярова (автора диссертации «Социально-экономический и государственный строй Казанского ханст-

ва», написанной к 1950 г. и изданной в виде книги лишь после смерти ученого, в 2012 г.) и Саяма Хатыповича Алишева (автора докладов и статей на тему «Образование Казанского феодального государства» (1972/1973), «Присоединение народов Среднего Поволжья к Русскому государству» (1975), «Прогрессивные последствия присоединения Среднего Поволжья к Русскому государству» (1977), «Казань средневековая» (1978) [15; 17; 18; 13], которые на основе комплексного рассмотрения и профессионального анализа данных письменных источников, археологии, этнографии, фольклора сделали обоснованный вывод о позитивном и прогрессивном развитии Казанского государства. Тем самым, они не только заложили основу для адекватного научного взгляда на историю Казанского ханства, но и сильно пошатнули устоявшиеся мифы отечественной историографии о «диком», «паразитическом» и «хищническом» характере его политического, социально-экономического и культурного развития.

В написанной к 1978 г. рукописи монографии «Присоединение Среднего Поволжья к Русскому государству» Саям Алишев рассмотрел несколько основных, на его взгляд, научных проблем данной обширной темы: 1) возникновение Казанского феодального государства и его история, 2) развитие Московского великого княжества в XV–XVI вв., протекторат Москвы над Казанью и завоевание Казани в 1552 г., 3) народы Среднего Поволжья в составе Московского великого княжества и 4) историческое значение их присоединения к Русскому государству.

Базовыми выводами автора в 1978 г., – а в данной ситуации я могу сослаться лишь на мое собственное устное общение с ученым, начиная с лета 1992 г., когда я стал его аспирантом, а также на указанные выше 4 публикации С.Х. Алишева 1973, 1975, 1977 и 1978 гг., – были следующие:

1) Булгаро-Казанское государство образовалось в 60 – 80-х гг. XIV в., задолго до распада Золотой Орды, и являлось прямым историческим преемником Волжской Булгарии, ее этнокультурным и социально-политическим наследником. В политогенезе, этногенезе и культуригенезе татар Среднего Поволжья и Приуралья ученый отмечал решающий вклад именно волжско-камских булгар, полностью отрицая таковое влияние Золотой Орды. Этих мыслей С.Х. Алишев последовательно придерживался вплоть до последних дней своей жизни, лишь с небольшими уточнениями: так, в своей монографии «Булгаро-казанские и золотоордынские отношения в XIII–XVI вв.» (2009) Волжскую Булгарию он именовал Болгарстаном, а историю Казанского государства уже четко делил на периоды существования Казанского эмирата и Казанского ханства.

2) Многонациональное (использую термин С.Х. Алишева) население Казанского государства, в котором проживали предки современных татар, башкир, марийцев, мордвы-эрзи и мордвы-мокши, удмуртов и чувашей, в экономическом и культурном развитии ничем не уступало населению Московского великого княжества (при этом отмечу, что по отношению к госу-

дарствообразующему населению Казанского ханства С.Х. Алишев всегда активно использовал термин «булгаро-татары», считая, что его самоназванием в то время было «булгары», «казанцы» и «мусульмане»), а его численность в первой половине XVI в. составляла около 1 млн человек. Гораздо позднее, например в своей монографии 2009 г. издания, по отношению к основному населению Казанского ханства ученый использует также термин «болгары-кипчаки». Немного для меня удивительный вывод (а зная научную позицию С.Х. Алишева, можете понять мое удивление) содержится в его статье «Образование татарской народности», опубликованной в сборнике «Материалы по истории татарского народа» в 1995 г.: «Таким образом, общность языка, территории, социально-экономической жизни, национальной культуры и характера – все вместе в совокупности при Казанском ханстве окончательно оформились, что означало существование определенной народности татар Среднего Поволжья». В монографии 2009 г. автор уже пишет: «Таким образом, наш основной вывод таков: **современный татарский народ образовался в период Казанского ханства XV – первой половины XVI вв. на основе двух компонентов – болгар и кипчаков...**».

3) Указанное «многонациональное» население в 1552 г. не признало власть Москвы добровольно, а было завоевано, т.к. именно Московское государство являлось инициатором большинства московско-казанских войн, целенаправленно стремившимся завладеть Средним Поволжьем ради своих экономических выгод.

4) Потеря «булгаро-татарами» национальной государственности имела свои определенные положительные стороны и даже прогрессивность, если смотреть в перспективе.

Выводы С.Х. Алишева по последнему (4-му) пункту можно восстановить почти буквально, читая его опубликованную в 1977 г. в сборнике Казанского филиала АН СССР статью под названием «Прогрессивные последствия присоединения Среднего Поволжья к Русскому государству». Они следующие:

1) «В 1552 году в жизни народов [Казанского государства – марийцев, чувашей, удмуртов, булгаро-татар и др.] произошло событие большого исторического значения. Они вошли в состав Русского государства и навеки связали свою судьбу с великим русским народом. Вся дальнейшая их история протекала уже в условиях многонационального централизованного Русского государства».

2) «Совместная жизнь крестьян разных народов в одном большом государстве объективно привела» к «взаимовлиянию и взаимопомощи между ними в области экономической жизни», «обогащению способов ведения хозяйства», к «расселению крестьян на большой территории», «освоению новых земель», что способствовало «развитию производительных сил, в т.ч. росту населения».

3) «Условия жизни на одной территории побуждали крестьян разных народов к сближению и установлению дружественных связей... Одинако-

вые социальные условия приводили в дальнейшем к укреплению классовой солидарности между ними». Таким образом «зарождались и крепились «исторические корни дружбы народов».

4) «Прогрессивным следствием присоединения... надо считать союз между крестьянами разных народов в борьбе против своих господ-эксплуататоров», который привел «к созданию у средневожских народов революционных традиций, способствовавших образованию здесь одного из крупных районов революционного движения в России».

5) Отмечаются «прогрессивные последствия в развитии промышленности и торговли», которые «не сразу проявились».

6) «Исторические связи русского и коренных народов Среднего Поволжья крепились в их совместной борьбе за разрешение внешнеполитических задач страны» в «борьбе за независимость многонационального государства».

7) «Объективно-прогрессивные последствия присоединений вытекали вопреки царизму и власти имущих, несмотря на их политику», «подлинное добровольное объединение произошло только на основе Великого Октября и ленинской национальной политики».

8) «Подчеркивание только прогрессивного значения присоединения в прошлом ведет к умалению классовых позиций и усилению националистических мотивов в освещении исторического прошлого... После вхождения в Русское государство местные народы подпали под двойной гнет. К социальной эксплуатации прибавилось национально-колониальное угнетение», т.к. «царизм стремился держать народы в темноте и отсталости». «Более того, некоторая отсталость средневожских народов происходила из-за национально-колониальной политики царизма», поэтому «не стоит идеализировать процессы присоединения нерусских народов к России».

Так писал С.Х. Алишев в 1977 г. Отмечу также, что в 1950-х – начале 1980-х гг. в советской историографии абсолютно лидирующие позиции занимает тезис о сугубо положительных результатах «вхождения» народов Среднего Поволжья в состав Русского государства, о якобы имевшей место «опасности турецкого порабощения народов Среднего Поволжья» и потому «добровольном присоединении их к России» (см., например, труды Михаила Тихомирова, Василия Дмитриева, Гурия Трефилова, Алубакира Усманова, Геннадия Айплатова) [20; 22; 23; 1; 21, с.91–115; 24]. Утверждение о безусловной прогрессивности создания многонационального Российского государства, и в первую очередь – для борьбы с внешними врагами, о чем, например, в 1952 г. в статье «О прогрессивном значении присоединения Татарии к Русскому государству» на страницах журнала «Совет мэктебе» писал татарский историк Хайри Гимади, привело к тому, что отрицательные стороны т.н. «добровольного присоединения», «добровольного вхождения» практически не рассматривались. Мало кто решался тогда опровергнуть устоявшиеся в отечественной историографии постулаты. В качестве одного из них можно назвать д.и.н. Магамета Сафаргалие-

ва, который в статье 1964 г. «Присоединение мордвы к Русскому централизованному государству» [19] поставил под сомнение достоверность тезиса о «турецкой опасности». В 1970 г. в стенах Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР обратил внимание на тенденциозность трактовки завоевания 1552 г. как чуть ли не «добровольного присоединения» герой нашего доклада С.Х. Алишев [14; 17, с.173–182]. Он указал, что объяснение причин и последствий завоевания народов Поволжья вращается вокруг 3-х принципиальных позиций: присоединение было добровольным; присоединенные народы были отсталыми; присоединение было прогрессивным. Попытка преодолеть пресс советской идеологии, а также конкретные исторические факты, в эту схему явно не укладывающиеся, привели его к 1978 г. к формулировке следующей концепции: с одной стороны, «добровольного присоединения» явно не было и война за суверенитет Казанского ханства была долгой и справедливой, «потеря национальной независимости и подчинение господству самодержавия» являлось «злом», а с другой стороны – «по конечным результатам» подчинение Поволжья России, хотя В.И. Ульянов-Ленин и именовал эту империю «тюрьмой народов», «имело в перспективе прогрессивное значение», и в итоге «дальнейшая мощь России создавалась в результате усилий русского и нерусского народов».

В отличие от первых лет становления советской власти, когда были опубликованы «Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья» (1919) Николая Фирсова, многократно издан учебник «Русская история в самом сжатом очерке» Михаила Покровского (1920 – ?), увидели свет книги «Русия тарихы» (1919) и «Татар тарихы» (1922) Газиза Губайдуллина, монография «Очерки по истории Казанского ханства» (1923) Михаила Худякова, статья «Облик казанской жизни в XVI веке» (1927) Евгения Чернышева и т.д., в которых авторы научно доказательно и обоснованно писали о завоевательной политике московских великих князей, в частности Ивана III, имеющей в первую очередь экономическую подоплеку, о завоевании Иваном IV «Волго-Камского торгового пути» и «эпохе Московского порабощения» (это цитаты из указанной статьи Е.И. Чернышева), в послевоенный период, когда СССР установил политическую гегемонию на обширных территориях Евразии и иных регионов Земли, такая позиция С.Х. Алишева по проблеме завоевания Казани была крайней степенью свободомыслия, и это, безусловно, отразилось на его научной карьере. Его докторская диссертация, сильно урезанная в плане освещения истории Казанского ханства и «усиленная» разделом «Предпосылки и начало мирного вхождения народов края в состав России», была успешно защищена лишь в 1989 г. под названием «Среднее Поволжье в XVI – первой половине XIX в.: О прогрессивном характере совместной жизни народов» и издана в Москве лишь в 1990 г., т.е. спустя 12 лет после написания, под названием «Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX в.».

После развала Советского Союза, в 1995 г., в монографии «Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв.» С.Х. Алишев писал, что Казанское государство со столицей городом Казань возникло во второй половине XIV в., что татарская народность образовалась в период Казанского ханства на основе «булгар и родственных мажаров-мишарей», что походы русских князей на его территорию начались уже во второй половине XIV в., что «идея завоевания Казани и ликвидации булгаро-татарского мусульманского государства на Средней Волге возникла [в Москве] в начале XVI в.», что «героическая оборона Казани, немеркнущий свет подвига его защитников сквозь века пронесли идею нашей независимости, самостоятельности, государственности, высокой культуры и развитой экономики» и т.д. и т.п. ... Впрочем, это уже совсем другая история.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айплатов Г.Н.* Навеки с тобой, Россия: О присоединении Марийского края к Русскому государству. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1967. 130 с.
2. *Алишев С.Х.* Болгаро-казанские и золотоордынские отношения в XIII–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 159 с.
3. *Алишев С.Х.* Всё об истории Казани. Казань: Раннур, 2005. 600 с.
4. *Алишев С.Х.* Всё по истории татарского народа. Казань: Раннур, 2010. 608 с.
5. *Алишев С.Х.* Завоевание татар Русским государством // Материалы по истории татарского народа. Казань: ИЯЛИ, 1995. С.224–242.
6. *Алишев С.Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX в. М.: Наука, 1990. 270 с.
7. *Алишев С.Х.* Источники и историография города Казани. Казань: ООО «Диалог-Компьютерс», 2001. 76 с.
8. *Алишев С.Х.* Казан ханлыгы тарихыннан. Казан: Раннур, 2003. 336 б.
9. *Алишев С.Х.* Казан ханлыгы чорындагы татарча чыганаclar. Казан: Тарих институты, 2002. 72 б.
10. *Алишев С.Х.* Казанское ханство / В книжной серии «История татар». Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. 47 с.
11. *Алишев С.Х.* Казанское ханство: возникновение и развитие // Материалы по истории татарского народа. Казань: ИЯЛИ, 1995. С.186–200.
12. *Алишев С.Х.* Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. 160 с.
13. *Алишев С.Х.* Казань средневековая // Молодость древнего города. Казань: Татар. кн. изд-во, 1978. С.9–24.
14. *Алишев С.Х.* О некоторых проблемах превращения Русского государства в многонациональное // Тезисы докладов итоговой научной сессии за 1970 г. Казань, 1971. С.76–78.
15. *Алишев С.Х.* Образование Казанского феодального государства // Тезисы докладов итоговой научной сессии 1972 г. / ИЯЛИ КФАН СССР. Казань, 1973. С.124–127.
16. *Алишев С.Х.* Образование татарской народности // Материалы по истории татарского народа. Казань: ИЯЛИ, 1995. С.201–223.

17. *Алишев С.Х.* Присоединение народов Среднего Поволжья к Русскому государству // Татария в прошлом и настоящем. Казань: ИЯЛИ, 1975. С.172–185.

18. *Алишев С.Х.* Прогрессивные последствия присоединения Среднего Поволжья к Русскому государству // Развитие гуманитарных наук в Татарии. Казань: ИЯЛИ, 1977. С.48–55.

19. *Сафаргалиев М.Г.* Присоединение мордвы к Русскому централизованному государству // Труды Мордовского НИИЯЛИЭ. Вып. 27. Саранск, 1964. С.3–25.

20. *Тихомиров М.Н.* Присоединение Чувашии к России // Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1958. С.104–128.

21. *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV–XVII веков. М.: Наука, 1973. 422 с.

22. [*Трефилов Г.Н., Садаков М.А.*] 400 лет вместе с русским народом. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1958. 104 с.

23. *Усманов А.Н.* Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1960. 198 с.

24. 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России. Чебоксары, 1977. 160 с.

Информация об авторе:

Хамидуллин Булат Лиронович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий Центром изучения татарской диаспоры, Институт Татарской энциклопедии и регионоведения им. М.Хасанова АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-0585-350X; e-mail: bulat.antat@mail.ru

Поступила 27.05.2024

Принята к публикации 05.07.2024

History of the Kazan Khanate in the works of S.Kh. Alishev in the 1970s

B.L. Khamidullin

*M.Khasanov Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article, written in connection with the 95th anniversary of the Doctor of Historical Sciences, honored scientist of the Republic of Tatarstan Salyam Khatypovich Alishev (1929–2015), contains information about the scientific activities of the famous scientist, characterizes the results of his research in the 1970s, analyzes his significant contribution to the study of the history of the Kazan Khanate, the peoples of the Middle Volga and Ural regions, Moscow-Kazan relations of the 15th–16th centuries.

Keywords: Salyam Alishev, famous scientist, history of the Tatars, ethnogenesis of the Tatar people, Kazan Khanate, Moscow-Kazan relations, peoples of the Middle Volga region

For citation: Khamidullin B.L. History of the Kazan Khanate in the works of S.Kh. Alishev in the 1970s. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.3, pp.10–19. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.10-19> (In Russian)

REFERENCES

1. Aiplatov G.N. *Forever with you, Russia: On the annexation of the Mari Territory to the Russian state*. Yoshkar-Ola: Marknigoizdat, 1967. 130 p. (In Russian)
2. Alishev S.Kh. *Bulgarian-Kazan and Golden Horde relations. 13th – 15th centuries*. Kazan: Tatar book Publ., 2009. 159 p. (In Russian)
3. Alishev S.Kh. *All about the history of Kazan*. Kazan: Rannur Publ., 2005. 600 p. (In Russian)
4. Alishev S.Kh. *All about the history of the Tatar people*. Kazan: Rannur Publ., 2010. 606 p. (In Russian)
5. Alishev S.Kh. The conquest of the Tatars by the Russian state. *Materials on the history of the Tatar people*. Kazan: Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, 1995. Pp. 224–242. (In Russian)
6. Alishev S.Kh. *Historical destinies of the peoples of the Middle Volga region. XVI – early XIX century*. Moscow: Nauka Publ., 1990. 270 p. (In Russian)
7. Alishev S.Kh. *Sources and historiography of the city of Kazan*. Kazan: Dialog-Computers Publ., 2001. 76 p. (In Russian)
8. Alishev S.Kh. *From the history of the Kazan Khanate*. Kazan: Rannur Publ., 2003. 336 p. (In Tatar)
9. Alishev S.Kh. *Tatar sources from the period of the Kazan Khanate*. Kazan: Institute of History, 2002. 72 p. (In Tatar)
10. Alishev S.Kh. *The Kazan Khanate* / In the book series "The History of the Tatars". Kazan: Tatar book Publ., 2002. 47 p. (In Russian)
11. Alishev S.Kh. Kazan Khanate: emergence and development. *Materials on the history of the Tatar people*. Kazan: Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, 1995. Pp.186–200. (In Russian)
12. Alishev S.Kh. *Kazan and Moscow: interstate relations in the 15th – 16th centuries*. Kazan: Tatar book Publ., 1995. 160 p. (In Russian)
13. Alishev S.Kh. *Medieval Kazan. Youth of the ancient city*. Kazan: Tatar book Publ., 1978. Pp.9–24. (In Russian)
14. Alishev S.Kh. About some of the problems of turning the Russian state into a multinational one. *Abstracts of the final scientific session for 1970*. Kazan: Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, 1971. Pp.76–78. (In Russian)
15. Alishev S.Kh. Formation of the Kazan feudal state. *Abstracts of the reports of the final scientific session of 1972*. Kazan: Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, 1973. Pp.124–127. (In Russian)
16. Alishev S.Kh. Formation of the Tatar nationality. *Materials on the history of the Tatar people*. Kazan: Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, 1995. Pp.201–223. (In Russian)

17. Alishev S.Kh. The accession of the peoples of the Middle Volga region to the Russian state. *Tataria in the past and present*. Kazan: Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, 1975. Pp.172–185. (In Russian)

18. Alishev S.Kh. Progressive consequences of the annexation of the Middle Volga region to the Russian state. *Development of humanities in Tataria*. Kazan: Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, 1977. Pp.48–55. (In Russian)

19. Safargaliev M.G. The accession of Mordovia to the Russian centralized state. *Proceedings of the Mordovian Research Institute*. Vol.27. Saransk, 1964. Pp.3–25. (In Russian)

20. Tihomirov M.N. Annexation of Chuvashia to Russia. *Materials on the history of the Chuvash ASSR*. Cheboksary: Chuvash book Publ., 1958. Pp.104–128. (In Russian)

21. Tihomirov M.N. *The Russian state of the 15th – 17th centuries*. Moscow: Nauka Publ., 1973. 422 p. (In Russian)

22. Trefilov G.N., Sadakov M.A. *400 years together with the Russian people*. Izhevsk: Udmurt book Publ., 1958. 104 p. (In Russian)

23. Usmanov A.N. *The accession of Bashkiria to the Russian state*. Ufa: Bashkir book Publ., 1960. 198 p. (In Russian)

24. *The 425th anniversary of the voluntary entry of Chuvashia into Russia*. Cheboksary, 1977. 160 p. (In Russian)

About the author:

Khamidullin Bulat Lironovich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher, Head of the Center for Tatar Diaspora Studies, M.Khasanov Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-0585-350X; e-mail: bulat.antat@mail.ru

Received May 27, 2024

Accepted for publication July 5, 2024

УДК 93(470.41)"13"

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-3.20-33

О некоторых дискуссионных вопросах ранней истории Казани*

С.П. Саначин

Независимый исследователь

Казань, Российская Федерация

В статье на основе сопоставления информации из «Дафтар-и Чингис-наме» и русских летописей исследуется история государства казанских татар конца XIV в. Автор делает предположения о том, что первым правителем Казанского юрта был Алтын-бек, сын булгарского хана Абдуллы, и предлагает свою версию этимологии названия «Казань». Также выдвигается тезис о том, что до Иске Казани предшественницей современной Казани был другой город – Кашан (Кошан), располагавшийся на р. Каме.

Ключевые слова: Казань, дафтар, летописи, Алтын-бек, хан, юрт, Кошан

Для цитирования: Саначин С.П. О некоторых дискуссионных вопросах ранней истории Казани // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №3. С.20–33. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.20-33>

А. Совместное прочтение «татарской летописи» и русских источников относительно появления современной Казани и первого в ней правителя (хана) Казанского юрта.

Пожалуй, нет ни одного исследователя истории нашего края средних веков, который бы не упоминал в своих работах того или иного первого казанского хана.

Существовало несколько версий о начале Казанского государства и его правителях. Но официальная историография в вопросе о первом казанском хане остановилась на двух лицах. Это Улуг-Мухаммед и его сын Махмутек. С переменным успехом они до сих пор по очереди вырываются вперед. По сложившейся традиции и по мнению большинства исследователей, именно Улуг-Мухаммед чаще называется (в том числе и в Татарской энциклопедии) основателем Казанского ханства.

Удивительна ситуация: казанские историки, которые не редко упрекали русские летописи и повести за их тенденциозность, именно на них строили свои выводы о первых ханах Казани. За исключением

* Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

С.Х. Алишева, который, хотя и не называл кого-либо конкретно, все же писал, что и раньше в Казани правили представители золотоордынских династий [1, с.122]. А немногочисленные, но, тем не менее, важные, татарские источники историки отодвинули на второй план. Прежде всего, это всем известная глава VI сборника дастанов «Дафтар-и Чингис-наме», получившая название «татарской летописи».

Вероятно, это произошло потому, что С.М. Шпилевский и Н.Ф. Катанов, тщательно изучавшие этот источник, повесили на него ярлык недостоверности. Так, Шпилевский заключил, что «здесь каждое слово – ошибка, нет почти ни одного достоверного факта, все перепутано и вымышлено» [30, с.83], что они замечательны по своей негодности. Причину такой позиции объяснил Катанов, заявивший, что эта «летопись «наполнена анахронистическими ошибками и народными сказками» [7, с.177].

В самом деле, если смотреть на годы, указанные в этом источнике, а именно, на две даты (700-й или 800-й год) или на два временных промежутка (158 лет и 104 года), – то они действительно никуда не приводят. Но если взглянуть на описываемые события, пренебрегая ошибками в числах, вполне допустимыми в памяти поколений, то оказывается, что «татарская летопись» хорошо согласуется с русскими летописями. Посмотрим на это в ретроспективе. За отправную точку возьмем следующее.

А. Из «татарской летописи» следует, что: 1) Казань основали Алтын-Бек и Алим-Бек после того, как Аксак-Тимур отнял у их отца, болгарского хана Абдуллы (он же – Габдулла, Абдаллах), город Булгар (Болгар); 2) в ряде списков «Дафтар-и...» показано, что правили сыновья вместе, или один за другим, или только Алим-Бек.

Б. Из татарского источника, описанного С.Г. Вахидовым, мы узнаем, что Алтын-бек царствовал 50 лет, а Алим-Бек 30 лет [3, с.114].

В. В русских летописях под 1445 г. говорится, что «царь Мамотякъ, Улу Магметевъ сынъ, взялъ город Казань, вотчича Казанского князя Либея убил, а самъ сель въ Казани царьствовати» [18, с.114].

Итак, из «татарского источника Вахидова» видно, что Алтын-Бек царствовал более 50 лет, а Алим-Бек 30. Значит, начало царствования обоих или первого из них приходится на 1396 г. /по лунному исчислению: (1445) 848–849 – 50 = 798–799 (1396)/¹ или на 1395 г. /по солнечному исчислению: 1445 – 50 = 1395/.

Обе полученные даты (1396 или 1395) буквально соответствуют известному из русских летописей событию 1395 г., когда «прииде некий царь Темиръ-Аксакъ съ восточныи страны... и много смущения и метежь воздвиже во Орде... и поиде на царя Тахтамышша Болшиа Орды... и победи и прогна царя Тахтамышша» [19, с.158–159].

Но до сих пор актуален вопрос о том, взял ли Тамерлан (Темиръ-Аксак) город Болгар и вообще заходил ли лично в пределы Булгарского

¹ 1445 – по миляди, 848–849 – по хиджре.

улуса Золотой Орды в 1391 и 1395 гг. При этом почему-то убийство правителя улуса Габдуллы многие исследователи связывают непременно с разрушением города Болгара Тамерланом.

Решительнее других против уничтожения Тамерланом Болгара протестует И.Л. Измайлов. Он считает, что не только уничтожения, но и «ни-какого наступления на Болгар не было и быть не могло», что в 1391 и 1395 гг. «поход на Болгар ни эмир Тимур, ни его отряды просто не совершали», что «никто из историков пока не привел ни одного сколько-нибудь убедительного довода в пользу хоть какой-нибудь реальности нашествия эмира Тимура на Болгар» [4, с.113, 115]. А раз разрушения не было, то «татарская летопись» в этом вопросе не достоверна.

Отсюда, как будто бы, следует вывод о том, что поскольку не было разрушения Болгара, то не было и убийства его правителя Габдуллы.

Разберем этот момент подробнее.

1. Разрушение Болгара.

В своей статье И.Л. Измайлов не соглашается с выдвинутым предшествующими исследователями, а им подхваченным тезисом о разрушении Болгара. Он справедливо ссылается на то, что такое неординарное событие не упоминается историографами Тимуридов. И это было бы верно по отношению к «Сказанию об Аксак-Тимуре». Но в «татарской летописи», во всяком случае, в вариантах ее перевода на русский язык, разрушение Болгара не упоминается. В этих текстах используются глаголы «отнял», «взял», а в обнаруженном мной списке – «разорил», а вовсе не «разрушил»:

| | |
|-------------|---|
| Свечин: | По рукописи С.Х. Хальфина (или В.Н. Татищева): Когда Булгор или Болгоры Темир Аксак до основания <i>раззорил</i> ² |
| Катанов: | 4 варианта текстов у Катанова: (Багау'дь-дина /1784/; Хальфина /1819/; Пантусова /1864/; Джиханшина /1882/: Аксак-Тимур <i>отнял</i> у хана Абдуллы город Булгар [8, с.309] |
| Фукс: | Из собственной рукописи: Аксак Тимур <i>взял</i> у Абдулла Хана город Болгары [28, с.184] |
| Пашино: | По изданию Хальфина: Аксак-Тимур <i>отнял</i> у Хана Абдуллаха город Болгары [12, с.119] |
| Шпилевский: | Рукопись И.Ф. Яковкина: Тамерлан... <i>взял</i> их город [30, с.35] |

² Свечин А.И. Описание находившимся по тракту деревням и селам, чье оные с показанием числа душ и дворов[,] между оными верст[,] качества земли[,] лесов[,] гор[,] вершины и устья рек и в них рыбы[,] чрез оные перевозов и мостов[,] а огородах краткое гисторическое описание[,] с наблюдением тех мест разных изобилиев яко то[,] плодородии хлеба[,] скота[,] пчел[,] зверей[,] птиц[,] художеств и торгов // РГАДА. Ф.248. Оп.41. Д.3419. Ч.2. Л.849 об. (Рукопись написана не позднее 1765 г. – С.С.)

Поэтому совсем не обязательно привязывать убийство правителя Габдуллы к разрушению города по схеме «раз разрушения не было – не было и убийства».

2. Было ли нашествие Аксак-Тимура на Болгар в 1391 г.?

В источниках, написанных современниками Аксак-Тимура, об этом ничего нет³. О нахождении армии Аксак-Тимура в 1391 г. «в Кондурче, в королевство болгар» [9, с.61] первым написал ориенталист Петербургского университета Ф-Б. Шармуа в 1835 г., не конкретизировавший границы этого «королевства» и спутавший походы 1391 и 1395 гг. Ряд историков XX и XXI вв. базировались на комментариях А.А. Ахмедова – издателя и переводчика труда Йазди, считавшего реку Яйик (в источнике), через которую шел Сахибкиран⁴, рекой Ик в Татарстане. Однако тщательное исследование всего маршрута Аксак-Тимура в Золотую Орду показывает, что имелось в виду устье другой реки, Большой Ик, в Оренбургской области. До сих пор предметом споров исследователей остается и точка решающего сражения с Тохтамышем – «в местности Кондузча» (по первоисточникам): было ли оно на р. Кондурче, или в ряде других мест в Самарской области, или в районе поселения Кундузлытамак в Оренбургской области [27, с.48]. Но, в любом случае, эти территории далеки от города Болгара. В источнике говорится, что после битвы «стояли двадцать шесть дней, предаваясь удовольствиям» [29, с.150] на р. Итиль. Нет имени Габдуллы и в перечислении военачальников армии Тохтамыша в трудах Шами и Йазди. Поэтому утверждение С.Х. Алишева об убийстве Габдуллы Тамерланом в этом сражении стоит считать его предположением [2, с.16].

Таким образом, нет оснований говорить о разрушении Болгара в 1391 г., к которому привязывают убийство его правителя.

3. Было ли нашествие Аксак-Тимура на Болгар в 1395 г.?

После поражения в битве на Тереке Тохтамыш-хан с остатками войска перебрался в районе Окека (Укека) на левый берег Итили, «бежал в леса Булгара и спасся в тех лесах от когтей убивающих врага львов»⁵. А часть войска «города Сарай, Урус и Урусджук ограбили и покорили тамошний улус» [29, с.199, 200]. Затем, пововав еще на Северном Кавказе, Аксак-Тимур вернулся к Итили. Его «войска достигли Сарая, взяли его, город сожгли, а жителей ограбили... Затем население города Хаджи Гархана выселили, а сам город сожгли. Сахибкиран, отмеченный счастьем, покорил страны Дашти Кипчака...и северные страны и включил в свои владения... некоторые земли, население которых сопротивлялось, он разрушил и разорил» [29, с.204, 205].

³ Низам ад-Дин Шами. Зафар-наме /книга побед/ (1402–1404); Шереф ад-дин Али Йазди. Зафар-наме (1424–1425).

⁴ Сахибкиран – «обладатель счастливого сочетания звезд, титул Аксак-Тимура в средневековых источниках.

⁵ Здесь и далее выделено мной – С.С.

Из этого, конечно, не следует, что разрушение города Болгара имело место. Но почему убийство хана Абдуллы надо непременно привязывать к уничтожению его столицы? Он мог погибнуть и при столкновениях во время преследования Тамерланом Тохтамыша в 1395 г. до Булгарских лесов. Да и вообще в какой-нибудь момент обеих войн, будучи со своим полком в армии Тохтамыша. Таким образом, сообщение «татарской летописи» об убийстве в войнах с Тамерланом болгарского правителя Абдуллы нельзя считать опровергнутым.

Эти же вытекающие из сообщений татарского источника даты (1395, 1396) соответствуют и времени правления Казанью Алтын-Бекком и Алим-Бекком, известному из русско-ногайской переписки: «...и царев Темир-Кутлуев юрт Астрахань, и Алибаев, и Алтынбаев юрт, и Болгарской царев юрт» [15, с.47]. Отсюда следуют два вывода:

1) «Алибаев/Алтынбаев юрт не Болгарский, а следовательно, Казанский;

2) «Алибаев и Алтынбаев юрт» существовал во время правления в Орде Тимир-Кутлу, то есть в 1396(7)–1399 гг., и значит, сразу после нашего Тимир-Аксака в 1395 г. на города Золотой Орды.

Дата 1396 г. точно соответствует и самому первому, как считается, упоминанию города Казани в русских летописях под тем же 1396 г.: «князь Юрий Дмитриевич...шед взяша город Болгары Великия и град Жукотинь и град Казань и град Керменчюкъ, и всю землю их повоева»⁶ [22, с.226].

Здесь надо непременно подчеркнуть, что это действительно первое упоминание Казани в ранних русских летописях. Потому что многих исследователей вводили в заблуждения упоминания Казани и ранее, в 1391 и даже в 1375 гг. Так, в записи о 1391 г. Симеоновская летопись действительно называет Казань. Но это другой город, точнее – другая Казань (о чем чуть ниже). Потому что в тексте говорится: «Новгородци и Устюжане... выидоша въ насадех и въ ушкеех рекою Вяткою на низ и взяша Жукотинь и Казань, и **вышедше на Волгу и пограбивше гостей взъвратишася**» [21, с.141; 22, с.219]. То есть перечислялись города, расположенные по пути из Вятки через Каму – до выхода в Волгу. Сегодняшняя Казань к ним относиться не может. Значит, летопись так именуется город, понимаемый сейчас как легендарный Кашан.

В сообщении под 1375 г. Никоновская летопись повествует о новгородских разбойниках: «и поидоша Волгою на Низь, въ Каму поверънуша и много пограбиша по неи и, возвратившеся, приидоша в **Болгары, еже есть в Казань**, и тамо полонь весь попрадася» [19, с.24]. Можно было бы предполагать, что речь здесь идет о Казани, взявшей название Болгар

⁶ Впрочем, дислокация перечисленных городов и последовательность их перечисления, позволяют считать, что здесь перечислены города по разным берегам и снизу вверх по течению реки Камы, и имелся в виду Кашан, а не Казань.

(вспомним монеты казанской чеканки 1400–1411 гг. с надписями «Булгар» и «Булгар ал-Джедид») [11, с.20], а не о Булгаре, переименованном в Казань.

Однако источниковеды давно отметили, что поздняя Никоновская летопись XVI в. подверглась идеологическим правкам, что в ее основе лежит не древнейшая Троицкая летопись (1408 г.), а ее Тверская переработка. Но и помимо мнения исследователей сама же Троицкая летопись недвусмысленно разъясняет ситуацию: «и поидоша на низъ, и повернуша в Каму, и тамо в Каме помедлиша неколико время, и **потомъ выидоша ис Камы, и внидоша Камою на Волгу, и дошедше на низъ по Волзе града Болгарь...** поидоша на низъ къ Сараю» [17, с.400]. То же читаем в Симеоновской и Новгородской IV летописи. Но ниже устья Камы может быть только Болгар, а не Казань.

Теперь, после «частичной реабилитации» «татарской летописи» вспомним, что в ее конце дается перечень ханов Казани. Из 40 известных М.А. Усманову списков «Дафтар-и Чингиз-наме» я знаком лишь с шестью, переведенными на русский язык. А в них первыми ханами называются либо один Алтын-бек, либо Алтын-бек с Алим-беком. И лишь после них следуют Улуг-Мухаммед и Махмутек.

Лет двадцать назад я обнаружил фрагмент еще одного списка «Дафтар-и Чингиз-наме», то есть более ранней, чем публикации Карла Фукса (1817), Петра Пашино (1852) и Николая Катанова (1899 и 1905). Он приведен в вышеупомянутом «Кратком гисторическом Описании городов» Казанской и других губерний, оказавшихся на пути следования сенатского ревизора подполковника Александра Свечина в Казань. Там сборник дас-танов назван чуть иначе – «Чингис Хан». Этот фрагмент Свечин приводит в 110 главе («Город Казань») своего сочинения с пояснением, что «сего ни в каких Гисториях не видимо[,] а выбрано толко из писменных в Казане тетраток...» [23, с.73, прим.*].

Откуда Свечин его «выбрал» и кто сделал перевод, очевидно. Он работал в одном здании (на углу современных улиц Большой Красной и Япеева) с бывшим толмачом, а в указанные годы уже переводчиком Казанской адмиралтейской конторы Сагитом Хальфиным. Напрашивается вывод, что именно Сагит Хальфин открыл этот источник задолго до его опубликования внуком, Ибрагимом Хальфиным.

В «свечинском» списке «татарской летописи» содержатся неизвестные ранее по русским переводам подробности и иная последовательность казанских ханов:

1: *Аитбек*[,] 2: *Махмут*[,] 3: *Мемтяк*[,] 4: *Хаил*[,] 5: *Ибраим*[,] 6: *Илгам*[,] 7: *Мухаметдемин*[,] 8: *Мамук*[,] 9: *Абдулатив*[,] 10: *Сахиб*[,] 11: *Сафигирей*[,] 12: *Галей*[,] 13 : *Утяж*[,] 14: *Ядегер*[,] [23, с.74, прим.**]. «А имена сих ханов с российскими описаниями и з Степенной книгой ни мало несогласно», – кратко комментирует Свечин.

Таким образом, первым правителем города Казани представляется ханский сын Алтын-бек (он же – Галым-бек, Алтун-Бек, Алтыбай, Аит-бек).

Б. Об ойкониме «Казань»

В сборнике «Чингис Хан» из «Описания...» А.И. Свечина присутствуют два любопытных топонимических фрагмента:

1) «Болгоры по татарски называются Юфть[,] где издревле лутчие кожевники жили[.] От сего[,] пришед в славу[,] потеряв сеи город своею имя[,] сим художеством именуется» [23, с.118, прим.*].

Под потерей имени, надо полагать, имелся в виду «потомок Скифа и Азардани... знатный начальник Болгар», который «во имя свое сей город построил».

2) «Казань по татарски называется [«]котел[»] **по числу людей**[.] в случае разговора на их языке употребляется походное жилище стаика и протчая» [23, с.74, прим.*]

«Стайкой» в Сибири называют сарай. С «котлом» сложнее. В более чем 15 восточных и кавказских словарях ничего близкого не обнаружилось. Но в ряде старинных сочинений приводятся следующие разъяснения близких по звучанию и по смыслу («число людей») военных терминов, существовавших в армиях и Тамерлана, и Тохтамыша:

Кушун – рота в 100 человек [25, с.57, прим.2].

Кошун (хошун) – букв. «отряд», обычно хошуном называлась конная сотня [5, с.296, 308].

Кошун – «сотня» – единица в организации войска [26, с.150].

В. О понятии «ханство»

Вопрос о первом казанском хане выдвигает другой вопрос: а что такое первое? Как по-простому объяснять: что такое Казанское ханство? В энциклопедии много чего написано, а о начале просто сказано: «...образовалось... основатель – Улуг-Мухаммад... при нем территория расширилась» и т.д.

А что такое вообще ханство? Кто придумал это слово? Почему одни «осколки» Улуса Джучи давно уже называются ханствами (Казанское, Касимовское, Астраханское), другие – ордами (Большая, Ногайская), третьи – государствами (Шибанидов)?

Какие у ханства признаки? В результате чего образовалось? (Независимость от Золотой Орды? Новые границы? Завоевание? Революция?). Принято считать, что ханство – это независимое государственное образование. Но так ли это?

– Касимовское ханство продолжало так называться, хотя независимым оно было только в самом начале.

– Казанские земли хан Сахиб-Гирей в 1524 г. объявил юртом Сулеймана I. Но и до того Казанское ханство находилось под разными протекторатами.

Значит, признаком ханства является не независимость, а что-то иное. Может быть – нахождение во главе его хана (царя)?

Да и когда Казанское государство перестало быть автономным улусом Золотой Орды и стало самостоятельным? Когда кто-то сказал, что такой-то (например, Махмутек) «сел царствовать... и оттоле нача царство быти Казанское»?

И вообще: откуда всплыло это слово – «ханство»? В русских, татарских, арабских, персидских источниках такого понятия нет. К государству, столицей которого была Казань, применялись другие названия: юрт, улус, царство, вилайет.

Так, В.В. Трепавлов показывает, что неоднократно в источниках Крымское ханство предстает как «Тохтамышев царев юрт», Астраханское ханство – как «Темир-Кутлуев царев юрт», Казахское ханство – как «Урусов царев юрт» и «Бараков царев Казатцкой юрт», Казанское ханство – как «Магмет Киреев царев юрт» и «Алибаев и Алтыбаев юрт» (в зависимости от имени ханов того или иного периода), Ногайская Орда – как Мангытский юрт (по правящему элю, условно говоря, племени); Казанское ханство иногда именуется в источниках Булгарией, Булгарским государством или Булгарским вилайетом [24, с.181].

Некоторые исследователи полагают, что Казанское государство, называвшееся ими княжеством или вилайетом, стало ханством, когда править в нем начала ханская династия (Улуг-Мухаммед или Махмутек), после детей то ли хана, то ли псевдохана эмира Габдуллы. Но и здесь стоит обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, в дипломатических документах Московского и Ногайского государств XVI в., когда во главе Казанского, Астраханского государств стояли ханы, эти государства назывались постоянно юртами [14, с.75, 80–82, 88, 91, 93, 116, 118, 133, 134, 139, 140, 144, 146, 166, 257, 316, 318], иногда землями [14, с.54, 118]. При чем подразумевались при этом не территории, а именно государства. Ногайцы же и Московское государство называли юртом («великого Ивана юрт») [14, с.118]. Во-вторых, болгарские правители стали называться эмирами после указания Ибн-Фадлана, когда хан (по Марджани) Алмас (Алмуш) стал амиром (эмиром) Джагфаром. Поэтому не исключено, что Габдулла династически считал себя ханом. Ханом он назван и во всех татарских сказаниях.

То есть вместо подлинных названий придумали искусственный термин ханство, следуя простецкой логике: коли хана называли русские царем, то можно и царство назвать ханством. Надо заметить тут, что параллель: «князь – княжество», «эмиры – эмираты» – не корректна, поскольку княжество и имарат – подлинные названия государственных образований.

Г. О первоначальной (до Иски-) Казани

Исследователи Волго-Камья XIV в. после продолжительных размышлений остановились на мнении, что легендарный город Кашан на Каме в русских летописях назван Казанью вследствие путаницы или умышленной замены летописцами. Легендарность Кашана в том, что он известен только по одному поэтическому эпизоду в «Повести о несгораемой царевне» в рукописи «Беан Дастан уд тарих» и других. Впрочем, топонимы, родственные слову «кашан», были, по сообщению П.А. Пономарева, известны жителям сел Юлги (Елги) XIX в.: Кашан кала, Кашанова шишка, Кашаново поле, Кашанский затон [13, с.136]⁷.

Но Кашан с Казанью «путают» (якобы) не только русские, но и татары.

– Так, в «татарской летописи» (гл. VI «Дафтар-и Чингиз-намэ») из двух списков, принадлежавших И. Хальфину и Н. Пантусову, следует, что сыновья хана Абдуллы после разорения Аксак-Тимуром г. Булгара «пришедши, на реке Казани (в некоторых книгах написано «Кашан». – С.С.), поставив крепость, основали город» [8, с.313, 318].

– Член-сотрудник Императорского русского географического общества С.Е. Мельников писал, что «выше Шурана... по татарским древним таварихам, был древний болгарский город **Кашан: кашь-ань, или, как говорят татаря, Казан**, иски Казан, т. е. старая Казань» [10, с.348].

– Из записок Н.Н. Кафтанникова, получившего сведения от ученого елгинского муллы: «Галым-бекъ, по рукописи «Товаришь-уть-Даваира», пришел въ болгарский городъ **Кошань**, где был учителемъ; напротив-того, по свидетельству Ферингъ-Номе, онъ пришелъ съ братомъ своимъ сперва в Старую-Казань»⁸ [6, с.57]. Конечно, тут имелась в виду не Старая Казань (Иске-Казан), которую братья пока еще не основали. Надо полагать, что под Кашаном и Старой Казанью именовался в разных татарских сказаниях один и тот же город – Казань на Каме русских летописей.

Вскоре, по преданию, оба или один из детей хана Абдуллы основали Старую Казань. Можно с недоверием относиться к сюжету известной «Повести о несгораемой царевне», в которой говорится, что отпущенный из плена после смерти Тамерлана его сыном третий сын Шеуне-бекъ и дочь болгарского хана Абуллаха, «пришелъ съ сестрою въ болгарский город Кошань,... но, узнав, что братья его основали новый город Казань, где и царствуют, отправился къ ним на житье» [6, с.58, 59]. Но вряд ли является в ней выдумкой, что с какого-то времени Кошан и Казань (старая, на р. Казанке) – уже не один, а два разных города. Причем более ранним городом, где царевна была захвачена и куда потом вернулась, являлся город Кашан на Каме. Почему же она вернулась именно в Кашан? Если вышеупомянутую «Повесть...» рассмотреть совместно с еще одним пре-

⁷ Пономарев П.А. – один из учредителей и почетный член ОАИЭ при Казанском университете (1878). Создатель при нем археологического музея.

⁸ Кафтанников Н.Н. – писатель, журналист, гравер.

данием, почерпнутым П.А. Пономаревым от елгинских татар [13, с.133], то построившая много городков (и Кашан?) легендарная царевна Шагирбану, возможно, и есть «несгораемая» дочь хана Абдуллы.

Однако Казань на Каме русских летописей категорически отрицал С.М. Шпилевский. Настолько, что его мнение все последующие исследователи посчитали доказательством. Но это – ошибка.

Свое доказательство Шпилевский построил на якобы незнании «новейшими историками» о существовании на Каме г. Кашана, которое «ввело в заблуждение редакторов Воскресенской летописи и даже древнейших переписчиков этой летописи... которые смешали название Кошан и Казань» [29, с.66] и ошибочно назвали город на Каме Казанью. Это «доказательство» лишено логики. Потому что незнание Кашана, если оно и было, не могло побудить редакторов летописи назвать город на Каме именно Казанью. Почему, скажем, не Шураном или Полянками? Ответ очевиден: а) составители летописей XVI в., безусловно, знали, где находится современная им Казань (в устье Казанки), с которой давно уже шли военные стычки москвитов; б) поэтому выдумывать еще одну Казань на Каме было бы необъяснимым актом, если только она не была взята из предшествующих источников.

Кроме того, город на р. Каме называют Казанью помимо Воскресенской летописи не только Никоновская летопись [19, с.126] и Рогожский летописец [20, с.161], но и более ранние (чем Воскресенская) летописи XV в.: Симеоновская летопись [21, с.141] и Московский летописный свод конца XV в. (1479 г.) [22, с.219]. И, что особенно важно, – Троицкая летопись (1408 г.): «Новгородци... да и Устюжане гражане выехаша въ насадехъ и въ юшуехъ рекою Вяткою на низъ и взяша Жукотинъ, и пограбиша весь, и **Казань**, и паки выидоша на Волгу... и поидоша прочь» [17, с.438]⁹.

Изложенное в этом и предыдущих разделах подводит к версии, что в языке булгаро-татар рассматриваемого времени ойконимы Кашан и Казан были либо близки по письму, либо созвучны. Каким-то подтверждением этому является и написание даже в XVIII в. слова «Казань» как «Ко-шань» в переводе с китайского путевых записок главы китайского посольства, вице-президента Китайского Трибунала военных дел Ту-ли-шеня, проезжавшего через Казань в октябре 1713 г. к монгольскому (калмыцкому) хану Аюке. Он писал: «Прибыли мы въ Ко-шань (Казань) и остановились... Река Фо-эльль-гэ (Волга) течетъ въ 5 ли от Ко-шани... Ко-шань-сы-ко (Казанская) губерния» [16, с.21, 45]. То есть слово «Казань» по-китайски звучало как «Ко-шань». И если в «Повести...» словами «Кошан» и «Казань» названы разные города, то в последствии они стали синонимами. Напрашивается вывод, что если бы Кошан и Казань изначально не означали одно и то же, то не было бы смысла придумывать новое название селу/аулу в 1 км западнее древнего города – Шуран – вместо Кашана.

⁹ Естественно, Шпилевский не мог видеть сгоревшую в 1812 г. Троицкую летопись после ее реконструкции Приселковым.

Известно, что за небольшим исключением средневековые крупные города региона возникали при крупных речных магистралях. Булгарский город Казань/Кашан возник на древней переправе¹⁰, в узком горле долины Камы. Его перенос впоследствии в верховья реки, названной Казан (ныне – Казанка), был своего рода бегством от тамерлановской чумы, которая могла и вернуться.

Последний раз в русских летописях город Кашан виден опять-таки в 1396 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алишев С.Х.* Болгаро-казанские и золотоордынские отношения в XIII–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 162 с.
2. *Алишев С.Х.* Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. 160 с.
3. *Вахидов С.Г.* Татарские легенды о прошлом Камско-Волжского края // ВНОТ. Казань, 1926. №4. С.82–91.
4. *Измайлов И.Л.* Нашествие Аксак-Тимура на Болгар: мнимая реальность и татарская историческая традиция // Источники и исследования по истории татарского народа. Казань, 2006. С.99–128.
5. Из сочинения Низам-ад-дина Шали // Золотая орда в источниках. Т.1. Арабские и персидские сочинения. М.: ЦИВОИ, 2003. 448 с.
6. *Кавелин А.* (из бумаг Кафтанникова) Древние болгары // Библиотека для чтения. 1847. Т.LXXXII, отд. III. С.41–65.
7. *Катанов Н.Ф.* Краткая история Казанского царства по одной татарской летописи // Деятель. 1899. №1. С.176–179.
8. *Катанов Н.Ф., Покровский И.М.* Отрывок из одной татарской рукописи // ИОАИЭ. Т.XXI, вып. 4. Казань, 1905. С.303–340.
9. *Миргалеев И.М.* Войны Токтамыш-хана с Аксак Тимуром. Казань: Алма-Лит, 2003. 88 с.
10. *Мельников С.Е.* От Чистополя до села Богородского, Тетюшского уезда // Казанские губернские ведомости. 1862. 7 сентябрь.
11. *Мухамадиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983. 184 с.
12. *Пашино Н.* Татарские сказания // Казанские губернские ведомости. 1852. 17 март.
13. *Пономарев П.А.* Данные о городах Волжской Булгарии (археологические заметки). III. Кашан // ИОАИЭ. Т.ХI, вып. 2. Казань, 1893. С.111–138.
14. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. / сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. 391 с.
15. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.) / сост. В.В. Трепавлов. М.: Институт российской истории РАН, 2003. 91 с.
16. Пребывание китайского посольства в Казани // Казанские губернские ведомости. 1845. 1 январь, 29 январь.

¹⁰ На старых картах она шла от места исчезнувшего г. Кошана к левобережным селам Юкали (Мурзихе) и Балахчино.

17. *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 514 с.
18. ПСРЛ. Т.VIII. СПб., 1859.
19. ПСРЛ. Т.XI. СПб., 1897.
20. ПСРЛ. Т.XV. М., 2000.
21. ПСРЛ. Т.XVIII. М., 2007.
22. ПСРЛ. Т.XXV. М.-Л., 1949.
23. *Саначин С.П.* Экспедиция сенатской Комиссии Александра Свечина в Казанское адмиралтейство 1763–1765 годов и ее последствия. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018. 288 с.
24. *Трепавлов В.В.* Среднее Поволжье в эпонимической терминологии позднего средневековья // Источники и исследования по истории татарского народа. Казань, 2006. С.181–185.
25. Уложение Тимура (Тюзик-и-Тимур). Ташкент: Фан, 1968. 112 с.
26. *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, примечания, исследования В.П. Юдина, комментарии и указатели М.Х. Абусейтовой. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.
27. *Федченко О.Д.* Поход Тамерлана на Дешт-и Кипчак в 1391 году // Тюркологические исследования. Т.5, №4. Казань, 2022. С.44–54.
28. *Фукс К.Ф.* Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Краткая история города Казани. Казань: Фонд ТЯК, 1991. 209 с.
29. Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-наме / пер. А. Ахмедов. Ташкент, 2008. 486 с.
30. *Штилевский С.М.* Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Университетская тип., 1877. 585 с.

Информация об авторе:

Саначин Сергей Павлович – независимый исследователь (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0003-5482-2835; e-mail: sanachin.sp@gmail.com

Поступила 10.07.2024

Принята к публикации 19.08.2024

On some controversial issues of the early history of Kazan*

S.P. Sanachin

Independent researcher

Kazan, Russian Federation

The article examines the history of the state of Kazan Tatars at the end of the 14th century based on a comparison of information from the “Daftar-i Chingis-name” and Russian chronicles. The author suggests that the first ruler of the Kazan yurt was Altyn-bek, the son of the Bulgar Khan Abdullah, and offers his own version of the etymology of the name “Kazan”. He also puts forward the thesis that before Iske Ka-

* The editors opinion may not coincide with the author opinion.

zan, the predecessor of modern Kazan was another city – Kashan (Koshan), located on the Kama River.

Keywords: Kazan, daftar, chronicles, Altyn-bek, khan, yurt, Koshan

For citation: Sanachin S.P. On some controversial issues of the early history of Kazan. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.3, pp.20–33. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.20-33> (In Russian)

REFERENCES

1. Alishev S.Kh. *Bolgar-Kazan and Golden Horde relations in the 13th–16th centuries*. Kazan: Tatar book Publ., 2009. 162 p. (In Russian)
2. Alishev S.Kh. *Kazan and Moscow: interstate relations in the 15th–16th centuries*. Kazan: Tatar book Publ., 1995. 160 p. (In Russian)
3. Vakhidov S.G. Tatar legends about the past of the Kama-Volga region. *VNOT*. 1926, no.4, pp.82–91. (In Russian)
4. Izmailov I.L. The invasion of Aksak-Timur on the Bolgar: imaginary reality and the Tatar historical tradition. *Sources and research on the history of the Tatar people*. Kazan, 2006, pp.99–128. (In Russian)
5. From the work of Nizam-ad-din Shali. *Golden Horde in sources*. Vol.1. Arabic and Persian writings. Moscow: TsIVOI Publ., 2003. 448 p. (In Russian)
6. Kavelin A. Ancient Bulgarians (from the Kaftannikov papers). *Library for reading*. 1847, vol.82, no.3, pp.41–65. (In Russian)
7. Katanov N.F. A brief history of the Kazan kingdom according to one Tatar chronicle. *Deyatel*. 1899, no.1, pp.176–179. (In Russian)
8. Katanov N.F., Pokrovsky I.M. Excerpt from one Tatar manuscript. *News of the Society of Archeology, History and Ethnography*. 1905, vol.21, no.4, pp.303–340. (In Russian)
9. Mirgaleev I.M. *Wars of Toktamyskh Khan with Aksak Timur*. Kazan: Alma-Lit Publ., 2003. 88 p. (In Russian)
10. Melnikov S.E. From Chistopol to the village of Bogorodskoye of Tetyushsky district. *Kazan Provincial Gazette*, 1862, September 7. (In Russian)
11. Mukhamadiev A.G. *Bulgar-Tatar monetary system of the 12th – 15th centuries*. Moscow: Nauka Publ., 1983. 184 p. (In Russian)
12. Pashino N. Tatar legends. *Kazan Provincial Gazette*, 1852, March 17. (In Russian)
13. Ponomarev P.A. Data on the cities of Volga Bulgaria (archaeological notes). Part 3. Kashan. *News of the Society of Archeology, History and Ethnography*. 1893, vol.11, no.2, pp.111–138. (In Russian)
14. *Ambassadorial books on relations between Russia and the Nogai Horde. 1551–1561*. Compiled by D.A. Mustafina, V.V. Trepavlov. Kazan: Tatar book Publ., 391 p. (In Russian)
15. *Ambassadorial book on relations between Russia and the Nogai Horde (1576)*. Compiled by V.V. Trepavlov. Moscow: Institute of Russian History of RAS Publ., 2003. 91 p. (In Russian)
16. Stay of the Chinese embassy in Kazan. *Kazan Provincial Gazette*, 1845, January 1, January 29. (In Russian)

17. Priselkov M.D. *Trinity Chronicle*. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1950. 514 p. (In Russian)

18. *Complete collection of Russian chronicles (PSRL)*. Vol.8. St. Petersburg, 1859. (In Russian)

19. *PSRL*. Vol.11. St. Petersburg, 1897. (In Russian)

20. *PSRL*. Vol.15. Moscow, 2000. (In Russian)

21. *PSRL*. Vol.18. Moscow, 2007. (In Russian)

22. *PSRL*. Vol.25. Moscow-Leningrad, 1949. (In Russian)

23. Sanachin S.P. *Expedition of the Senate Commission of Alexander Svechin to the Kazan Admiralty of 1763–1765 and its consequences*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2018. 288 p. (In Russian)

24. Trepavlov V.V. Middle Volga region in the eponymous terminology of the late Middle Ages. *Sources and research on the history of the Tatar people*. Kazan, 2006, pp.181–185. (In Russian)

25. *Code of Timur (Tyuzik-i-Timur)*. Tashkent: Fan Publ., 1968. 112 p. (In Russian)

26. Utemish-haji. *Chingiz-name*. Ed. by V.P. Yudin, M.Kh. Abuseitova. Alma-Ata: Gylym Publ., 1992. 296 p. (In Russian)

27. Fedchenko O.D. Tamerlan's campaign against Desht-i Kipchak in 1391. *Turkological studies*. 2022, vol.5, no.4, pp.44–54. (In Russian)

28. Fuchs K.F. *Kazan Tatars in statistical and ethnographic terms. Brief history of the Kazan city*. Kazan: TYAK Foundation Publ., 1991. 209 p. (In Russian)

29. Sharaf ad-Din Ali Yazdi. *Zafar-name*. Translated by A. Akhmedov. Tashkent, 2008. 486 p. (In Russian)

30. Shpilevsky S.M. *Ancient cities and other Bulgar-Tatar monuments in the Kazan province*. Kazan: Kazan University Publ., 1877. 585 p. (In Russian)

About the author:

Sanachin Sergey Pavlovich – independent researcher (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0003-5482-2835; e-mail: sanachin.sp@gmail.com

Received July 10, 2024

Accepted for publication August 19, 2024

УДК 94(47).043+94(47).044

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-3.34-51

Участие мариЙцев в Ливонской (1558–1583) и Русско-шведской (1589–1595) войнах

С.К. Свечников

*МариЙский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
Йошкар-Ола, Российская Федерация*

В статье рассматривается история участия мариЙцев в составе войск Московского государства в войнах в Прибалтике во второй половине XVI в. Их количество в рядах многотысячных московских войск не превышало нескольких сотен человек, однако во всех случаях мариЙских воинов определяли в состав Передового полка. Участие мариЙцев в Ливонской войне в основном сводилось к конным набегам и стычкам с небольшими отрядами противника. Во время Русско-шведской войны (1589–1595) мариЙцы впервые принимали участие в штурме крепости. Также черемисы, как и остальные ратники московского войска, участвовали в грабеже и опустошении прибалтийских земель.

Ключевые слова: мариЙцы, черемисы, Ливонская война, Русско-шведская война, Прибалтика, Передовой полк, черемисские войны

Для цитирования: Свечников С.К. Участие мариЙцев в Ливонской (1558–1583) и Русско-шведской (1589–1595) войнах // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №3. С.34–51. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.34-51>

Вопрос об участии мариЙских воинов в военных действиях в Прибалтике на службе Московского государства во второй половине XVI в. является малоизученным. В XIX в. вскользь об этом писал казанский историк Н.А. Фирсов, утверждавший, что в Ливонии ополчение, составленное из татар, черемис, мордвы, вотяков, чувашей, башкир бывшего Казанского ханства, «употреблялся в особенности там, где нужно было произвести резню и грабеж» [41, с.168]. Упоминания об участии мариЙцев в войнах на территории Прибалтики в 1550–1590-х гг. имеются в исследованиях С.Х. Алишева, И.П. Ермолаева, Н.В. Никольского, В.В. Пенского, Я.В. Филипчака, А.А. Шапрана и др. [4, с.190; 8, с.65; 9, с.93; 18, с.132–133; 19, с.29, 85; 20, с.500–502, 504, 506; 21, с.196–198; 43, с.167]. Более подробно вопросы участия мариЙских воинов в Ливонской и Русско-шведской войнах второй половины XVI в. рассмотрены в работах А.Г. Бахтина и Б.А. Илюшина. В исследованиях А.Г. Бахтина дальнейшее развитие получило мнение Н.А. Фирсова о том, что действия мариЙцев и

других поволжских ополченцев сводились в основном к опустошению местности, разорению населения вражеской территории [5, с.467–468]. Б.А. Илюшин обратил внимание на то, что почти во всех случаях ведения боевых действий на территории Прибалтики черемисы значились в Передовом полку [11, с.63, 78, 144], то есть марийские воины действовали на первой линии, принимавшей на себя первоначальный удар противника.

Весной 1557 г. закончилась кровопролитная Первая черемисская война, начавшаяся в конце 1552 г. после падения Казани и ликвидации Казанского ханства. Основные и наиболее активные ее участники – луговые марийцы, – потерпев ряд существенных поражений, были вынуждены прекратить сопротивление и дать присягу на верность русскому царю Ивану IV. Марийцам была дана царская жалованная грамота, «как им государю вперед служить во веки и их детям» [23, с.256]. Эта жалованная грамота (равно как и та, что была выдана горным людям в 1551 г.) утеряна, о ее содержании можно только догадываться. Однако точно можно утверждать, что одним из условий перехода в российское подданство являлось участие «злолютых» марийских ратников в войнах Московского царства с соседними государствами.

В 1558 г. Иван IV начал войну против Ливонского ордена, отказавшегося от выплаты юрьевской дани. В качестве устрашения на ливонцев было направлено многонациональное войско, номинально возглавляемое касимовским ханом Шах-Али. Согласно Никоновской и Лебедевской летописям, у русско-ливонской границы эта армия была собрана к ноябрю 1557 г. Традиционно московское войско состояло из 5 полков: Сторожевого, Передового, Большого, Правой руки илевой руки. Марийцы значились среди воинов Передового полка: «А в передовом полку церевичь Тахтамышь, а бояр и воевод Иван Васильевич Шереметев Большой да Олексей Данилович Басманов, да черкаские князи князь Иван Маашик з братьею; да в передовом же полку Данило Адашев, а с ним казанские люди ис Казани и из Свяги и из Чебоксары, и черемиса и новокрещены» [23, с.259]. Согласно Псковской III летописи, Иван IV направил на ливонцев «царя Шихалея и воевод своих со множеством воинства, князеи и дечи боярских, и черкасы пятигорские, и татары, и черемиса» [26, с.235]. По разным сведениям и предположениям, московские рати, действовавшие в Ливонии в начале 1558 г., насчитывали от 4 до 65 тыс. чел. [6, с.37; 19, с.29–30; 40, с.94]. Марийских воинов, составлявших лишь небольшую часть далеко не самого многочисленного Передового полка, было, скорее всего, несколько сот человек.

Войска Ивана IV Грозного вторглись в Ливонию 22 января 1558 г. Они не задерживались у городов и крепостей, а громили округу, жгли села, деревни, демонстративно проявляли жестокость к населению. По словам ливонского хрониста Ниенштедта, «как только перешли они границу,

сейчас засверкали топоры и сабли, стали они рубить и женщин, и мужчин, и скот, сожгли все дворы и крестьянские хаты и прошли знатную часть Ливонии, опустошая по дороге все» [14, с.14]. Такую же картину описывает Рюссов: «...московит с сильным войском пришел в Ливонию, напал на земли в епископстве рижском, дерптском и Вирланде, грабил, жег и убивал, и причинил большой убыток убийством, грабежом, пожаром и взятием в плен, без всякого сопротивления, ливонцев; то, чего он не мог захватить с собой из скота и хлеба, он уничтожил; много скота он загонял в сараи, затем поджигал и сжигал их со скотом» [15, с.358]. В этих и иных европейских хрониках отсутствуют упоминания об участии в Ливонской войне марийцев. Из народов, входивших в состав московских войск, называются только русские и татары. Однако, вне всякого сомнения, в грабеж и разорение Ливонии марийские воины тоже внесли свой вклад.

Более подробное и детальное описание похода московских войск содержится в Никоновской и Лебедевской летописях. В частности, легкий отряд, куда вошла и та часть Передового полка, которым руководил Д.Ф. Адашев (следовательно, там были и марийские воины), в течение первых десяти дней опустошил значительную территорию «подле Литовской рубежь, вдоль на полтораста верст, а поперег на сто верст», а затем соединился с главными силами под Дерптом (Юрьевом). Дерптский гарнизон осуществил вылазку, однако отряд, состоявший из 500 всадников и пехотинцев, был разбит русским ертаулом, подоспевшими к ним на помощь ратниками Передового полка и полка Правой руки («многие черкасы и дети боярские»). После этого была беспощадно разорена вся северовосточная часть Ливонского ордена. К середине февраля 1558 г. первый поход на Ливонию завершился [23, с.260–261].

Марийцы не были задействованы в битве за Нарву, закончившейся ее падением в мае 1558 г., равно как и в последующих военных действиях до конца 1558 г. [19, с.35–64]. По всей видимости, они в феврале 1558 г. были отпущены по домам. Вряд ли марийские воины были недовольны результатами своего участия в походе на Ливонию в 1558 г.: крупных сражений не было, потери оказались незначительны, всяких богатств награблено с избытком.

В конце 1558 г. было собрано новое большое войско для похода на Ливонию. По расчетам В.В. Пенского, оно насчитывало 18–20 тыс. чел. [19, с.66–68]. Формально командующим был назначен татарский царевич Тохтамыш, но фактически всеми 5 полками руководил опытный воевода князь С.И. Микулинский. Согласно разрядным записям, в Передовом полку числились казанские горные и луговые люди: «В передовом полку бояре и воеводы князь Василей Семенович Серебряной да Микита Романович Юрьев; да в передовом же полку из Острова воевода Федор Васильевич Шереметев. Да в передовом же полку с царевым Шиголеевым двором

князь Ондрей Петрович Телятевской; да в передовом же полку с казанскими з горными и с луговыми людьми воевода Борис Иванов сын Сукин» [27, с.176; 30, с.39]. Об участии черемис в этом походе сообщается в Псковской III летописи [26, с.237]. Вторжение началось 15 января 1559 г. На этот раз была разорена южная часть Ливонского ордена. Характер действий московских войск не отличался от похода начала 1558 г. Двигаясь в сторону Риги, они опустошали все на своем пути, не встречая при этом серьезного сопротивления: «...и воевали до Риги и Задвинье все и Поморье и от Риги по обе стороне Двины, и поплениша землю их всю, и не бе места идеже не воеваша» [26, с.238]. Поход завершился 17 февраля 1559 г. Крупное сражение имело место 17 января 1559 г. под Тирзеном. С отрядом рижского домпробста («печатника арцыбискупова») Фридриха Фелькерзама (Янатува) столкнулись ратники Передового полка. В упорном бою ливонцы потерпели сокрушительное поражение. В сражении пали 400 «немцев», в том числе военачальники Гедерт и Ганус, в плен попали сам Ф. Фелькерзам и 34 «мызников лутчих» [6, с.57; 19, с.71–72; 23, с.278; 26, с.238]. О потерях Передового полка не сообщается, но, скорее всего, они были значительны. В русских летописях говорится об отсутствии погибших и раненых среди московских ратников («все вышли здоровы») [23, с.278, 26, с.238], хотя на самом деле они были. Например, под Ригой в феврале 1559 г. отряд русской конницы, состоявший из 120 воинов, был разбит 300 ливонскими рыцарями и их слугами [19, с.72]. Также от раны в шею, полученной в одном из сражений, скончался сам князь С.И. Микулинский [6, с.58].

В имеющихся источниках нет прямого указания об участии в сражении под Тирзеном марийских воинов. Однако, как указано выше, они входили в состав Передового полка князя В.С. Серебряного, поэтому можно уверенно полагать, что марийцы тоже внесли свой вклад в эту победу и при этом, скорее всего, понесли большие потери. Учитывая, что январско-февральский поход 1559 г. проходил полностью в соответствии с татарской набеговой стратегией, можно предположить, что московские воеводы, подобно ордынским военачальникам, выставили недавно покоренных марийцев на переднюю линию атаки, полагаясь на их богатый опыт участия в войнах и в то же время обрекая на гибель вчерашних, но все еще потенциально опасных врагов. По предположению Б.А. Илюшина, регулярное участие черемис в Передовом полку русской армии в войнах XVI в. объясняется «их экзотическим видом (они должны были производить впечатление на европейских противников разнородностью царского войска), слабой интегрированностью в Российское государство и сословную систему, а также малочисленностью (почему их и предпочитали держать компактно в одном полку, как служилых татар в XV в.), сравнительно высоким военным потенциалом легкой черемисской конницы, наконец,

недоверием к недавно включенным в государство подданным (из-за чего командование опасалось ставить их с флангов или тыла)» [11, с.78–79].

В свою очередь, марийские воины стремились доказать русским воеводам свою верность, снять с себя всякие подозрения в неблагонадежности, поэтому были мотивированы в том, чтобы их направили «в самое пекло». Достаточно здесь вспомнить характерный эпизод из череды событий, связанных с вхождением горных марийцев в состав Русского государства в 1551 г. После приведения к присяге населения Горной стороны от Шах-Али и свияжских воевод пришло распоряжение: «Правду есте государю учинили, пойдите же, покажите свою правду государю, воюйте его недруга». Горные марийцы и чуваша немедленно изъявили о своей решимости переправиться на левый берег Волги и атаковать Казань. Через некоторое время отряд горных людей появился под стенами столицы ханства на Арском поле, «и вышли к ним все казаньские люди, крымцы и казаньцы, да с ними билися крепко и от обоих падоша. Казанцы же вывезли на них из города пушки и пищали да учяли на них стреляти. И горние люди чуваша и черемиса дрогнули и побежали; и убили у них казанцы человек со сто, а с пятьдесят живых поймали». Специально назначенные наблюдатели Петр Туров и Алексей Ершов подтвердили, «что горние люди служили государю прямо». Более того, прибежавшие к Шах-Али и свияжским воеводам участники сражения на Арском поле просили еще раз бросить их в бой [23, с.165].

Правда, в период Первой черемисской войны 1552–1557 гг. было несколько случаев, когда отряды присягнувших русскому царю марийцев, татар и чувашей переходили на сторону повстанцев [35, с.232, 242, 247]. Полного доверия к новым подданным, конечно, быть не могло. Однако ни одного факта перехода черемисов на сторону противника на Ливонском фронте в источниках не зафиксировано. Это неудивительно, поскольку между местными народами (белорусами, латышами, ливами, литовцами, эстонцами, немцами, финнами, шведами и др.) и марийцами существовала «дистанция огромного размера» – географическая, социальная, культурная, религиозная, политическая и т.д.

В 1560 г. луговые марийцы подняли восстание. Причины его неизвестны, в разрядных книгах имеется информация об ожидании прихода «х Казани казанских людей», которые «станут воевать казанские места». Одной из причин восстания могла быть очередная мобилизация на Ливонский фронт: рассказы вернувшихся из похода января-февраля 1559 г. об условиях и обстоятельствах их участия в войне против «немцев» могли вызвать крайне негативную реакцию и склонить к сопротивлению призыву. Против восставших были направлены три полка: Большой и Передовой из Казани и Сторожевой из Чебоксар. О результатах этого похода ничего не сообщается [29, с.86–87]. По крайней мере, об участии марийцев в во-

енных действиях на Ливонском фронте на протяжении двух лет после данного восстания (до конца 1562 г.) нет никакой информации.

Возможно, небольшое количество марийских воинов принимало участие во взятии Вильяна (Феллина) летом 1560 г. (крепость сдалась после трехнедельной осады). Они могли быть в числе «казанских людей» под руководством головы И.Л. Ширяева в составе Сторожевого полка. Вместе с тем не исключено, что под «казанскими людьми» здесь подразумевались только русские ратники и служилые татары из Казани и Казанского уезда: в соответствующих разрядных записях кроме русских и татар другие народы не упоминаются [27, с.189–192; 28, с.9–10; 29, с.77–84].

В начале 1560-х гг. в Ливонскую войну вступили Дания, Литва и Швеция. Основная часть бывшего Ливонского ордена согласно Виленской унии 1561 г. вошла в состав Великого княжества Литовского (в 1569 г. последнее объединилось с Польшей в Речь Посполитую); Швеция же начала войну за передел Ливонии против Дании. Главным противником Российского государства в Ливонской войне с этого времени стало Польско-Литовское государство [38]. Одним из ключевых эпизодов этого противостояния стало взятие московскими войсками Полоцка в 1563 г. Марийцы и в Полоцком походе числились среди воинов Передового полка. В соответствии с летописными сообщениями, «в передовом же полку воевода князь Юрьи Петрович Репнин, а с ним казанские и свияжские, чебоксарские князи и мурзы и казаки горские и луговые» [23, с.305]. Согласно разрядным записям, «в передовом же полку воевода князь Юрьи Петрович Репнин с казанскими и свияжскими и с чебоксарскими людьми» [27, с.198]. В Книге полоцкого похода содержатся более подробные, в том числе количественные, данные: «Да в передовом же полку воевода князь Юрьи Петрович Репнин, а с ним казанские люди 226 ч., збирал их князь Семен Бабичев, да свияжские люди 478 ч., збирал их Юрьи Офонасьев, да чебоксарские люди 236 ч., збирал их Михайло Колупаев да Иван Елизаров» [12, с.42]. Из этих 940 человек марийцы составляли, скорее всего, около половины (остальные – русские, татары, чуваш). Таким образом, можно полагать, что в Полоцком походе принимало участие 400–500 марийских воинов. 13 февраля в ходе осады Полоцка (31 января – 15 февраля 1563 г.) марийские ратники участвовали в выдвижении против выступившего со стороны Вильно на помощь полоцкому гарнизону литовского отряда гетмана Радзивилла. Однако литовцы уклонились от сражения и отступили [12, с.65]. Вскоре, не выдержав сильного артиллерийского обстрела и опасаясь генерального штурма, Полоцк капитулировал. 16 февраля 1563 г. «послал государь царь и великий князь Литовские земли воевати царевича Ибака да воеводу своего князя Юрия Петровича Репнина, а с ним татар пятнадцать тысяч, oprичь иных загонщиков; а велел им до Вилны не доходити за пятьдесят верст; а велел им проведывати про короля и про королеву заставу и дороги проведывати к Вил-

не» [23, с.316]. Учитывая, что под началом князя Ю.П. Репнина находились казанские, свияжские и чебоксарские воины Передового полка, можно полагать, что в походе на виленском направлении в числе «иных загонщиков» участвовали и марийские ратники.

Марийские воины, скорее всего, были также среди участников похода на окрестности Могилева и Мстиславля, начавшегося 25 июля 1564 г. Согласно летописным сообщениям, «воевода Василей Ондреевич Бутурлин з детми боярскими и с татары служилыми и с казанскими з горными, и с чебоксарскими и с остроханскими и с нагайскими и з городецкими и с мордовою, и воевали Мстиславские места и Кричевские и Радомльские и Могилевские и многих людей побили, и в полон взяли воинских людей шляхтычь, и з женами и з детми, и черных людей всяких 4787 душ; и пришли в Смоленск со всеми людми, дал бог, здорово» [23, с.335–336].

В 1565–1570 гг. частота и масштабы военных действий снизились; сведения об участии в них марийцев стали редкими. Известно, что 20 июля 1567 г. на берегу озера Суша в районе Полоцка литовские войска разгромили крупное московское войско, прикрывавшее строительство крепости. Согласно литовским данным, в битве погибло 3 тыс. «сынов боярских», 500 «мордвы и черемисы», 400 пехотинцев и 1,5 тыс. «посохи» [45, с.111]. В 1570 г. между Россией и Речью Посполитой было заключено перемирие.

Марийские воины и представители знати, пользуясь возникшим затишьем, пытались заключить союз с крымским ханом. Не идя на сотрудничество с противниками Московского государства на западе, они в то же время были готовы вести переговоры с Крымским ханством, с которым у них были давние и тесные связи. Находившиеся в Москве луговые марийцы Лаиш и Лаимбердей в 1565 г. обратились к хану Девлет-Гирею через казанского татарина Коштивлея улана с просьбой направить в Среднее Поволжье войско, чтобы «промышлять заодно над Казанью»¹. В 1566 г. в Крым из Луговой стороны от марийского сотенного князя Адая и сына Мамич-Бердея Кочака с аналогичным посланием к хану был отправлен брат Адая Тогилдей, а в 1568 г. из Горной стороны к хану прибыли черемисы Агиш и Мустафа вместе с крещеным татаринном Иванчей. Ответное письмо народам Среднего Поволжья Девлет-Гирей направил в начале 1569 г. В частности, он призвал их начать восстание, как только турецкие и крымскотатарские войска подойдут к Астрахани [22, с.88, 166–167, 223]. Однако турецко-крымский поход на Астрахань в 1569 г. не вызвал вооруженных выступлений в Среднем Поволжье. Наоборот, даже имеются сведения об участии черемис в нападениях на турецко-крымские войска под Астраханью [16, с.27].

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.123. Оп.1. Кн.12. Л.71–71 об.

Сигналом к восстанию в Среднем Поволжье и началу Второй черемисской войны 1571–1574 гг. послужило сожжение Москвы Девлет-Гиреем в мае 1571 г. [44, с.271]. Как полагает А.Г. Бахтин, восстание началось в декабре 1571 г. во время мобилизации на Ливонский фронт (в 1570 г. началась война со Швецией) [4, с.528]. Согласно разрядным записям, 1 декабря 1571 г. «посылал царь и великий князь князя Василья Васильевича Тюфякина да князя Григорья княж Федорова сына Мещерского, а велел им в Казани собрати казанских князей, и тотар, и черемису, и мордву; а, собрав, велел им за собою в Новгород в Великий итти наспех» [28, с.81; 30, с.291]. В наказе русскому послу в Крымском ханстве Ивану Судакову 1572 г. сообщалось, что зимой 1571/1572 г. «передовые люди царь Саин-Булат и царевич Будылей Кайбулович и нагайские люди, и казанские, и свияжские, и азстороханские, и мещерские люди, и ноугородские люди немногие в Неметцкую землю вошли до Выбора» [22, с.132]. Руководивший мобилизацией в Среднем Поволжье князь Г.Ф. Мещерский, согласно разрядным записям, во время Выборгского похода был воеводой Передового полка, куда входили ногайцы «со многими тотары» [30, с.294]. По всей видимости, русским воеводам в декабре 1571 г. все же удалось набрать некоторое количество воинов из числа маришцев и других народов бывшего Казанского ханства. Маришцы, как и прежде, действовали в составе Передового полка.

К лету 1572 г., как полагает А.Г. Бахтин, восставшие поставили под свой контроль большую часть территории Среднего Поволжья и блокировали русские гарнизоны [5, с.529]. В Речи Посполитой внимательно следили за ходом событий в Среднем Поволжье, понимая, что, пока Иван IV занят усмирением непокорных черемисов и союзных им ногайцев, тот не осмелится возобновить против них войну. Оршанский староста Филон Никита Чернобыльский на основе информации, полученной от «шпегов» (шпионов), регулярно докладывал польскому королю Генриху Валуа о действиях черемисов и ногайцев. В частности, 1 декабря 1573 г. он писал, что луговые черемисы полностью блокировали Казань и разгромили посланное против них 8-тысячное московское войско. 26 января 1574 г. также им было отправлено сообщение о блокаде ногайцами и черемисами Астрахани. 1 марта 1574 г. стало известно, что Иван IV с черемисами и ногайцами заключил перемирие и «жалованье дей або поминки великие им дал». В письме от 13 марта 1574 г. оршанский староста сообщил, что черемисы и ногайцы дали присягу на верность русскому царю, обещав «против каждого неприятеля его ему помогати»; также были высказаны опасения, что скоро «по всех границах панства его королевской милости великого князства Литовского войска татар нагайских и черемиские будут» [2, с.164–166].

Согласно жалованной уставной грамоте волостям Казанской земли, выданной Иваном IV в феврале 1574 г. (после установления перемирия), мари́йцам, татарам, чувашам и другим народам Среднего Поволжья предписывалось «быть неотступным и служба им наша, где их ни пошлем на своих недрузей, служитьи всем своими головами». Был установлен порядок призыва: посылать на дальнюю службу в зимнее время по человеку с двух дворов, летом – по человеку с трех дворов, на ближнюю службу – по человеку со двора [7, с.72–73].

Летом – осенью 1577 г. войска Ивана IV нанесли мощный удар по польско-литовским владениям в Прибалтике севернее Западной Двины. Военные действия начались с того, что 2 июля 1577 г. из Пскова двинулись три полка (Большой, Передовой и Сторожевой) во главе с князем Т.Р. Трубецким общей численностью 5287 человек. Мари́йцы вместе с русскими, татарскими и чувашскими воинами числились в Передовом полку: «Да свияжских людей з головою с Соловцовым 435 человек, да чебоксарских людей з головою с Мансуром Товарищевым 188 человек, да какшаских людей з головою с Ываном Губиным 681 человек». Таким образом, доля кокшайских, свияжских и чебоксарских людей (в основном мари́йцев) в Передовом полку достигала 75% (всего в нем было 1774 воинов) [31, с.476–482]. Полки князя Т.Р. Трубецкого не встречали серьезного сопротивления и вскоре вышли к берегам Западной Двины. 13 июля на Ливонию двинулась 30-тысячная рать во главе с самим царем. К концу похода в сентябре 1577 г. под властью Ивана IV оказалось более двадцати ливонских городов. Русский царь контролировал почти всю Лифляндию и большую часть Эстляндии (за исключением Риги, Ревеля, шведских и датских владений) [40, с.210–213].

7 июля 1579 г. три полка (Большой, Передовой и Сторожевой) во главе с князем В.Д. Хилковым были направлены «воевать Ливонские земли и курлянских немец за реку за Двину». В составе этого отряда были и мари́йские воины. Как обычно, ими руководили «головы» из числа русских служилых людей: «...у горные черемисы голова Офонасей Шетнев; у луговые черемисы голова Офонасей Федоров сын Загрязской Старой». Поход был успешным («побили в Курлянской земле немецких людей»); воеводы, головы, дети боярские, стрельцы получили за это царские награды («золотые червонные», «полузолотые угорские», «копейки золотые», «деньги золотые»). О награждении татар, ногайцев и черемис, участвовавших в этом походе, ничего не сообщается. [32, с.76]. Видимо, они должны были довольствоваться добытыми трофеями. Полки князя В.Д. Хилкова вскоре были направлены на помощь Полоцку, осажденному войсками польского короля Стефана Батория, однако они не успели: 1 сентября 1579 г. русский гарнизон Полоцка капитулировал [39, с.319–325].

Об участии марийцев на завершающей стадии Ливонской войны имеется мало сведений. Б.А. Илюшин допускает вероятность того, что под «кокшайскими, свияжскими, чебоксарскими татарами», упоминаемыми в качестве участников походов 1580–1581 гг., имелись в виду также марийцы и чуваша [11, с.133–137]. Вместе с тем имеются упоминания об участии марийцев в начальной стадии обороны Пскова. В частности, летом 1581 г. войска Стефана Батория вступили в бой на реке Мшаге (Пшаге) с заставой И.М. Бутурлина и князя С.И. Коркодинова, куда входили «казанские и мещерские татарове и черемиса и мордва». Застава была разгромлена, при этом князь Семен Коркодинов попал в плен, а Ивана Бутурлина ранили [25, с.228].

Дальнейшее участие марийцев в Ливонской войне было невозможно из-за начавшейся Третьей черемисской войны (1581–1585). Эта война далеко не в последнюю очередь повлияла на принятие Иваном IV решения о заключении с Речью Посполитой в 1582 г. Ям-Запольского мира.

Примечательно, что еще в начале 1580 г. луговые марийцы категорически отвергли предложение посланников ногайского князя Уруса заключить военный союз против русских, объясняя свою позицию тем, что русский царь «к нам сторожей приставил и лучшие лошади у нас все поимал»². В конце 1581 г. марийцы все же подняли восстание. Оно обрело большой размах и отличалось невероятным накалом. В одной из русских летописей сообщается: «Царь же Иван Васильевич видя их суровство и посла под Казань бояр своих и воевод и повеле им пленити казанцов. Они же погани, аки зверие суровии, противляхуся против рати московские; аки змеи ядыху человеки жалы своими, побиваше московских людей, овогда на станах, овогда на походах, бояре ж и воеводы не можаху их обратити» [24, с.143]. В подавлении мощного повстанческого движения принимали участие высвободившиеся после прекращения Ливонской войны ратники, в том числе служилые татары [4, с.546–554]. В их числе был, например, свияжский князь Тугуш Давлет Бахтыев, участник Ливонской войны, владевший 22 дворами литовских и немецких полоняников [3, с.57, 60]. За ходом Третьей черемисской войны пытались следить в Речи Посполитой. 10 июля 1584 г., в разгар восстания в Среднем Поволжье, польский посол в Москве Лев Сапега в письме кардиналу Болоньетти писал, что «*Coremissi tributo illorum se eximunt*» (букв. «черемисы избавились от дани», в переводе С.М. Соловьева – «черемисы сбросили иго») [1, с.3; 37, с.196–197]. В феврале 1586 г. польские паны в ходе переговоров с русским посланником князем Ф.М. Троекуровым заявляли: «Черемиса ваша вам же недруги» [37, с.204]. Видимо, они не знали, что в 1585 г. марийские повстанцы признали свое поражение, и «добили челом государю царю Феодору Ивановичю всеа Русии черемиса вековым мером» [13, с.240].

² РГАДА. Ф.127. Оп.1. Кн.9. Л.153.

В 1589–1595 гг. Россия воевала со Швецией за возвращение утраченных по итогам Ливонской войны городов – Ивангорода, Копорья, Корелы, Нарвы (Ругодива), Яма. Поход русских войск начался после того, как осенью и зимой 1589 г. шведские войска совершили нападения на северо-западные рубежи Московского государства (Кандалакшскую, Кемскую, Керетскую волости, Печенгский монастырь). 27 января 1590 г. русские войска после непродолжительной осады заняли Ям, затем подступили к Ивангороду и Нарве (эти две крепости разделяла только небольшая река Нарва) [10, с.149–150; 36, с.86–87]. Утром 19 февраля был произведен генеральный штурм Ивангорода. Первым к пролому устремился отряд князя И.Ю. Токмакова, состоявший из 1500 русских стрельцов, 100 черкас и 500 человек «черемисы и мордвы» во главе с Григорием Микулиным, за ними второй волной надвигался отряд С.Ф. Сабурова (400 казаков, 350 стрельцов и 2380 «боярских людей») – всего 5230 чел. Здесь мы имеем дело с первым достоверным упоминанием в письменных источниках об участии марийцев в непосредственном штурме хорошо укрепленной крепости. Однако штурм оказался крайне неудачным, шведы «побили многих дворян и детей боярских, и голов стрелецких, и всяких людей». Был убит и воевода князь И.Ю. Токмаков [25, с.196; 28, с.259; 33, с.159–160]. В Псковской III летописи сообщается о гибели в этом приступе «многих людей и до 5000» [26, с.264], т.е. почти всех участников штурма. Исаак Масса дает схожую информацию, дополняя ее новыми фактами. По его словам, Борис Годунов выступил в поход к Нарве «с войском в триста тысяч человек, в том числе пятьдесят тысяч черемис и татар, кои, будучи поставлены впереди, во время первого приступа все до одного полегли» [16, с.32]. Разумеется, данные о численности русских войск автором сильно преувеличены, зато его сообщение о действии марийских воинов в авангарде штурмовых отрядов согласуется с практикой боевого построения времен Ливонской войны, когда черемисы обычно значились в числе воинов Передового полка. В свою очередь, сообщение И. Массы позволяет с большой долей вероятности предположить, что в рассмотренных нами выше эпизодах Ливонской войны марийские ратники, действуя в составе Передового полка (в 1558, 1559, 1563, 1564, 1571/72, 1577, 1579 гг.), находились в первых рядах наступающих войск.

25 февраля 1590 г. было установлено перемирие, по которому шведы уступили русским Ивангород, Копорье и Ям, сохранив за собой Корелу и Нарву. В последующий период Русско-шведская война вяло тянулась до 1595 г. (дальнейшее участие в ней марийских воинов не зафиксировано), пока не был подписан Тязвинский мирный договор. Россия добилась возвращения Корелы, но Нарва все же осталась за Швецией [10, с.150, 185–186, 189–190; 36, с.88, 91–92].

Между тем в Среднем Поволжье произошло событие, в котором проявилось эхо Ливонской войны. Согласно разрядным записям, зимой 1591/92 г. «изменили государю казанские луговые люди черемиси 12 волостей; и государь за то послал на них воевод своих» [34, с.25]. Возможно, волнения были вызваны очередным призывом на Русско-шведскую войну (зимой-весной 1592 г. состоялись походы на Выборг и на «каинские немцы» [10, с.185]). О дальнейших событиях в Марийском крае сообщает Исаак Масса: «Против них выслали большой отряд из немцев, поляков и русских, состоявших на службе у великого князя, но они никого не нашли, ибо мятежники сами разошлись и рассеялись» [16, с.33]. Думается, на подавление восстания немцы и поляки (вероятно, наемники) были направлены специально. Учитывалось то, что они, скорее всего, относились к черемисам как к диким варварам (например, польский ученый начала XVI в. Матвей Меховский, характеризуя черемис, утверждал, что «леса, покрывающие эти страны, сделали людей дикими и звероподобными» [17, с.117]), также ими могло двигать желание отомстить тем, чьи соплеменники безжалостно опустошали их родные края во время Ливонской войны. Марийцы же, проведая, что на них идут не только русские, с которыми постепенно складывались относительно добрососедские отношения, но и абсолютно чуждые для них «немцы» (мар. «немыч»), от рук которых на Ливонском фронте пали сотни, а то и тысячи сородичей, решили избежать массового истребления и разбежались, не оказав никакого сопротивления. Джэйлс Флетчер (конец XVI в.) отмечал, что наемных солдат из иностранцев русские «употребляют только на границе, смежной с татарами, и против сибиряков, а татар (коих иногда нанимают, но только на время), наоборот, против поляков и шведов, почитая благоразумнейшею мерою употреблять их на противоположной границе» [42, с.64]. Это сообщение дает основания полагать, что войска, состоящие из иностранных наемников, применялись против черемис и ранее 1591 г.

Таким образом, значение марийских ратников в войнах Московского государства на территории Прибалтики во второй половине XVI в. было небольшим, но все же не ничтожным. Их количество в рядах многотысячных московских войск никогда не превышало нескольких сотен человек. Вместе с тем почти во всех случаях марийских воинов определяли в состав Передового полка, причем, скорее всего, на самую переднюю линию наступления. Это делалось в расчете на высокий уровень военной подготовки марийцев и в то же время на понесение ими существенных потерь в силу опасений, что те пополнят ряды повстанцев по возвращении на свою родину. При этом сами марийцы верно исполняли свои воинские обязанности, стремясь доказать руководившим ими воеводам и головам свою благонадежность; они не перебежали на вражескую сторону, не испытывали симпатий к населению вражеских государств. Однако, не решаясь идти на со-

трудничество с противниками Русского государства на западе, мари́йцы в то же время поддерживали традиционные связи с тюрко-мусульманскими государствами (Крымским ханством, Ногайской Ордой) в надежде получить от них помощь для повстанческого движения в Среднем Поволжье. Участие мари́йцев в Ливонской войне в основном сводилось к конным набегам и стычкам с небольшими отрядами противника в составе Передового полка; во время Русско-шведской войны 1589–1595 гг. мари́йцы впервые принимают участие, хотя и крайне неудачно, в штурме крепости.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические, относящиеся к истории России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. Т.2. СПб., 1842. 451 с.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т.3. СПб., 1848. 350 с.
3. Акчу́рин М.М., Басманцев Д.В., Кочетков В.Д. О службе и жалованьях свияжского князя Тугуша Девлет Бахтыева во второй половине XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. №18. С.56–62.
4. Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX в. М.: Наука, 1990. 265 с.
5. Бахтин А.Г. Мари́йский край в XIII–XVI веках: очерки по истории. Йошкар-Ола: МарГУ, 2012. 659 с.
6. Волков В.А. Были и небыли ливонской войны 1558–1583 годов. М.: Прометей, 2020. 412 с.
7. Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. 453 с.
8. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (управление казанским краем). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. 223 с.
9. Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времен Ивана Грозного. М.: Наука, 1982. 184 с.
10. Зимин А.А. Россия в канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М.: Мысль, 1986. 331 с.
11. Илюшин Б.А. Очерк военного дела и военной истории мордвы, мари́йцев и чувашей в составе Российского государства XVI–XVII веков. Новосибирск: НГУ, 2021. 238 с.
12. Книга полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст) / подг. текста, ст., указатели К.В. Петрова. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2004. 107 с.
13. Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. В.Н. Татищев и изучение русского летописания. М.: Наука, 1981. С.223–243.
14. Ливонская летопись Франца Ниенштедта // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т.4. Рига, 1883. С.7–124.
15. Ливонская хроника Бальтазара Рюссова // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т.2. Рига, 1879. С.157–404.
16. Масса И. Краткое известие о Московии // О начале войн и смут в Московии / сост. А.Либерман. М.: Фонд Сергея Дубова. Рита-Принт, 1997. С.14–150.
17. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях / введ., пер. и коммент. С.А. Анненского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 288 с.

18. *Никольский Н.В.* Собраний сочинений. Т.3: Труды по истории, культуре и статистике народов Волго-Уралья и Сибири. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. 735 с.
19. *Пенской В.В.* От Нарвы до Феллина: очерки военной истории Ливонской войны 1558–1561 гг. Белгород: ИПЦ «Политерра», 2014. 150 с.
20. *Пилипчук Я.В.* Татары в Ливонской войне // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный вып. V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч.2. С.496–515. URL: http://www.milhist.info/2016/06/15/pilipchuk_2 (дата обращения: 14.03.2024).
21. *Пилипчук Я.В.* Финно-угры в войсках Русского государства // Труды Института истории НАН Азербайджана. 2016. Вып. 59. С.190–211.
22. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. / отв. ред. М.В. Моисеев. М.: Фонд «Русские Витязи», 2016. 400 с.
23. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т.29: Летопись начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965. 391 с.
24. ПСРЛ. Т.31: Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. 264 с.
25. ПСРЛ. Т.34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Наука, 1978. 305 с.
26. Псковские летописи. Вып. 2 / под ред. А.Н. Насонова. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 364 с.
27. Разрядная книга 1475–1598 гг. / подг. текста и ред. В.И. Буганова. М.: Наука, 1966. 615 с.
28. Разрядная книга 1559–1605 гг. / отв. ред. В.И. Буганов; сост. Л.Ф. Кузьмина. М.: Наука, 1974. 436 с.
29. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т.2. Ч.1 / под. ред. В.И. Буганова. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1981. 219 с.
30. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т.2. Ч.2 / под. ред. В.И. Буганова. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1982. С.220–440.
31. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т.2. Ч.3 / под. ред. В.И. Буганова. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1982. С.441–666.
32. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т.3. Ч.1 / под. ред. В.И. Буганова. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1984. 232 с.
33. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т.3. Ч.2 / под. ред. В.И. Буганова. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1987. 235 с.
34. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т.3. Ч.3 / под. ред. В.И. Буганова. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1989. 226 с.
35. *Свечников С.К.* Присоединение Марийского края к Русскому государству. Казань: Яз, 2014. 268 с.
36. *Скрынников Р.Г.* Россия накануне «смутного времени». М.: Мысль, 1981. 205 с.
37. *Соловьев С.М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. 4: История России с древнейших времен. Т.7–8. М.: Мысль, 1989. 752 с.
38. *Филюшкин А.И.* Русско-литовская война 1561–1570 и датско-шведская война 1563–1570 гг. // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск 2. Лекции по военной истории XVI–XIX вв. Ч.2. С.219–289. URL: http://www.milhistinfo.ru/2015/02/10/filychkin_1/ (дата обращения: 11.04.2024).

39. *Филюшкин А.А.* Окончание Ливонской войны 1558–1583 гг.: «Московская война» (1579–1582) // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск 2. Лекции по военной истории XVI–XIX вв. Ч.2. С.292–398. URL: http://www.milhistinfo.ru/2015/04/21/filychkin_2/ (дата обращения: 11.04.2024).

40. *Филюшкин А.А.* Первое противостояние России и Европы: Ливонская война Ивана Грозного. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 320 с.

41. *Фирсов Н.А.* Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань, 1866. 261 с.

42. *Флетчер Дж.* О государстве Русском. СПб., 1906. 138 с.

43. *Шапран А.А.* Ливонская война 1558–1583. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та путей сообщения, 2009. 528 с.

44. *Штаден Г.* Записки о Московии: в 2-х т. Т.1 / отв. ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Древлехранилище, 2008. 584 с.

45. *Янушкевич А.Н.* Ливонская война. Вильно против Москвы: 1558–1570. М.: Квадрига; Русская панорама, 2013. 384 с.

Информация об авторе:

Свечников Сергей Константинович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (Йошкар-Ола, Российская Федерация); ORCID: 0009-0001-6062-8639; e-mail: svechnikov-sk@mail.ru

Поступила 27.05.2024

Принята к публикации 24.06.2024

Participation of the Mari in the Livonian (1558–1583) and Russo-Swedish (1589–1595) Wars

S.K. Svechnikov

*Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History
Yoshkar-Ola, Russian Federation*

This article discusses the history of the participation of the Mari warriors on the side of the Russian state in the wars in the Baltic states in the second half of the 16th century. Their number in the ranks of thousands of Moscow troops did not exceed several hundred people, however, but in all cases the Mari warriors were assigned to the Advanced regiment. The participation of the Mari in the Livonian War was mainly limited to horse raids and skirmishes with small enemy units. During the Russo-Swedish War (1589–1595) Mari for the first time took part in the storming of the fortress. Also, the Cheremis, like the rest of the warriors of the Moscow army, participated in the robbery and devastation of the Baltic lands.

Keywords: Mari, Cheremis, Livonian War, Russo-Swedish War, Baltic States, Advance Regiment, Cheremis Wars

For citation: Svechnikov S.K. Participation of the Mari in the Livonian (1558–1583) and Russo-Swedish (1589–1595) Wars. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.3, pp.34–51. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.34-51> (In Russian)

REFERENCES

1. *Historical acts on the history of Russia, extracted from foreign archives and libraries by A.I. Turgenyev*. Vol.2. St. Petersburg, 1842. 451 p. (In Russian)
2. *Acts on the history of Western Russia*. Vol.3. St. Petersburg, 1848. 350 p. (In Russian)
3. Akchurin M.M., Basmantsev D.V., Kochetkov V.D. On the service and salaries of the Sviyazhsk prince Tugush Devlet Bakhtyev in the second half of the 16th century. *Medieval Turkic-Tatar States*. 2016, no.18, pp.56–62. (In Russian)
4. Alishev S.Kh. *Historical destinies of the peoples of the Middle Volga region. 16th – early 19th century*. Moscow: Nauka Publ., 1990. 265 p. (In Russian)
5. Bakhtin A.G. *Mari region in 13th – 16th centuries: sketches on history*. Yoshkar-Ola: Mari State University Publ., 2012. 659 p. (In Russian)
6. Volkov V.A. *True stories and tall tales of Livonian War of 1558–1583*. Moscow: Prometheus Publ., 2020. 412 p. (In Russian)
7. Dimitriev V.D. *Chuvashia in the epoch of feudalism (16th – early 19th centuries)*. Cheboksary: Chuvash book Publ., 1986. 453 p. (In Russian)
8. Ermolaev I.P. *The Middle Volga region in the second half of the 16th – 17th centuries (administration of the Kazan region)*. Kazan: Kazan State University Publ., 1982. 223 p. (In Russian)
9. Zimin A.A., Khoroshkevich A.L. *Russia during the time of Ivan the Terrible*. Moscow: Nauka Publ., 1982. 184 p. (In Russian)
10. Zimin A.A. *Russia on the eve of the terrible shocks: conditions of the First peasant war in Russia*. Moscow: Mysl Publ., 1986. 331 p. (In Russian)
11. Ilyushin B.A. *Sketch of military affairs and military history of the Mordva, Mari and Chuvash in the Russian State of the 16th – 17th centuries*. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 2021. 238 p. (In Russian)
12. *The Book of the Polotsk campaign of 1563 (research and text)*. Ed. by K.V. Petrov. St. Petersburg: Russian National Library Publ., 2004. 107 p. (In Russian)
13. Koretsky V.I. Solovetsky chronicler of the end of the 16th century. *Records and chronicles. 1980. V.N. Tatischev and the study of Russian chronicle writing*. Moscow: Nauka Publ., 1981. Pp.223–243. (In Russian)
14. Livonian chronicle of Franz Nienstedt. *Collection of materials and articles on the history of the Baltic region*. Vol.4. Riga, 1883. Pp.7–124. (In Russian)
15. Livonian chronicle of Balthazar Ryussow. *Collection of materials and articles on the history of the Baltic region*. Vol.2. Riga, 1879. Pp.157–404. (In Russian)
16. Massa I. Brief information about Muscovy. *On the beginning of wars and turmoil in Muscovy*. Compiled by A. Liberman. Moscow: Sergei Dubov Foundation Publ.; Rita-Print Publ., 1997. Pp.14–150. (In Russian)
17. Mehovsky M. *Treatise on Two Sarmatias*. Ed. by S.A. Annensky. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1936. 288 p. (In Russian)

18. Nikolsky N.V. *Collected works*. Vol.3: Works on history, culture and statistics of the peoples of Volga-Urals and Siberia. Cheboksary: Chuvash book Publ., 2008. 735 p. (In Russian)

19. Penskoj V.V. *From Narva to Fellin: essays on the military history of the Livonian War of 1558–1561*. Belgorod: Polyterra Publ., 2014. 150 p. (In Russian)

20. Pilipchuk Y.V. Tatars in the Livonian War. *History of military affairs: studies and sources*. 2016, no.5, part 2, pp. 496–515. URL: http://www.milhist.info/2016/06/15/pilipchuk_2 (accessed: 14.03.2024). (In Russian)

21. Pilipchuk Y.V. Finno-Ugrians in the armies of Russian state. *Proceedings of the Institute of History of Azerbaijan National Academy of Sciences*. 2016, no.59, pp.190–211. (In Russian)

22. *Ambassadorial Book on the relations of the Moscow state with the Crimea. 1567–1572*. Ed. by M.V. Moiseev. Moscow: Russkie Vitjazi Publ., 2016. 400 p. (In Russian)

23. *Complete Collection of Russian Chronicles (PSRL)*. Vol.29: Chronicle of the beginning of the reign of Tsar and Grand Duke Ivan Vasilyevich. Alexander Nevsky Chronicle. Lebedev Chronicle. Moscow: Nauka Publ., 1965. 391 p. (In Russian)

24. *PSRL*. Vol.31. Chroniclers of the last quarter of the 17th century. Moscow: Nauka Publ., 1968. 264 p. (In Russian)

25. *PSRL*. Vol.34: Postnikovsky, Piskarevsky, Moskovsky and Belsky chroniclers. Moscow: Nauka Publ., 1978. 305 p. (In Russian)

26. *Pskov Chronicles*. Ed. by A.N. Nasonov. Vol.2. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1955. 364 p. (In Russian)

27. *Razryadnaya book of 1475–1598*. Ed. by V.I. Buganov. Moscow: Nauka Publ., 1966. 615 p. (In Russian)

28. *Razryadnaya book of 1559–1605*. Ed. by V.I. Buganov, L.F. Kuzmina. Moscow: Nauka Publ., 1974. 436 p. (In Russian)

29. *Razryadnaya book of 1475–1605*. Ed. by V.I. Buganov. Vol.2, no.1. Moscow: USSR Institute of History Publ.; USSR Academy of Sciences Publ., 1981. 219 p. (In Russian)

30. *Razryadnaya book of 1475–1605*. Ed. by V.I. Buganov. Vol.2, no.2. Moscow: USSR Institute of History Publ.; USSR Academy of Sciences Publ., 1982. Pp.220–440. (In Russian)

31. *Razryadnaya book of 1475–1605*. Ed. by V.I. Buganov. Vol.2, no.3. Moscow: USSR Institute of History Publ.; USSR Academy of Sciences Publ., 1982. Pp. 441–666. (In Russian)

32. *Razryadnaya book of 1475–1605*. Ed. by V.I. Buganov. Vol.3, no.1. Moscow: USSR Institute of History Publ.; USSR Academy of Sciences Publ., 1984. 232 p. (In Russian)

33. *Razryadnaya book of 1475–1605*. Ed. by V.I. Buganov. Vol.3, no.2. Moscow: USSR Institute of History Publ.; USSR Academy of Sciences Publ., 1987. 235 p. (In Russian)

34. *Razryadnaya book of 1475–1605*. Ed. by V.I. Buganov. Vol.3, no.3. Moscow: USSR Institute of History Publ.; USSR Academy of Sciences Publ., 1989. 226 p. (In Russian)

35. Svechnikov S.K. *Annexation of the Mari Territory to the Russian State*. Kazan: Yaz Publ., 2014. 268 p. (In Russian)

36. Skrynnikov R.G. *Russia on the eve of the "Time of Troubles"*. Moscow: Mysl Publ., 1981. 205 p. (In Russian)
37. Solovyov S.M. *Essays*. In 18 books. Book.4. History of Russia since ancient times. Vol.7–8. Moscow: Mysl Publ., 1989. 752 p. (In Russian)
38. Filiushkin A.I. Russo-Lithuanian war of 1561–1570 and Danish-Swedish war of 1563–1570. *History of military affairs: studies and sources*. 2015, no.2, part 2, pp.219–289. URL: http://www.milhistinfo.ru/2015/02/10/filychkin_1/ (accessed: 11.04.2024). (In Russian)
39. Filiushkin A.A. The end of the Livonian War of 1558–1583: "The Moscow War" (1579–1582). *History of military history: studies and sources*. 2015, no.2, part 2, pp.292–398. URL: http://www.milhistinfo.ru/2015/04/21/filychkin_2/ (accessed: 11.04.2024). (In Russian)
40. Filyushkin A.A. *The first confrontation between Russia and Europe: Livonian War of Ivan the Terrible*. Moscow: New Literary Review Publ., 2018. 320 p. (In Russian)
41. Firsov N.A. *Situation of non-Russians of North-Eastern Russia in the Moscow state*. Kazan, 1866. 261 p. (In Russian)
42. Fletcher J. *On the Russian state*. St. Petersburg, 1906. 138 p. (In Russian)
43. Shapran A.A. *Livonian War of 1558–1583*. Ekaterinburg: Ural State University of Railway Transport Publ., 2009. 528 p. (In Russian)
44. Staden G. *Notes on Muscovy*. In 2 volumes. Vol.1. Ed. by A.L. Khoroshkevich. Moscow: Drevlehranilishche Publ., 2008. 584 p. (In Russian and German)
45. Yanushkevich A.N. *Livonian War. Vilna against Moscow: 1558–1570*. Moscow: Quadriga Publ.; Russkaya Panorama Publ., 2013. 384 p. (In Russian)

About the author:

Svechnikov Sergey Konstantinovich – Cand. Sci. (history), Leading Researcher, Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History (Yoshkar-Ola, Russian Federation); ORCID: 0009-0001-6062-8639; e-mail: svechnikov-sk@mail.ru

Received May 27, 2024

Accepted for publication June 24, 2024

УДК 94(47)

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-3.52-68

Архивные документы о событиях в Яицком казачьем войске, предшествовавших пугачёвщине

А.М. Дубовиков

*Поволжский государственный университет сервиса
Тольятти, Российская Федерация*

В статье подробно показан процесс развития в Яицком казачьем войске конфликтной ситуации между рядовыми казаками и их старшинской верхушкой в течение нескольких десятилетий, предшествовавших пугачёвщине. В настоящее время эта тема продолжает оставаться малоизученной и практически не связанной с темой пугачёвщины. Документы, отложившиеся в столичных архивах (РГАДА и РГВИА), а также областном архиве Оренбурга (ОГАОО), позволили детально восстановить события восстания яицких казаков 1772 г. и показать их непосредственную связь с пугачёвщиной.

Ключевые слова: Яицкое казачье войско, восстание яицких казаков 1772 г., пугачёвщина, рыболовные промыслы на Яике, атаман Мартемьян Бородин, генерал Фердинанд Фрейман

Для цитирования: Дубовиков А.М. Архивные документы о событиях в Яицком казачьем войске, предшествовавших пугачёвщине // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №3. С.52–68. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.52-68>

О пугачёвщине написано много художественной и научной литературы. В советской историографии это событие преподносилась как «крестьянская война», преследовавшая «прогрессивные цели». Сегодня оценка тех событий становится комплексной, да и термин «крестьянская война» часто ставится под сомнение как идеологический штамп ушедшей эпохи. Но из поля зрения историков выпадают события, происходившие на Яике перед пугачёвщиной, ставшие ее преддверием. Обычно используются общие фразы об усилении крепостничества, ужесточении эксплуатации работников мануфактур, росте национального гнета в отношении нерусских народов и т.п. Если упоминают казаков, то и тут звучат общие фразы о постепенной ликвидации былых вольностей, чему казаки пытались противодействовать. Конечно, это имело место; казачий круг, описанный П.С. Палласом [13, с.415–416], посетившим Яицкое войско в 1769 г., то есть в тот самый период, о котором в статье идет речь, – это уже не казачий круг допетровских времен. Но вне поля зрения исследователей остаются события, позволяющие проследить логику развития конфликта в Яицком войске.

Учебник В.И. Буганова и П.Н. Зырянова по истории России для 10 класса издавался с середины 1990-х гг., выдержав не менее двух десятков изданий. При всех своих достоинствах о причинах восстания 1772 г. он сообщает следующее: «Правительство в 60-е годы XVIII века ввело монополию государства на ловлю рыбы и добычу соли на Яике; эти жизненно важные для казаков промыслы брали на откуп казацкие старшины» [1, с.89]. А все было не так. Яик и вся его ихтиофауна в пределах Яицкого войска были законной собственностью общины яицких казаков, а не государства. Добыча соли велась, в основном, в соляных озерах «киргизской (казахской) степи», вне войсковых границ, за что казаки платили пошлину. За лов рыбы они ничего не платили, но должны были платить за установку «учуга» – решетки, забиваемой в дно Яика, дабы избежать ухода крупных рыб за пределы войсковых вод. Ни о каком откупе для старшин речь не шла.

Сбор этих податей казаки поручили старшинам, которые вскоре стали злоупотреблять предоставленным им правом. Когда махинации уже нельзя было скрыть, казаки стали требовать отчетов о собранных средствах, но старшины уже не могли лишиться себя возможности незаконного обогащения. В этом и была главная причина разгоревшегося конфликта.

Но если пугачёвщина вспыхнула как очередной мятеж яицких казаков, то почему восстание 1772 г. было подавлено довольно легко, тогда как пугачёвщина вызвала крупные потрясения, сильно напугав всю столичную власть? В 1772 г. казаки выбрали оборонительную тактику, готовясь к отражению идущих на них войск и все еще веря в доброту «государыни», которая «не ведает» о том, что творят ее чиновники и генералы. Также казаки не желали привлекать на свою сторону другие категории населения Урала и Поволжья, к которым зачастую испытывали презрительное отношение.

В 1773 г. казаки сделали выводы, исправив прежние ошибки. Вместо веры в «добрую государыню» появилась вера в справедливого и настоящего «государя», которого сами казаки и создали. Тактика стала наступательной. Призывы «поддержать государя» были направлены в разные слои общества – к крестьянам, работным людям, нерусским народам. Презрительное к ним отношение наверняка сохранялось, но их помощь казалась важнее сословно-этнических амбиций.

События, предшествовавшие пугачёвщине, отражены в ряде архивных документов. Большая их часть хранится в фонде №6 (о государственных преступлениях) Российского государственного архива древних актов. Интересные материалы есть в фонде №653 (Уральское казачье войско) Российского государственного военно-исторического архива, а также в фонде №3 (Оренбургская губернская канцелярия. 1743–1782 гг.) Государственного архива Оренбургской области.

Согласно одному из документов второй половины XVIII в., конфликт войсковой и старшинской сторон начался на рубеже 1730-х – 1740-х гг.,

когда «оренбургские правители еще в городе Самаре пребывание свое имели», то есть не ранее 1737 и не позднее 1742 г. С жалобами друг на друга Самару посещали «яицкий войсковой атаман Григорий Меркульев» и «тамошний войсковой старшина Иван Логинов», которые по отношению друг к другу «имели непримирительную злобу»¹.

Хотя конфликт и имел место, его главными участниками вряд ли были указанные в документе лица. Молодой Иван Логинов тогда лишь начал службу, а старшиной стал намного позже. Впоследствии он писал Екатерине II, что «в службе Императорского Величества» находится «с 736 году», а «пожалован Яицкого войска старшиною» был только «в 759 году»². Также известно, что 72-летний Григорий Меркульев сложил с себя атаманские полномочия в 1738 г. и умер три года спустя [12, с.34–36]. Вряд ли молодой казак и престарелый атаман имели долгую «непримирительную злобу».

Но информация появилась не на пустом месте; Логинов действительно одно время возглавил оппозицию старшинам и атаману, только не Григорию Меркульеву, а Андрею Бородину. По поводу мотива, толкнувшего его на это, точки зрения расходятся. Поручик Маврин, расследовавший позже причины волнений, считал позицию Логинова следствием зависти. Чин старшины тот получил поздно, отчего не попал «в долю» к остальным старшинам, считал Маврин, писавший, что Иван Логинов «просил атамана Бородина и бывших при нем старшин, чтоб они его пустили в пай того збора, но они его не приняли» [3, с.44 об]. Обиженный, он стал сводить счеты, завоевав авторитет у казаков, и войско Яицкое «прилепилось все к Логинову» [3, с.45 об], который «за обиды их вступается». В ответ атаман отправил в столицу жалобу следующего содержания: «Войско взбунтовалось из-за Логинова, смутьяна» [3, с.46 об].

Казачий писатель и краевед Иоасаф Игнатьевич Железнов, живший в следующем столетии, считал иначе. По его мнению, Логинов действовал исключительно из благих побуждений. «Бородин (чина подполковничьего, заметим в скобках), соединясь с партией близких к нему старшин, вздумал обижать народ разными налогами и поборами, но сторону народа принял старшина Иван Логинов», – пишет он [7, с.312].

В конце 1740-х гг. между Яицким городком и Гурьевом была возведена пограничная линия, протянувшаяся более чем на пятьсот верст. Ее охрана была вверена яицким казакам. Так как Гурьев не входил в состав Яицкого войска, это порождало ряд неудобств, и в начале 50-х гг. он был передан войску. Именно тогда конфликт обрел новый импульс. Казакам было позволено разобрать и перенести к Яицкому городку учуг, возводи-

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.6. Оп.1. Д.435. Л.2.

² РГАДА Ф.6. Оп.1. Д.505/1 (Исследование поручика Маврина о раздорах на Яике). Л.15.

мый у Гурьева астраханскими рыболовами [5, с.147]. А так как за установку учуга те ежегодно платили откуп в 5406 рублей, данная сумма была переложена на Яицкое войско [3, с.66]. Казаки доверили сбор денег атаману, не думая о последствиях. На радостях они даже решили, что если атаман случайно соберет больше требуемой суммы, то «войско отдаст ему одну в подарок»³.

Новую Оренбургскую губернию тогда (до 1758 г.) возглавлял Иван Неплюев, в ведении которого находилось Яицкое войско (а также все войска и пограничные линии края). Историк и педагог В.Н. Витевский, работавший в 1870-1874 гг. в Уральске, считал, что Неплюев отстаивал интересы яицких казаков всегда; зная о расколе на войсковую и старшинскую стороны («партии»), он, якобы, «не присоединился ни к той, ни к другой» [2, с.365, 307]. Но вряд ли это так, ибо документы свидетельствуют об обратном. Конечно, старшины были ближе губернатору, который поддерживал старшин Суетина, Миронова и атамана Бородина, непопулярных в войске, но был категорически против популярного у казаков старшины Митрясова, которого назвал «мужиком сумасбродным» и «невежей безграмотным»⁴.

По завершению того или иного рыболовного промысла его участники бросали деньги в отверстие запломбированного сундука, который охраняли несколько старшин. Суммы колебались в зависимости от вида промысла и от улова. Участие в «севрюгах» стоило рубль с наполненной рыбой подводы, которых в разные годы было от 7 до 10 тысяч⁵. Участие в «плавне» – три рубля со связки двух будар, которых обычно было не менее четырехсот. Сумма возрастала до четырех рублей, если часть казаков находилась в походе и не участвовала в промысле. «Багрение» (подледный лов) обходилось каждому участнику, а их было порядка 3–4 тысяч, в 2–2,5 рубля. За лов в озерах и ериках платили 30–40 копеек с воза, последних были тысячи⁶. Сбор денег велся так, что определить собранную сумму простому казаку было сложно: он не знал точного количества повозок, бударок или участников. Маврин считал, что эта путаницу устроили специально, «чтобы удобнее было обмануть войско и затмить для простых людей чистый отчет»⁷.

В 1760 г. атаман Бородин получил армейский чин подполковника. К тому времени он настолько вошел в раж, что перестал платить жалование казакам, ссылаясь на нехватку от рыболовных сборов (которые превышали в несколько раз требуемую сумму). Как отметил Маврин, Бородин «и жалованья войску за два года уже не выдавал, сказывая, что зборов будто

³ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.42.

⁴ Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф.3. Оп.1. Д.36. Л.147 об.–148.

⁵ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.42–42 об.

⁶ Там же. Л.43–43 об.

⁷ Там же. Л.43 об.–44 об.

бы недостаточно было в отступную сумму». Казаки требовали отчет, а атаман их «наказывал за то плетьюми, яко озарников и людей мятежных» [3, с.44].

Для разбора конфликта на Яик прибыл генерал Брахвельт, вставший на сторону атамана. После повторной поездки Логинова в столицу Брахвельта сменил генерал Потапов. Атамана и большинство старшин (кроме Митрясова и Суетина) он освободил от должностей, а функции атамана временно передал оренбургскому есаулу Углицкому, который попытался упразднить казачий круг, но Потапов не позволил ему сделать это⁸.

Потапов действовал справедливо, но его сменил майор Новокрещенов, принявший сторону атамана. Из столицы пришла конфирмация, ставшая итогом работы Потапова. Она требовала наказать 15 старшин, есаула, 29 сотников, писаря и городничего. Атамана следовало отрешить от должности и оштрафовать. Подвергнуть наказаниям следовало и ряд казаков, виновных в наговорах, в том числе и Логинова, которого следовало перевести в рядовые казаки Оренбургского войска⁹. Конфирмация отвечала интересам простых казаков, но Левшин оценил деятельность Потапова ошибочно, написав: «В 1766 году по следствии, произведенном генерал-майором Потаповым, множество виновных казаков разными образами наказаны», а «присланный в Уральск генерал-майор Черепов для восстановления повинования должен был в народ стрелять» [11, с.25]. Потапова сменил не Черепов, а Новокрещенов, которого Левшин забыл. И что значит «должен был в народ стрелять»? По этому поводу Железнов саркастически заметил: «Сие их упрямство так разгорячило Черепова, что он приказал драгунам стрелять по ним... Этакые, подумаешь, злодеи и изверги, эти яицкие казаки! Этакий, подумаешь, гуманнейший человек, этот г. генерал-майор Черепов!» [7, с.314–315].

Железнов справедливо отметил, что Потапов принял сторону простых казаков, поскольку «привел все следствие к окончанию», после чего пришла конфирмация Военной коллегии, согласно которой «на старшин наложен денежный штраф, взыскание удержанного ими жалованья, и лишение их старшинского достоинства». И, хотя среди простых казаков «некоторые ... за ложные доносы осуждены были к наказанию», все остальные казаки «были довольны». Железнов полагал, что Потапов заслужил у «войсковой стороны» уважение, которого среди приезжавших следователей, по его мнению, были удостоены лишь двое («были по их сердцу только двое: генерал-майор Потапов и гвардии капитан Чебышев») [7, с.313].

Новокрещенов не ознакомил казаков с конфирмацией, выполнив лишь пункты, касавшиеся их наказания, а из старшин никто наказан не был. Более того, наказания были ужесточены, и список виновных расши-

⁸ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.46 об.–47.

⁹ Там же. Л.13–14.

рен. Логинов же был сослан в Тобольск¹⁰. В том же 1765 г. Новокрещенов провел в Яицком войске перепись его населения.

С жалобой в Петербург отправилась очередная станица¹¹. Полковник Полозов принял сторону казаков, но быстро стал объектом уже старшинских жалоб, и в конце 1766 г. его сменил упомянутый выше Г.П. Черепов. По словам Маврина, Черепов «разбирательства между войском и старшинами не проводил и был благосклонен к старшинам»¹². Он решил провести выборы атамана, но лишь из трех предложенных им кандидатов, не пользовавшихся уважением в войске, включая снятого ранее Бородина. Казаки отказались от выборов, и начался конфликт, завершившийся вызовом драгунов, стрельбой и гибелью нескольких казаков¹³. Выгнав казаков на мороз, Черепов велел им подписать бумаги, в которых значилось, что они признают себя бунтовщиками, и просят прощения¹⁴.

В столицу отправились очередные жалобы, и это было воспринято Череповым как бунт. Он отбыл в Оренбург, где убедил губернатора князя А.А. Путятина в необходимости срочной отправки против мятежных казаков карательной экспедиции. На Яик были высланы два «регулярных» полка, но до границ Яицкого войска они не дошли, чему помешали ударившие морозы. Часть солдат погибла в пути, а еще 334 человека «руки и ноги отзнобили и, будучи в гошпиталях, померли»¹⁵.

После того как в 1767 г. посланники войска Герасимов и Чеботарев убедили Военную коллегию в необъективности позиции Черепова, новую комиссию возглавил гвардии капитан П.П. Чебышев, также временно занявший должность наказного атамана, и принявший «войсковую» сторону. Его действия Маврин описал так: «Изыскал все первых и последних старшин плутни», после чего «лишены они своих чинов и наложен был на каждого из них штраф»¹⁶. Атаманом был избран Петр Тамбовцев, имевший авторитет у казаков. До этого он числился рядовым казаком 1-й тысячи 8-й сотни¹⁷.

Левшин ошибся, полагая, что Чебышев «наложил на членов канцелярии штраф», но «распоряжения его не были исполнены, атаман и старшины не сдержали данного ими обязательства удовольствоваться казаков» [11, с.25–26]. Чебышев довел до сведения казаков содержание конфирмации, чего не сделали ни Новокрещенов, ни Черепов. Наказания старшин были

¹⁰ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.48–48 об.

¹¹ Там же. Л.49–49 об.

¹² Там же. Л.49 об.

¹³ Там же. Л.50–51.

¹⁴ Там же. Л.51 об.–52.

¹⁵ Там же. Л.52 об.

¹⁶ Там же. Л.53.

¹⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.653. Оп.1. Д.1. Л.126.

исполнены, все распоряжения Чебышева выполнены, войсковое руководство обновилось. Тамбовцев вернул из ссылки наказанных ранее казаков. Ему предписывалось также вернуть казакам незаконно удержанное жалование, взыскав деньги с виновных старшин. Но сделать такое быстро не представлялось возможным, а использовать радикальные методы новый атаман не хотел, отчего вспыхнул новый конфликт. Часть денег была возвращена, остальное атаман обещал вернуть позже, но казаки требовали все и сразу. Теперь уже полетели жалобы на Тамбовцева, разбирать которые прибыл гвардии капитан С.Д. Дурново¹⁸.

Примерно тогда же туда прибыл генерал М.М. фон Траубенберг, но его миссия изначально имела целью выяснение причин отказа казаков от преследования калмыков, пожелавших откочевать на «историческую родину», в Джунгарию («Зюнгорю»), из-за несогласия с политикой правительства.

Левшин вновь ошибся, считая, что разрешать конфликт на Яик прибыл лишь Дурново (называл его Дурновым), а Траубенберг был «начальником регулярного войска, еще за несколько лет перед сим в Уральск введенного» [11, с.27]. Допустил Левшин и другую ошибку, полагая, что императрица послала «Дурнова» на Яик, чтобы «присутствующих в Войсковой канцелярии отрешить, понудить их к уплате Войску удержанного жалования и штрафа» [11, с.26]. Речь о возврате денег, видимо, шла, но с отрешенных от своих должностей старшин. Железнов утверждал, что Траубенберг и Дурново прибыли в одно время, и каждый должен был защищать одну из сторон. Оба они – «миротворители», причем, «Дурново – со стороны казаков, а фон-Траубенберг – со стороны атамана и старшин» [7, с.274].

Дурново и Тамбовцев не торопились с возвратом жалования казакам, а те требовали скорейших действий. Настоятель единоверческой церкви Петра и Павла отец Михаил прибыл в канцелярию как делегат от войскового круга с требованием не только вернуть деньги, но и выдать для самосуда старшин Матвея Суетина и Мартемьяна Бородина (племянника бывшего атамана). Конечно, он получил отказ¹⁹.

В конце 1771 г. Яицкое войско не стало отправлять команду в Кизляр. Левшин объяснил это протестом против действий Дурново: «Народ, раздраженный долговременным неисполнением ожиданий его, отказался повиноваться» [11, с.26]. Но вряд ли казаки смогли открыто бойкотировать приказ Военной коллегии. Они заявили, что послали в столицу с жалобами сотника Ивана Кирпичникова, которого ждут, «а без него-де и командировки чинить не станут»²⁰. Кирпичников вернулся в начале 1772 г., распустив слух, что привез царскую грамоту, позволяющую свергнуть руководство войска, если оно само не уйдет в течение трех суток: «Буде того

¹⁸ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.54, 57.

¹⁹ Там же. Л.9–10.

²⁰ Там же. Л.27.

через три дни не исполнится, то о поступлении военною рукою» [4, с.169]. Депутату Уложенной комиссии, старшине И.К. Акутину было приказано доставить «смутьяна» в канцелярию, но на защиту сотника встала толпа, разогнать которую не смогла и высланная команда старшин и 30-ти «послушных» казаков²¹. Проникнуть в дом Кирпичникова они не смогли, так как им противостояла уже весьма внушительная толпа. Угрожая оружием, старшины все же сумели арестовать двух наиболее активных защитников дома, которые были отправлены Траубенбергом под арест. В ответ «мятежники» схватили и избили «послушного» казака Петра Копеечкина, заперли его у Прокофия Толкачева, обещая отпустить в обмен на двух задержанных. Дурново велел арестовать делегатов, прибывших с подобным предложением. У канцелярии собралась толпа со своими требованиями, и вновь она получила ответ, что все требования будут исполнены, но позже. В очередной раз услышав про отсрочку, казаки «больше прежнего расви-репели» [7, с.274–276].

На другой день местом сбора всех недовольных стал дом Толкачевых. Четверо сыновей отставного казака Прокофия Толкачева (Андрей, Степан, Михаил и Петр) ушли из жизни рано – кто погиб в бою с правительственной армией, кого казнили, кто умер на каторжных работах. Лишь пятый сын, Семен, был поверстан в солдаты и отправлен в Прибалтику²².

Двинувшись к канцелярии, толпа, как вспоминал Мартемьян Бородин, избила Герасима Копняева и Петра Копеечкина, пытавшихся «вразумить» ее²³. Вскоре Копняева убили²⁴. Копеечкин был убит через полтора года, когда он возглавил команду, предавшую его и ушедшую к Пугачёву²⁵.

Траубенберг, испугавшись приближающейся к канцелярии толпы, все еще надеясь запугать казаков, приказал открыть по ним огонь из пушки²⁶. Но казаки ринулись в атаку, убив генерала, перебив его отряд, а также ряд его сторонников из числа старшин и «послушных». Потери восставших были не столь велики по сравнению с потерями противника. Среди погибших от их рук – атаман Петр Тамбовцев, его родственник Иван Тамбовцев, дьяк Матвей Суетин, городничий Иван Пыжалов, походный атаман и депутат Уложенной комиссии Яков Колпаков, есаул Петр Пузаткин, сотники Петр Чеботарев, Сергей Един, Герасим Копняев, десятник Федор Уфимцов, канонир Кондратий Тимофеев, есаульский сын Иван Мураев²⁷.

²¹ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.27.

²² ОГАОО. Ф.3. Оп.1. Д.145. Л.71 об.

²³ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.27 об.

²⁴ РГВИА. Ф.653. Оп.1. Д.1. Л.416.

²⁵ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.512. Л.304.

²⁶ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.28 об.

²⁷ РГВИА. Ф.653. Оп.1. Д.1. Л.6, 12, 14, 28, 34, 35, 126, 215, 416, 605, 616.

Погибли также порядка двадцати рядовых «послушных» стороны: Яков Доеничев, Яков и Андрей Чумаковы, Василий Каймашников, Егор Азовсков, Федор Митрясов, Афанасий Карташов, Андрей Кочергин, Яков Тимофеев, Демид Герасимов, Михайло Серебряков и другие²⁸.

Про команду Траубенберга Бородин сказал, что «сколько драгун с офицерами побито и ранено – неизвестно» (их было много, и никто их не считал)²⁹. Часть офицеров были убиты уже после боя, когда попытались укрыться (как и старшины Суетин, Колпаков и Пыжалов).

Подверглись погрому дома уцелевших старшин и «послушных», хозяева которых оказались под арестом. Рядовых «послушных» вскоре отпустили, заставив просить прощения, стоя на коленях перед участниками круга. Отпустили и некоторых старшин, кроме самых ненавистных – 69-летнего Андрея и 35-летнего Мартемьяна Бородиных, Нефед Мостовщикова и других. Их постоянно выводили в круг, где подвергали унижениям. Больше всего доставалось Бородиным. Мартемьян вспоминал, что он чаще всех «в круг выводим был к наказанию», хотя «прежде от них едва жив оставлен, как от ран копейных, так и от изрубления саблею его головы»³⁰. Нефед Мостовщиков погиб в самом начале пугачёвщины. Это он имеется в виду в документе, согласно которому Михайле Толкачеву, включившемуся в мятеж одним из первых, в Яицком городке «казаки не противились, а противился один старшина, коего он и истребил»³¹.

Сравнивая перепись 1772 г. с переписью 1765 г., легко заметить, что в 1772 г. старшин умерло больше, чем в 1765–1771 гг. Среди умерших – Семен Бородин, Андрей Мостовщиков, Андрей Миронов, Федор Иванаев и др.³² Видимо, это те, кто не смог вынести месяцев унижительного и тяжелого заключения.

Железнов, оправдывая земляков, возложил вину на заезжих гостей: «Это кровавое событие легко бы могло быть устранено капитаном Дурново и генералом фон-Траубенбергом. Стоило только исполнить требование, или, скорее, просьбу казаков» [7, с.277–278].

Дурново остался жив, получив в результате избиения тяжкие увечья и вместе со старшинами оказавшись под арестом. Вскоре его отпустили в Оренбург. Левшину такие детали неизвестны. Он лишь написал, что «Дурнов принужден был выехать», после того как «произошло настоящее сражение, стоявшее жизни самому генералу Траубенбергу и бывшему с ним против ослушных войсковому атаману Тамбовцеву» [11, с.27].

Казаки отказались от выборов атамана, которого заменили выборные «судьи», отчитывавшиеся перед кругом, собиравшимся почти ежедневно.

²⁸ РГВИА. Ф.653. Оп.1. Д.1. Л.30, 35, 88, 97, 163, 233, 265, 293, 314, 332 и др.

²⁹ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.29.

³⁰ Там же. Л.29–30.

³¹ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.512. Л.314.

³² РГВИА. Ф.653. Оп.1. Д.1. Л.6, 9 и др.

Они и, как ни странно, Кирпичников, не дали расправиться с арестованными старшинами, чего так желали многие³³.

В то время Россия вела войну с Османской империей, и собрать силы для подавления «мятежа» было непросто. К тому ж Екатерина хотела узнать все детали как можно подробнее, для чего просила Дурново прибыть в столицу. Но тот, получив тяжкие увечья, не смог бы вынести долгого пути, и к нему прибыл курьер Нелидов, чтобы доставить императрице письмо от Дурново³⁴. Прочтя его, в столице решили, что яицкие казаки виновны в «злодеяниях» и должны быть строго наказаны. Подавление «мятежа» было поручено генералу Фердинанду (Федору Юрьевичу) Фрейману, чей корпус, выступив из Москвы, у Илецкого городка соединился с частями, посланными оренбургским губернатором И.А. Рейнсдорпом³⁵. Казаки наивно полагали, что граф З.Г. Чернышев, глава Военной коллегии, давно желает уничтожить их войско, а губернатор с ним заодно. Якобы корпус Фреймана «следует сюда не по имянному указу», а «по губернаторскому повелению, и не для другого чего, как для истребления сего города»³⁶.

Походы казаков всегда начинались с молебна, но в этот раз священники не были едины. Один из них, Василий Иванов, выступая перед казаками, «увещевал» их, «что сие богопротивное дело»³⁷. Большинство священников все же поддерживали казаков. Например, Михаил Васильев, служивший при единоверческой церкви Петра и Павла, после подавления мятежа, в котором он участвовал, был отрешен от службы и отправлен под арест в Оренбург³⁸.

К отряду, выступившему из Яицкого городка, было велено добавить казаков из форпостов, вследствие чего линейные укрепления стали легкой добычей для казахов («киргизов»), регулярно совершавших набеги. В итоге казаки выступили в поход «тысячах в трех людства с пушками»³⁹. Тогда это соответствовало численности 5–6 конных полков.

Первое столкновение произошло 30 мая у Рубежного форпоста. Казаки безуспешно бросались в атаку, но пассивная тактика Фреймана и пленение некоторого количества его людей заставили поверить в скорую победу, о чем поспешили сообщить землякам, оставшимся в городе. Те «слали обратно в свое войско с поздравлением нарочных». Радуюсь, они «пьянствовали и пели», а женщины «искали по домам послушной стороны мужчин и били их»⁴⁰.

³³ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.29–30.

³⁴ Там же. Л.7–7об.

³⁵ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.435. Л.2 об. – 3.

³⁶ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.30–30а.

³⁷ Там же. Л.30а.

³⁸ РГВИА. Ф.653. Оп.1. Д.1. Л.4.

³⁹ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.435. Л.3.

⁴⁰ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.30а.

Радость была преждевременной; уже на следующий день казакам пришлось отступить в Яицкий городок, а еще через день круг решил покинуть город, чтобы перебраться «к Каспийскому морю и, овладев в тамошней стороне известным персидским городком Астрабадом, засесть и обселиться бы в нем». Кроме того, было решено сжечь город. Благодаря возникшей панике, арестованные старшины бежали в ночь с 5 на 6 июня: «Сошли и караульные, определенные за содержащимися в железах полковником Бородиным и протчими старшинами, которым случаем воспользовались их приятели»⁴¹.

Фрейман пресек поджоги и «увещеваниями всех в город обратил», обещая не арестовывать никого, кроме зачинщиков⁴². Ему поверили, и многие вернулись, лишь зачинщики ударились в бег⁴³. Их поисками занялись, в основном, сами вчерашние «мятежники», во главе с армейскими офицерами и своими старшинами⁴⁴. По некоторым данным, во время тех событий на Яике уже появлялся беглый каторжник Пугачёв⁴⁵.

Позже Бородин пытался оправдать казаков, представив их простаками, поверившими Кирпичникову, чьи слова он процитировал так: «Это делает все граф Чернышев, а государыня того не ведает, а всегда велит им в удовольствие делать»⁴⁶. После подавления пугачёвщины Бородин просил о помиловании двухсот с лишним земляков, находившихся в тюрьмах Казани и Оренбурга. Как значится в документе, «полковник Бородин генерал-аншефу и кавалеру Григорию Александровичу Потемкину объявил, что они содеянное ими перед Богом и Отечеством прегрешение впредь под его руководством неослабным, за поведением их смотрением, заслужить могут»⁴⁷. Новый атаман не желал сводить с подопечными счеты. Но для 15-ти человек он сделал исключение, пояснив, что они «находились всегда в развращенной жизни и непослушании своим начальникам», и он «находит их в Уральском войске как людей беспокойных и дерских оставить весьма неспособным»⁴⁸.

Репрессированных в 1772 г. было не так много, счет шел всего лишь на десятки. Участники восстания платили «контрибуцию» старшинам и «послушным», которым нанесли ущерб. Многие заново приняли присягу⁴⁹ [10, с.31–39; 15, Прил. XX].

⁴¹ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.32 об.–33об.

⁴² РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.435. Л.3.

⁴³ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.34.

⁴⁴ Там же. Л.35.

⁴⁵ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.435. Л.4.

⁴⁶ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.28.

⁴⁷ ОГАОО. Ф.3. Оп.1. Д.145. Л.70 об.–71.

⁴⁸ Там же. Л.71.

⁴⁹ Там же. Л.47–48, 67–68.

Левшин считает, что императрица обошлась с участниками восстания слишком мягко: «Екатерина поступила с ними тогда с большею кротостью, нежели они заслужили, ожидали и должны были ожидать. Только самая малая часть важнейших преступников и зачинщиков мятежа были наказаны, прочие получили прощение. Все владения, прежде Войску Яицкому данные, оставлены за ним, право исключительного рыболовства в Яике также подтверждено» [11, с.31].

Иначе на последствия мятежа смотрел Железнов. Главным трагическим итогом тех событий он считает последующее упразднение круга и полную отмену любых элементов выборности атаманов и старшин, а равно и любой возможности как-либо повлиять на их власть. «Едва ли бы Военная коллегия скоро решилась на коренное преобразование Яицкого войска» (если б не то восстание), уверен он. И добавляет, что «повод Военной коллегии разом покончить с казачьим самоуправлением» дало «событие, случившееся в Яицком городке в январе 1772 г.» [7, с.273].

Пятимесячная «воля» закончилась, но злоба у многих осталась. Те, кого сочли зачинщиками, частично скрывались в степях, частично находились в заключении вдали от родины. Причины, толкнувшие казаков к восстанию, – это, с одной стороны, злоупотребления атаманов и старшин, с другой – злоупотребления большей части чиновников, прибывавших в войско для разрешения конфликтов в нем, и, как следствие, потеря надежды на справедливые решения. Столичная власть, видимо, желала наказать реальных виновников и помочь пострадавшим, но чиновники, приезжавшие на Яик, чаще принимали сторону казачьей верхушки, и не бескорыстно, нарушая данные им в Петербурге указания.

Хотя среди зачинщиков восстания имелись и провокаторы, желавшие использовать наивную веру казаков в «добрую государыню» и ее неведение, подавляющее большинство действительно верило, что государыня, узнав о злоупотреблениях старшин и их покровителей, будет на их стороне. Казачьи волнения на Яике случались и раньше, но они всегда были направлены не против существующего строя, а против «плохих» лиц в этом государстве – губернаторов, глав коллегий или «ненастоящих» царей.

В XVIII в. попытки столичных властей поставить Яицкое войско под жесткий контроль усилились, и это способствовало конфликтам простых казаков с атаманской верхушкой, переставшей быть выборной.

Восстание 1772 г. по своему размаху превзошло предыдущие: убиты войсковой атаман, ряд старшин и «регулярных» чинов, включая генерала. Но еще большим потрясением для всей страны и ее властей была пугачёвщина, ставшая продолжением событий 1772 г.

Р.В. Овчинников пишет, что восстание 1772 г., «крупнейшее» «среди выступлений того времени», «было направлено против старшинской верхушки и Оренбургской губернской администрации» [6, с.6]. Конечно, восстание яицких казаков было направлено и против старшинской верхушки, и против губернских властей. Но как можно сравнивать восстание, кото-

рое было подавлено лишь через полгода крупными военными силами, с любым из «выступлений того времени»?

Овчинников считает восстание на Яике предтечей пугачёвщины, но при этом твердо стоит на позициях советской историографии и концепции «крестьянской войны». Он пишет: «Выступление Пугачёва, начавшееся как казачий мятеж, постепенно утрачивая узкосословную окраску, вылилось в крестьянскую войну, поскольку крестьянство становилось массовой силой движения» [6, с.10]. Современный историк В.М. Соловьев по этому поводу заметил, что «автор остался верен известным постулатам отечественной историографии, и не счел нужным от них отказываться» [16, с.191].

Тимофей Мясников, активный участник событий 1772 г., а позже глава личной охраны Пугачёва, на допросе показал, что казаки «вздумали взять под свое защищение» Пугачёва, дабы «зделать его покойным государем» и «восстановителем своих притесненных и почти упавших обрядов и обычаев»⁵⁰. Конечно, это относится не ко всем казакам, а лишь к узкой группе интриганов. Для подавляющего большинства казаков он, вероятно, оставался «истинным» государем.

Безусловно, пугачёвщина зародилась в Яицком войске, где было немало желающих взять реванш за неудачу 1772 г., не допустив недавних ошибок. Но насколько массовой была поддержка Пугачёва в казачьей среде? Согласно А.И. Левшину и А.С. Пушкину (которому Левшин подарил свою книгу о Яицком войске), Пугачёва поддержали если не все казаки, то подавляющее большинство. Как писал Пушкин, после подавления восстания 1772 г. казаки затаили злобу, задумав «тряхнуть Москвою» [14, с.336].

Иной взгляд имел Железнов, полагавший, что сторонников и противников Пугачёва было примерно одинаково, а большинство казаков вообще заняли нейтральную позицию. Конечно, писатель-казак лучше знал земляков, чем великий писатель, проведший в их земле лишь несколько дней. А возможно, он просто хотел «обелить» соплеменников, которых многие представители интеллигенции в те годы считали вечным бунтарями и мятежниками. Однако сам автор в заключение добавил, что пытался не оправдывать земляков, «а только доказать, что Пушкин ошибался» [8, с.343].

Нередко, описывая события пугачёвщины и обращая свое внимание на участие в ней яицких казаков, разные авторы не замечали тех, которые были по другую сторону. А такие были. И не только среди старшин, их родственников и «послушных», но и среди активных участников событий 1772 г. К примеру, сотник Харчев, активный участник того «мятежа», в 1773 г. не поддержал Пугачёва, защищал Оренбург под началом старшин Бородина и Акутина, вместе с которыми позже подавлял волнения на Урале и в Поволжье. А встретив бывших сторонников Пугачёва, пленивших своего предводителя, он велел тому слезть с коня и лично заковал его в колодки⁵¹.

⁵⁰ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.421. Л.2–2 об.

⁵¹ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.512. Л.138, 354.

Если Пушкин считал, что Пугачёв стал продуктом казачьих интриг, то, по мнению Железнова, он «выставил пред светом простых, безграмотных яицких, ныне уральских, казаков какими-то политиками, хитрыми интриганями, государственными заговорщиками», а они были всего лишь «жалкие невежды, глупые простаки, заблудшие овцы, увлеченные в мятеж обманом и хитростью Пугачёва» [8, с.317]. Мысля стереотипами своего времени, Железнов был уверен, что русский человек, особенно казак, не способен «на такое пагубное и богопротивное дело». Но как Пугачёв осмелился на это, он же тоже русский человек, казак? Тому объяснение у Железнова простое: «Пугачёв, заметьте, один человек; а один урод в семье может быть, но целая семья – никогда» [8, с.319]. Железнов согласен, что «часть казаков, бывших на стороне самозванца, делали в разных местах многие бесчинства и злодейства». Но это не повод обвинять всех их в жестокости, поскольку «бесчинства» в равной мере творили «и башкирцы, и крестьяне, и разная сволочь, собравшаяся под знамя Пугачёва» [8, с.327].

Также Железнов уверен, что показания Пугачёва, признавшего себя на следствии жертвой казачьих интриг, есть не что иное, как месть казакам, выдавшим его, а также призрачная надежда на помилование [8, с.325–326].

Материалы о Пугачёве Железнов собирал в конце 1850-х гг., спустя более 80-и лет после пугачёвщины. Для этого он использовал и архивные материалы, местные и столичные (например, Архив Военной коллегии), хотя многие документы тогда еще были доступны лишь узкому кругу. Он собрал ряд преданий, записанных у детей и внуков участников пугачёвщины. «На Урале до сих пор много ходит преданий насчет Пугачёва – преданий, разумеется, иногда длинных, а иногда пустяшных, иногда правдоподобных, а иногда совершенно нелепых», – писал он [8, с.336].

Его рассказчики верили, что их родственники служили не самозванцу, а царю. «Как теперь смотрю на него, голубчика: такой был мужественный, величавый... Он был настоящий царь», – вспоминала Анисья, монашка старообрядческого скита, которая была тогда ребенком [9, с.144]. Старик Иван Бакиров рассказал, как накануне пугачёвщины был убит генерал «Трюмбер» [9, с.168], и поведал легенду, согласно которой митрополит московский Алексей (XIV в.), встретив яицких казаков, предсказал им пришествие «набеглого царя», который будет настоящим царем, но прольет много крови. «Он явился неспроста, а по определению Божиему. Значит, и был он не Пугач, а ... настоящий Петр Федорович», – рассуждал Иван [9, с.144]. «На вопрос: кто это был? Рыбинсков, не колеблясь, ответил: “Знамо кто, Петр Федорович! Об этом и толковать нечего”» [9, с.208].

Спор о том, кто был инициатором самозванства – Пугачёв или казаки, грозит стать вечным. Но если даже эта идея и исходила от казаков, то круг их был очень узок, тогда как для остальных он был государем, который, как и они, пострадал от несправедливых действий и которому они готовы помочь, заодно обретя «через него» славу. В любом случае, его появление на

Яике не было случайным. Самозванец был нужен казакам, а казаки – ему. Вряд ли где-то еще, кроме Яика, в ту пору могли начаться события, приведшие к крупнейшему мятежу, потрясшему страну и напугавшему ее правителей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Буганов В.И., Зырянов П.Н.* История России (конец XVII–XIX вв.): учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2002. 303 с.
2. *Витевский В.Н.* Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Вып.2. Казань: Типолитография В.М. Ключникова, 1890. 368 с.
3. *Дубовиков А.М.* Казачьи волнения на Яике накануне пугачёвщины // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Философия и история». 2005. С.65–73.
4. *Дубовиков А.М.* Восстание 1772 года на Яике как преддверие пугачёвщины // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Актуальные проблемы гуманитарных наук». №1. 2005. С.168–177.
5. *Дубовиков А.М.* Казачьи волнения на Яике в 50-е – 60-е годы XVIII века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Актуальные проблемы гуманитарных наук». №2. 2005. С.147–153.
6. Емельян Пугачёв на следствии: сборник документов / отв. ред., автор вступительной статьи и комментариев Р.В. Овчинников. М.: Языки русской культуры, 1997. 464 с.
7. *Железнов И.И.* Уральцы. Очерки быта уральских казаков // Полное собрание сочинений Иоасафа Игнатьевича Железнова. Изд. 3-е, посмертное, с дополнениями и включением всех неизданных статей / под ред. Н.А. Бородина. Т.1. СПб.: Тип. Тов-ва «Общественная польза», 1910. 474 с.
8. *Железнов И.И.* Уральцы. Очерки быта уральских казаков. Т.2. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1910. 453 с.
9. *Железнов И.И.* Уральцы. Очерки быта уральских казаков. Т.3. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1910. 439 с.
10. *Карпов А.Б.* Памятник казачьей старины. Изд. 2-е. Уральск: Фирма «Тор», 1992. 110 с.
11. *Левшин А.И.* Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. СПб.: Военная типография главного штаба Его Императорского Величества, 1823. 84 с.
12. От Гугни до Толстова. Атаманы Яицкого казачьего войска и наказные атаманы Уральского казачьего войска / сост. А.Г. Трегубов. Уральск: Изд. ТОО «Оптима», 2006. 104 с.
13. *Паллас П.С.* Путешествия по разным провинциям Российской империи. Ч.1. СПб.: Императорская Академия Наук, 1809. 657 с.
14. *Пушкин А.С.* История пугачёвского бунта // Собрание сочинений А.С. Пушкина в 6 томах. Т.5. М.-Л.: Академия, 1936. 733 с.
15. *Рябинин А.Д.* Уральское казачье войско. Ч.2. Приложения. СПб.: Главное управление генерального штаба, 1866. 108 с.

16. Соловьев В.М. Критика и библиография: Р.В. Овчинников. Следствие и суд над Е.И. Пугачёвым и его сподвижниками // Отечественная история. 1998. №1. С.190–193.

Информация об авторе:

Дубовиков Александр Маратович – доктор исторических наук, профессор, Поволжский государственный университет сервиса (Тольятти, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9995-8328; e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Поступила 10.07.2024

Принята к публикации 31.07.2024

Archival documents on the events
in the Yaik Cossack army that preceded the “pugachevshina”

A.M. Dubovikov

*Volga Region State University of Service
Tolyatti, Russian Federation*

This article shows in detail the process of development in the Yaik Cossack army of the conflict situation between ordinary Cossacks and their senior leadership during the several decades preceding the “pugachevshina”. Currently, this topic continues to be poorly studied and practically unrelated to the topic of “pugachevshina”. Documents deposited in the capital’s archives (RGADA and RGVIA), as well as in the Orenburg regional archive (OGAEO), made it possible to reconstruct in detail the events of the Yaik Cossack uprising of 1772 and show their direct connection with the “pugachevshina”.

Keywords: Yaik Cossack army, Yaik Cossack uprising of 1772, “pugachevshina”, fishing on Yaik, ataman Martemyan Borodin, General Ferdinand Freiman

For citation: Dubovikov A.M. Archival documents on the events in the Yaik Cossack army that preceded the “pugachevshina”. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.3, pp.52–68. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.52-68> (In Russian)

REFERENCES

1. Buganov V.I., Zyryanov P.N. History of Russia (late 17th – 19th centuries): textbook for the 10th grade of comprehensive schools. Moscow: Prosveshchenie Publ., 2002. 303 p. (In Russian)
2. Vitevsky V.N. *Neplyuev and the Orenburg Region in its former composition before 1758*. Vol.2. Kazan: Klyuchnikov Publ., 1890. 368 p. (In Russian)
3. Dubovikov A.M. Cossack Unrest on the Yaik on the eve of the Pugachev rebellion. *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. Special edition "Philosophy and History". 2005, pp.65–73. (In Russian)

4. Dubovikov A.M. The 1772 Uprising on the Yaik as a prelude to the Pugachev rebellion. *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. Special edition "Actual problems of the humanities". 2005, no.1, pp.168–177. (In Russian)

5. Dubovikov A.M. Cossack unrest on the Yaik in the 50s – 60s of the 17th century. *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. Special edition "Actual problems of the humanities". 2005, no.2, pp.147–153. (In Russian)

6. *Emelyan Pugachev under investigation: a collection of documents*. Editor, author of the introductory article and comments R.V. Ovchinnikov. Moscow: Languages of Russian Culture Publ., 1997. 464 p. (In Russian)

7. Zheleznov I.I. *The Urals*. Essays on the life of the Ural Cossacks. *Complete collected works of Ioasaf Ignatyevich Zheleznov*. 3rd edition, posthumous, with additions and inclusion of all unpublished articles. Ed. by N.A. Borodin. Vol.1. St. Petersburg: Obshchestvennaya Polza Publ., 1910. 474 p. (In Russian)

8. Zheleznov I.I. *The Urals*. Essays on the Life of the Ural Cossacks. *Complete collected works of Ioasaf Ignatyevich Zheleznov*. Vol.2. St. Petersburg: Obshchestvennaya Polza Publ., 1910. 453 p. (In Russian)

9. Zheleznov I.I. *The Urals*. Essays on the Life of the Ural Cossacks. *Complete collected works of Ioasaf Ignatyevich Zheleznov*. Vol.3. St. Petersburg: Obshchestvennaya Polza Publ., 1910. 439 p. (In Russian)

10. Karpov A.B. *Monument to Cossack antiquity*. 2nd edition. Uralsk: Tor Publ., 1992. 110 p. (In Russian)

11. Levshin A.I. *Historical and statistical review of the Ural Cossacks*. St. Petersburg: Main Directorate of the General Staff Publ., 1823. 84 p. (In Russian)

12. *From Gugini to Tolstov. Atamans of the Yaik Cossack army and acting atamans of the Ural Cossack army*. Compiled by A.G. Tregubov. Uralsk: Optima Publ., 2006. 104 p. (In Russian)

13. Pallas P.S. *Travels through various provinces of the Russian Empire*. Part 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1809. 657 p. (In Russian)

14. Pushkin A.S. History of the Pugachev rebellion. *Collected Works of A.S. Pushkin in 6 volumes*. Vol.5. Moscow-Leningrad: Academy Publ., 1936. 733 p. (In Russian)

15. Ryabinin A.D. Ural Cossack host. Part 2. Appendices. St. Petersburg: Main directorate of the General Staff Publ., 1866. 108 p. (In Russian)

16. Soloviev V.M. R.V. Ovchinnikov. Investigation and trial of E.I. Pugachev and his associates. *Domestic History*. 1998, no.1, pp.190–193. (In Russian)

About the author:

Dubovikov Alexander Maratovich – Dr. Sci. (history), Professor, Volga Region State University of Service (Tolyatti, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9995-8328; e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Received July 10, 2024

Accepted for publication July 31, 2024

УДК 94(47)

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-3.69-75

Причины неудач похода В.А. Кара против восставших под предводительством Е.И. Пугачёва осенью 1773 г.

А.Х. Тухватулин

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация*

Более чем 250 лет назад на юго-восточных рубежах Российской империи вспыхнуло восстание под предводительством Е.И. Пугачёва, которое за короткий срок охватило большую территорию Урала и Поволжья. Первые попытки правительственных войск подавить эти волнения оказались неудачными, и среди них особняком стоит поход (экспедиция) генерал-майора В.А. Кара, в ходе которого выявились системные недостатки как в управлении войсками, так и в мерах, предпринимаемых местными властями. Предвзятое отношение к повстанцам как к «трусливым мужикам и сброду», игнорирование природных условий Приуральских степей и ряд других факторов привели к провалу действий правительственных войск в борьбе с пугачёвцами на начальном этапе восстания.

Ключевые слова: восстание Е.И. Пугачёва, Военная коллегия, Новомосковский тракт, правительственные войска, В.А. Кар

Для цитирования: Тухватулин А.Х. Причины неудач похода В.А. Кара против восставших под предводительством Е.И. Пугачёва осенью 1773 г. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №3. С.69–75. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.69-75>

В начале осени 1773 г. до Петербурга дошли новости о том, что взбунтовалось Яицкое казачье войско, в котором появился самозванец, утверждавший, что он является «чудесно спасшимся» императором Петром III. Местные казаки, решившие помочь «государю» вернуть законную власть, заняли крепости по р. Яик и начали осаду Оренбурга.

Данные известия застали имперские власти врасплох, так как основные силы российской армии в это время были заняты в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг., нужно было найти дополнительные силы и умелого командующего, который смог бы разбить и усмирить бунтовщиков. Военная коллегия поручила эту миссию генерал-майору В.А. Кару, который в это время был занят комплектацией новых военных частей из числа рекрутов в Петербурге.

Василий Алексеевич Кар (1730–1806) был достаточно опытным военным и дипломатом. Военную службу начал в десятилетнем возрасте, в 1742 г. стал пажом, а через шесть лет стал поручиком в Виленском пехот-

ном полку. В годы Семилетней войны (1756–1763 гг.) служил волонтером в австрийской и французской армиях, в 1760–1761 гг. воевал с прусской армией в составе русского войска. К 1766 г. дослужился до чина полковника и был отправлен в Польшу, где должен был вести надзор над князем Радзивилом, одновременно командуя отрядом в Радоме, докладывая о текущих делах вышестоящим вельможам – князю Н.В. Репнину и графу Н.И. Панину. В 1766–1768 гг. участвовал в боевых действиях против конфедератов, 22 сентября 1768 г. получил чин бригадира. В том же году в составе русского экспедиционного корпуса вел боевые действия против конфедератов в Польше. В мае 1769 г. он был назначен командующим Иностранного легиона (позже переименован в Петербургский легион). 1 января 1770 г. был произведен в генерал-майоры, но в связи с ухудшением здоровья в декабре 1770 г. был отправлен на лечение [1].

Возвратившись осенью 1773 г. в Петербург, В.А. Кар начал заниматься набором рекрутов, но 14 октября 1773 г. поступил указ императрицы Екатерины II, где ему поручалось срочно выехать в Казань, а оттуда отправиться на выручку Оренбурга и разгромить «злодейскую шайку самозванца» [8, с.1–2]. На следующий день был издан манифест об отправлении на Яик для усмирения мятежников генерал-майора Кара: «Мы, для восстановления порядка и тишины в тех пределах, отправили от нас нарочно нашего генерал-майора Кара, которому и сей манифест публиковать повелели, повелевая и надеясь, что каждый, впадший в сие заблуждение, сам узнает тягость своего преступления, возвратится к законному повиновению» [8, с.3–4]. Одновременно были посланы именные указы казанскому (Я.Л. Брандт) и оренбургскому (И.А. Рейнсдорп) губернаторам, которым было поручено оказать помощь генерал-майору В.А. Кару, «которому вы всякое вспоможение не оставите показать при всяком случае» [8, с.2–3].

Необходимо отметить, что В.А. Кар был усердным военным, поэтому выехал из Петербурга 15 октября 1773 г., 20 октября он был в Москве, оттуда направился в Приуралье 21 октября, а 30 октября прибыл в Кичуевский фельдшанец, который находился в 460 км от Оренбурга, и там же находилось около 3400 вооруженных людей [2]. При этом он повсеместно оставлял приказ о наборе воинских команд и их присылке в Кичуй, но, не дождавшись их и довольствуясь небольшим отрядом в 1467 человек, направился по Новомосковскому тракту в сторону Оренбурга. Такая поспешность объясняется тем, что В.А. Кар получил неверные сведения от казанского губернатора Я.Л. Брандта, который утверждал, что «шайка самозванца» состоит из неопасного сброда [3]. Это же настроение присутствует в рапорте генерала от 31 октября 1773 г.: «Всемиловнейшая Государыня! Теперь отправлюсь по Московской дороге к передовым командам (которые дошли до деревни Кутлумбетевой, расстоянием от Оренбурга менее двух сот верст), ожидая между тем отправленной сюда из Москвы, под прикрытием пятидесяти рядовых, трех орудий артиллерии, в коей по малости здесь крайняя настает нужда, и надеюсь в скорости прибудет, то

всю возможную поспешность употреблю дойти до собранной злодейской толпы и, не теряя ни малейшего времени, ее атакую. Опасаюсь только того, что сии разбойники, сведав о приближении команд, не обратились бы в бег, не допусая до себя оных, по тем же самым местам, отколь они появились!» [4, с.23].

Эта поспешность оказалась роковой ошибкой. Вместо того, чтобы дожидаться прибытия опытных воинских команд и лояльных к правительству отрядов башкир и служилых татар, набрать необходимые для поздней осени провиант, обмундирование и усилить артиллерию, 2 ноября В.А. Кар направился на усмирение «трусливых мужиков».

Проблемы начались сразу же. Природные условия Приуралья в начале ноября достаточно неблагоприятны для воинских маршей: резкие холода с постоянными ветрами, которые перемежаются осадками, и в более спокойные времена были серьезным испытанием. В рапорте от 6 ноября 1773 г. генерал-майор жалуется на неблагоприятную погоду: «Как против росписания по почтовому календарю оказалось в верстах великое излишество, а в добавок того настали жесточайшие морозы, и где я полагал один марш сделать, тут уже, сохраняя солдат, чтоб не перезнобились, принужден на двое оные делить; но и в сем случае несколько человек оставил больных, следовательно, и не можно было так поспешить, как я надеялся; а потому до сего числа и насилиу мог только занять деревни Мустафину и Сарманаеву» [4, с.23–26].

Неблагоприятная ситуация усугубилась тем, что ямская логистика по Новомосковскому тракту практически не действовала, а местное население предпочитало скрываться от вооруженных людей, в селах же оставались одни старики, которые ничем не могли помочь правительственным войскам. Как жаловался сам В.А. Кар в рапорте от 11 ноября 1773 г., «обыватели, забрав своих жен и детей, от приходу моих команд разбежались по степи и покинули деревни почти совсем пустыми; из оставших же некоторого числа самых стариков сколько не увещал я, чтоб возвращались в дома, но без успеха; следовательно ни хлеба, ни подвод уже у них достать нельзя» [4, с.26–31].

7 ноября В.А. Кар получил рапорт от коллежского асессора и уфимского воеводского товарища Богданова о том, что бунтовщики под предводительством Хлопуши разорили Авзяно-Петровский завод, и решил их перехватить у д. Имангулово, но первое столкновение произошло вечером у д. Юзеево. Часть служилых татар (18 человек), которые были в команде В.А. Кара, перебежала к мятежникам, отошедшим за деревню, потери же правительственных войск были небольшими (2 раненых).

Относительный успех укрепил мнение генерал-майора в слабости бунтовщиков, поэтому 8 ноября он решил остаться в Юзеево, дожидаясь подмоги в 200 человек, при этом не предприняв элементарных мер предосторожности. Попытка увещевать бунтовщиков манифестом императрицы тоже не принесла успеха. Был получен ответ, что у них тоже есть

манифест – «правее», от «государя» [4, с.26–31]. Отряд поручика Карташева, который шел на подмогу, был разбит на марше. Количество простуженных и больных в команде росло, поэтому В.А. Кар 9 ноября принял решение отступить в сторону Бугульмы [6].

Как только команда генерал-майора покинула Юзеево, то немедленно была атакована отрядами пугачёвских атаманов А.А. Овчинникова и И.Н. Зарубина (Чижи) [1], которые имели неоспоримое численное преимущество – 2 тысячи человек при 9 орудиях против 1 тысячи с лишним и 4 орудий малого калибра. Часть вооруженных крестьян и конных татар перешла на сторону бунтовщиков, начались волнения среди рядовых, и только стараниями самого В.А. Кара, генерал-майора Ф.Ю. Фреймана и майора Варнстедта удалось навести дисциплину и избежать полного разгрома. Отбиваясь от вооруженных мятежников и отстреливаясь на протяжении 20 км, правительственные войска сумели добраться до д. Сарманаево (Сарманай), расположенной в 60 км от Юзеево [9, с.163–181].

На этот раз потерь было гораздо больше – 125 убитых, много раненых и больных, в ходе этого марша погиб единственный в команде лекарь, в силу чего было невозможно вести дальнейшую борьбу с повстанцами, среди которых были местные жители, хорошо ориентировавшиеся в местности. Кроме того, отряд полковника Чернышова, направленный в сторону Оренбурга, также был разбит пугачёвцами, погода же продолжала ухудшаться. В своем рапорте от 11 ноября 1773 г. президенту Военной коллегии графу З.Г. Чернышеву В.А. Кар в отчаянии докладывает: «Надобно всю собранную горстку людей от морозов и злодейской канонады бесплодно только потерять; в поле вышины занимать не можно; и в деревнях, по редкости их и по состоянию все в ямах, окружаемых горами, никак держаться тех средств; для того что по чрезмерной стуже людей тотчас всех переизнобишь, без провианту и без выстрелов останешься» [4, с.26–31].

18 ноября изрядно поредевший отряд под командованием тяжело больного В.А. Кара прибыл в Шалты (Старые Шалты), где он оставил команду Ф.Ю. Фрейману и направился в Казань, имея намерение выехать в Петербург с подробным отчетом перед Военной коллегией [4, с.31–32]. Жалобы на объективные условия не впечатлили графа Чернышева, и тот направил курьера с требованием к генерал-майору, чтобы он вернулся обратно к своим войскам, и запрещением ему оставлять свой воинский пост [4, с.33]. Состояние здоровья В.А. Кара было настолько тяжелым, что он решил на неслыханный шаг – проигнорировал требование Президента Военной коллегии и поехал в Москву, вызвав всеобщее недовольство среди дворян [4].

Главкомандующий в Москве князь М.Н. Волконский по приказу императрицы Екатерины II 30 ноября 1773 г. запретил В.А. Кару выезжать в Петербург. Военная коллегия составила указ об отстранении генерал-майора от воинской службы. Вместо того, чтобы, не жалея своей жизни, выполнить свой долг, бывший командующий «о болезненном себе ска-

завши припадке, оставил известной ему важности пост, сдал тотчас порученную ему команду и самовольно от оной удалился» [4, с.3718], за что и было дано увольнение от должности.

«Нельзя, конечно, не признать в действиях Кара некоторых ошибок, и не видеть неблагоприятных последствий их для дальнейшей борьбы с мятежом, – говорилось в очерке в «Русском биографическом словаре», посвященном генералу Василию Кару. – Но во многом эти следствия зависели не от Кара, а от сложившихся помимо его обстоятельств и, главным образом, от недостатка на месте войск. Главнейшая его ошибка была в том, что он бросился действовать, не ознакомившись хорошо с положением дела; А.И. Бибиков этой ошибки не повторил. Но нет решительно никаких оснований видеть в поступке Кара бегство с театра действий и даже вообще обвинять его в трусости. Он явился тою несчастною жертвою, каковой обыкновенно общество требует при неприятных неудачах» [5].

К этому надо добавить следующие обстоятельства, которые привели В.А. Кара к катастрофе под Юзеево, – недооценка противника, имевшего подавляющее преимущество в численности и вооружении; плохая логистика в Новомосковском тракте в условиях неразберихи в крае; неблагоприятные природно-климатические условия Приуралья поздней осенью, что привело к началу массовой заболеваемости в войске; отсутствие элементарной разведки; неверная оценка текущей ситуации. В рапорте от 11 ноября 1773 г. он просит у Военной коллегии усилить артиллерию полком пехоты, в первую очередь карабинерами и гусарами [4, с.26–31], т.е. еще был полон решимости продолжить борьбу, но депрессия, связанная с тяжелой болезнью (простуда, ломота в костях; фистула, требующая операцию в Москве), [4, с.36] привела к роковому шагу. Необходимо отметить, что осенью-зимой 1773 г. похожие неудачи терпели и другие командующие правительственными войсками – генерал Валленштерн, полковник Чернышев и секунд-майор Заев [5], поэтому проблема носила не случайный, а системный характер. Даже летом 1774 г. нерешительность и разрозненность правительственных сил чуть было не привела к падению Казани.

Дальнейшая судьба опального генерала была достаточно обыденной. Уволенный в отставку, он проводил время в своих поместьях в Калужской и Московской губерниях. В 1796 г. по разрешению императора Павла I В.А. Кар поселился в Москве, где и прожил последние 10 лет своей жизни. Вопреки утверждению А.С. Пушкина в «Замечаниях о бунте», что отставной генерал-майор нашел «смерть насильственную: был убит своими крестьянами, выведенными из терпения его жестокостию» [7, с.351–372], В.А. Кар умер в собственном доме в Москве 25 февраля 1806 г. Как отметил С.Евгеньев в очерке «Опальный генерал», смерть его была вызвана преклонными годами: каких-либо чрезвычайных обстоятельств, вызвавших кончину, не произошло. Похоронен он был в своем подмосковном имении Клинского уезда [5].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. 1773–1775 – война без правил: четыре стороны конфликта / сост. И.Славин. Челябинск: Библиотека А.Миллера, 2021. 233 с.
2. *Абдуллин Х.М.* Военная история Кичуйского фельдшанца в XVIII в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №2. С.10–20. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.10-20>.
3. *Анучин Д.* Первые успехи Пугачёва и экспедиция Кара // Военный сборник. №5. СПб., 1869. С.139–181.
4. *Грот Я.К.* Материалы для истории Пугачёвского бунта: Бумаги Кара и Бибикова: (со снимком с приписки Бибикова на последнем его донесении Екатерины II). СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1862. 65 с.
5. *Евгеньев С.* Опальный генерал. Газета «Вести» от 1.02.2023. URL: <https://vesty.spb.ru/2023/02/01/opalny-i-general-24711> (дата обращения: 24.05.2024).
6. Крестьянская война в России 1773–1775 годах. Восстание Пугачёва. Т. II / отв. ред. Мавродин В.В. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1966. 512 с.
7. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений в 10 томах. Т.8. Автобиографическая и историческая проза. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. 580 с.
8. *Пушкин А.С.* История пугачёвского бунта. Часть вторая. Санкт-Петербург, 1834. 336 с.
9. *Овчинников Р.В.* За Пушкинской строкой. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1988. 208 с.

Информация об авторе:

Тухватулин Айрат Халитович – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторического и обществоведческого образования Института международных отношений, Казанский федеральный университет (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6042-5711; e-mail: taurat@mail.ru

Поступила 15.07.2024

Принята к публикации 15.08.2024

The reasons for the failure of the V.A. Kar's campaign against the rebels led by E.I. Pugachev in the autumn of 1773

A.Kh. Tukhvatulin

*Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation*

More than 250 years ago, an uprising led by E.I. Pugachev broke out on the south-eastern borders of the Russian Empire, which in a short period of time covered a large territory of the Urals and the Volga region. The first attempts of government troops to suppress these unrest were unsuccessful, and among them the campaign (expedition) of Major General V.A. Kar, during which systemic shortcomings were revealed both in the command and control of troops and in the measures taken by local authorities. Prejudiced attitude towards the rebels as “cowardly men and rabble”, ignorance of the natural

conditions of the Ural steppes and a number of other factors led to the failure of government troops in the fight against the Pugachevites in the initial stage of the uprising.

Keywords: E.I. Pugachev's rebellion, Military Collegium, Novomoskovsky tract, government troops, V.A. Kar

For citation: Tukhvatulin A.Kh. The reasons for the failure of the V.A. Kar's campaign against the rebels led by E.I. Pugachev in the autumn of 1773. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.3, pp.69–75. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.69-75> (In Russian)

REFERENCES

1. *1773–1775 – war without rules: four sides of the conflict*. Compiled by I. Slavin. Chelyabinsk: A. Miller Library Publ., 2021. 233 p. (In Russian)
2. Abdullin Kh.M. Military history of the Kichuy fortification in the 18th century. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.2, pp.10–20. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.10-20> (In Russian)
3. Anuchin D. Pugachev's first successes and Kar's expedition. *Military collection*. 1869, no.5, pp.139–181. (In Russian)
4. Grot Ya. K. *Materials for the history of the Pugachev rebellion: Papers of Kar and Bibikov*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1862. 65 p. (In Russian)
5. Evgenyev S. Disgraced General. *Vesti*, 2023, February 1. URL: <https://vesty.spb.ru/2023/02/01/opalnyi-general-24711> (accessed: 05/24/2024). (In Russian)
6. *The Peasant War in Russia in 1773–1775. Pugachev's rebellion*. Vol.2. Ed. by Mavrodin V.V. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1966. 512 p. (In Russian)
7. Pushkin A.S. *Complete Works in 10 Volumes*. Vol. 8. Autobiographical and Historical Prose. Moscow – Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1951. Pp.351–372. (In Russian)
8. Pushkin A.S. *The history of Pugachev's rebellion*. Part 2. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery Publ., 1834. 336 p. (In Russian)
9. Ovchinnikov R.V. *Behind the Pushkin line*. Chelyabinsk: South Ural book Publ., 1988. 202 p. (In Russian)

About the author:

Tukhvatulin Airat Khalitovich – Cand. Sci. (history), Associate Professor of the Department of Historical and Social Science Education, Institute of International Relations, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6042-5711; e-mail: tayrat@mail.ru

Received July 15, 2024

Accepted for publication August 15, 2024

УДК 94(47)"1773/1775"

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-3.76-85

Служилые татары в период восстания Е.И. Пугачёва 1773–1775 гг.

И.З. Файзрахманов

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Статья посвящена изучению вопросов участия служилых татар на стороне правительственных войск в период восстания Е.И. Пугачёва 1773–1775 гг. Определены причины верноподданного отношения к самодержавной власти или нейтралитета основной части служилых татар к пугачёвскому «бунту». Выяснена роль Казанского адмиралтейства в обеспечении порядка в подконтрольных ему селениях служилых татар, местах заготовки корабельных лесов, а также в защите Казани от повстанцев летом 1774 г. Показаны заслуги небольшой части служилых татар – активных участников подавления восстания. Преимущественно рассмотрены события на территории Казанского уезда.

Ключевые слова: служилые татары, Е.И. Пугачёв, А.И. Свечин, Казанское адмиралтейство, Масагут Гумеров, Казанский уезд, штурм Казани, наказание повстанцев, награждение сторонников правительства

Для цитирования: Файзрахманов И.З. Служилые татары в период восстания Е.И. Пугачёва 1773–1775 гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №3. С.76–85. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.76-85>

Восстание Е.И. Пугачёва 1773–1775 гг. стало одним из самых масштабных событий в истории Российской империи XVIII в. Оно, без преувеличения, всколыхнуло всю страну, его последствия сказывались в течение многих последующих десятилетий, в том числе одним из наиболее значимых следствий стала губернская реформа 1775 г.

В отечественной историографии события 1773–1775 гг. рассматриваются и как крестьянская война. Действительно, военные действия унесли с собой множество жертв как с одной, так и с другой стороны, в огне пожаров превратились в пепел тысячи домов и другое имущество. В разных противоборствующих лагерях оказывались проживавшие в одном селе, на одной улице или в одном доме жители, соседи, родственники. Нередко случались переходы с одной стороны на другую. Было полное ощущение гражданской войны, а если быть точнее войны между подданными империи. Поэтому эта война была не просто крестьянская: со стороны Пугачёва выступили много горнозаводских рабочих и других групп населе-

ния, а противоположный лагерь составляли не только правительственные войска.

В связи с этим, стоит обратить внимание на участие служилых татар на стороне правительственных войск в период восстания под предводительством Е.Пугачёва 1773–1775 гг. Несмотря на имеющуюся обширную литературу и изданные источники по теме в целом [1; 2; 3; 6], последний вопрос изучен недостаточно.

Среди всего нерусского населения Поволжья служилые татары являлись одним из самых верноподданных групп самодержавия в регионе, что было связано со многими причинами. Можно выделить две основные из них.

Во-первых, многовековая служба в интересах царской власти и получение за это определенных привилегий в виде пожалования земельных участков, имения собственных дворовых крестьян, освобождения от некоторых видов налогов и повинностей (например, за выполнение корабельной работы размер подушного налога, оплачиваемого однообщественниками, уменьшался; в отдельные периоды были свободны от рекрутской повинности). Несмотря на постепенное уравнивание их положения с остальными ясачными крестьянами, служилые татары участвовали в походах как против внешних врагов (Прусский поход 1756 г.), так и внутренних «бунтовщиков». Например, они были в ежегодных походах для «искоренения бунтовщиков» в ходе башкирских восстаний 1735–1740 гг.¹, а также восстания Батырши в 1755 г.

Во-вторых, лояльное отношение служилых татар к властям во многом определялось тем, что они подчинялись Адмиралтейству, ежегодно выполняли лашманскую повинность. Организация работ по заготовке корабельных лесов была хорошо регламентирована, что сделало возможным стабильное обеспечение лесоматериалами строительство судов для военно-морского флота. В остальных любых других вопросах Казанское адмиралтейство без особых проблем контролировало ситуацию во вверенных ему селениях.

Стоит отметить, что основная часть служилых татар (без учета расселенных в Воронежской губернии), привлеченных на стороне правительства, проживали в селениях Ногайской дороги Казанского уезда, Симбирского и Пензенского уездов, Алатырского уезда Нижегородской губернии. Кроме того, ко времени пугачёвских событий в составе служилых татар значительную долю составляли вчерашние ясачные крестьяне-татары Арской и Алатской дорог Казанского уезда и Свияжского уезда. По данным 3-й ревизии (1762 г.) численность новых приписанных к Адмиралтейству ясачных крестьян составила 26696 человек мужского пола. Из них 12715 были приписаны в 1752 г. (вместо воронежских служилых татар), 10849 в

¹ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф.138. Оп.1. Д.57. Л.20–27 об.

1754 г. (вместо новокрещен) и еще 3132 в 1761 г. [7, с.139]. Всего приписанных насчитывалось 76573 человек. Таким образом, новые приписанные ясачные крестьяне составили более одной трети (34,86%) служилого населения.

Несмотря на то, что в основе движения крестьян лежали социальные причины (недовольство ростом неравенства между богатыми и бедными, бесправное положение основной массы населения), правительству удалось уберечь от перехода на сторону повстанцев основную часть служилых татар. Казанская адмиралтейская контора зорко следила за порядком не только в Адмиралтейской слободе, но и за всеми подконтрольными ей лашманскими селениями и местами заготовок корабельного леса.

Остановимся на некоторых эпизодах самого восстания, связанных с деятельностью Казанского адмиралтейства и служилыми татарами. Казанские и уездные жители были наслышаны о пугачёвском «бунте», происшедшем в 1773 и начале 1774 г. Отдельные отряды восставших были сформированы большей частью из местных крестьян, в том числе из служилых татар. Так, большие отряды повстанцев действовали под руководством старшин Масагута Гумерова и Галея Кадырова в селениях по Арской дороге, ныне входящих в состав Кукморского района РТ (села Псяк, Асан-Елга, Ядыгерь, Люга, Большой Сардек), Вятскополянского района Кировской области (села Троицкое, Нижняя Тойма, Куршино, Сосмак, Кулыги), Елабужского района РТ (села Лекарево, Танайка, Бехтерево)². Численность отряда Масагута Гумерова сначала была не более 50 чел., но впоследствии выросла до 3 тыс. чел. Несколько служащих Казанского адмиралтейства, находившихся на вятских пристанях в команде комиссара Ивана Наумова, стали свидетелями зарождения этой «злодейской толпы» в январе 1774 г. Они указывали на связи повстанцев с «уфимскими» старшинами. Сам И.Наумов со своими помощниками был взят в плен и увезен в лагерь восставших [4, с.464–465].

Это был период, когда «корабельные работы» в лесах вести стало невозможно, многие лашманы уходили с работы, а внимание адмиралтейских солдат и чиновников было сосредоточено на мероприятиях по защите от повстанцев. И все же, если рассматривать весь период пугачёвского восстания 1773–1775 гг., то заготовка корабельных лесов не прекращалась, правда объемы заготовок уменьшились в 2–3 раза, чем в предыдущие годы³.

В Казани с декабря 1773 г. действовала Секретная следственная комиссия для проведения следствия над участниками восстания. Значительная часть арестованных (около 1 тыс. человек) содержалась в Бишбалте под охраной адмиралтейских солдат и матросов. Еще с ноября 1773 г. предпринимались меры по укреплению Казани. Так, начальнику Адмирал-

² РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.434. Л.176–179 об.

³ РГАВМФ. Ф.172. Оп.1. Д.29. Л.9 об.–10.

тейской конторы А.И. Свечину было приказано занять Зилантов монастырь, укрепить ее как крепость, снабдить людьми, а их припасами [1, с.156].

В июне 1774 г., накануне штурма Казани армией Пугачёва, Казанской адмиралтейской конторе предписывалось обеспечить безопасность в реках, для чего на реке Каме, выше от ее устья, предусматривалось «учредить на судах пикет из воинской сотной команды при надежном командире с должным числом пушек». Планировалось строительство одного большого полубарочного судна и множества мелких судов и оснащения их необходимым количеством фальконетов, воинскими командами. Однако срочность потребовала покупку у купцов уже имеющегося полубарочного судна и использования находящихся при Адмиралтействе других мелких судов. Комплектование якорями и орудиями также осуществлялось из запасов Казанского адмиралтейства. Гребцами судов назначались плотники и пильщики Адмиралтейства, комплектовались солдатские роты. Они, взяв продовольствие на месяц, незамедлительно должны были выдвинуться к устью и выше по течению реки Камы⁴.

Основные меры по укреплению Казани проводились в июне-июле 1774 г. Весь город должен был быть обнесен рогатками, а за рогатками установлены пушки. Адмиралтейству предписывалось сделать редуты со стороны Волги, так как существовали опасения, что пугачёвцы могли пробраться в город на судах. Собственно южную часть города должны были оборонять солдаты во главе с полковником А.И. Свечиным. Войска во главе с еще одним членом Казанской адмиралтейской конторы капитаном В.В. Щелиным обороняли часть города, огибаемую рекой Казанкой под северо-западными стенами Кремля. Однако эти срочные меры делались в крайней спешке и не могли учесть все обстоятельства. В особенно уязвимом положении находились все слободы города – эта их уязвимость впоследствии сыграла не последнюю роль, когда в период штурма города Пугачёвым слобожане, особенно суконщики, массово переходили на сторону восставших.

Стоит отметить, что наибольшее количество селений, жители которых в той или иной степени участвовали в восстании, находились по пути прохождения основных сил Пугачёва – это территория Арской и Зюрейской дорог Казанского уезда. Большинство отрядов восставших крестьян действовали только на своей местности. Необеспеченные оружием и продовольствием крестьяне не желали выезжать далеко. Это показывает стихийность и локальность выступлений.

После завершения разгрома над Пугачёвым, в рапорте в Адмиралтейскую коллегию от 9 февраля 1775 г. главноприсутствующий Казанской адмиралтейской конторой полковник А.И. Свечин указывал о мерах по наказанию участников пугачёвского восстания в подведомственных Ка-

⁴ РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.435. Л.327–329 об.

занскому адмиралтейству селениях [5, с.138–140]. Именным указом в ведомство Адмиралтейской конторы во всех местах, где происходили бунты или выходили из повиновения, а также в тех селениях, откуда были выходцы, присоединившиеся к «злодейской толпе», предусматривалось поставить «при больших дорогах виселицы, колеса и глаголи». На места направлялись нарочные, которые должны были контролировать исполнение указа, так как не было полного доверия сотникам и другим «волостным управителям»⁵. Губернская канцелярия требовала от конторы еженедельные рапорты о спокойствии и тишине в подведомственных ей селениях и слободах.

Некоторые сторонники правительства из служилых татар впоследствии подавали прошения о разрешении им привилегий за заслуги при подавлении восстания. Основные их просьбы заключались в следующих пунктах: разрешение беспрепятственно торговать, вечное освобождение от выплаты подушной подати с них и их семей, а также от рекрутских наборов; поощрение в виде награждения золотой медалью и саблей, разными чинами (напр., прапорщика), а также деньгами, поскольку пострадали от разграбления повстанцами их имений.

Рассмотрим подробнее несколько прошений служилых татар.

15 июля 1774 г., в то время, когда Пугачёв в Казани сражался против И.И. Михельсона, один из пугачёвских отрядов посетил д. Кшкар Алатской дороги (совр. с. Кшкар Арского района РТ) и разгромил усадьбу купца-фабриканта Сагита Усманова [1, с.180]. В этот период купцы Усмановы потеряли много имущества, в том числе в результате разграбления повстанцами их товаров по пути в Оренбург. Впоследствии, Сагит Усманов жаловался на разграбление его товаров на сумму в 8122 руб. 14 коп., а его младший брат Баязит в своей челобитной указывал имущества и товаров на 26074 руб. 30 коп.⁶ Род Усмановых в 1773–1775 гг. проявил себя сторонником царизма, при этом представители рода активно содействовали правительственным войскам в самое трудное для них время – закрытому в казанском кремле гарнизону они сумели донести, что скоро им на помощь придет корпус И.И. Михельсона⁷. Не случайно, их усадьба в Кшкарах была разграблена.

Было достаточно пострадавших от действий повстанцев и в Оренбургском крае, в т.ч. в Сеитовой слободе (совр. с. Татарская Каргала Сакмарского района Оренбургской области) под Оренбургом. Так, служилый татарин д. Уразлино Алатской дороги (совр. с. Казаклар Высокогорского района РТ) Апей (Япей) Ибраев за верную службу и потерю товаров на

⁵ РГАВМФ. Ф.212. 2-я канцелярия. Д.430. Л.210–211.

⁶ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.1274. Оп.1. Д.205. Л.226 об., 235.

⁷ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.516. Л.207 об.; Ф.350. Оп.2. Д.1176. Л.30–30 об.

6500 руб. просил привилегии ему и его семье: производить в России торговый промысел, позволить не выплачивать проценты по долгам⁸.

Одним из героев 1773–1775 гг. из стана сторонников правительства был касимовский мурза Ибраим Чанышев. В период осады Оренбурга повстанцами, он и его команда, состоящая из 200 «иноверцев», защищали одну из семи дистанций. При этом свою команду большей частью он обеспечивал за свой счет, позже активно участвовал в сражении под Сакмарой, состоявшемся 1 апреля 1774 г.; когда пугачёвцы двигались по Верхне-Яицкой линии⁹, отобрал у них топоры на сумму более 8 тыс. руб.¹⁰

Служилый татарин д. Большие Ширданы Свияжского уезда (совр. с. Большие Ширданы Зеленодольского района РТ) Амир Ишимов выполнял обязанности переводчика с татарского языка в войсках сначала под начальством генерал-аншефа А.И. Бибикова, затем полковника Н.Н. Кожина. В ходе восстания его дом, также был подвержен разорению, на ремонт которого предлагалось наградить переводчика двумястами рублями, а также удовлетворить просьбу о переселении из Казанской губернии в Оренбургскую губернию¹¹.

Интересна просьба главной старшины над тарханами, башкирцами и служилыми татарами Надыровской волости Казанской дороги Уфимского уезда Юсупа Надырова о награждении его за верную службу дворянским достоинством, так как он и его родственники являлись «природными тарханами», а также золотой медалью с бриллиантами, саблей и чином. Проситель был старшим сыном легендарного Надыра Уразметова – основателя волости, который прославился тем, что впервые в России попытался разработать нефтяные месторождения, а также занимался поисками медной руды и строительством «медеплавильного завода». Они проживали в д. Новое Надырово (совр. с. Новое Надырово Альметьевского района РТ). Однако его требования нашли «весьма излишними» и предложили ограничиться пожалованием в чин прапорщика, награждением золотой медалью и саблей¹².

География проживания служилых татар была широкой, соответственно, и просители привилегий за заслуги перед правительством в ходе пугачёвского восстания 1773–1775 гг. являлись выходцами из селений разных дорог и уездов. Так, служилый татарин, старшина Батырша Адельшин из д. Большие Тиганы (совр. с. Большие Тиганы Алексеевского района РТ)

⁸ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.516. Л.206 об.; Ф.350. Оп.2. Д.1176. Л.124–125.

⁹ Верхняя Яицкая линия – охраняемая силами Яицкого казачьего войска цепь сторожевых укрепленных пунктов (форпостов), основанных в середине 1740-х гг. на правом берегу Яика, к востоку от Яицкого городка.

¹⁰ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.516. Л.204–204 об.

¹¹ Там же. Л.206.

¹² Там же. Л.206 об.

заявлял стандартные просьбы: наградить его и брата золотыми медалями и саблями, уволить их и их потомков от подушных денег и позволить «производить беспрепятственно торговой промысел»¹³. Старшины селений служилых татар должны были исправлять старшинскую должность «с наблюдением, дабы во всех жительствовах была тишина и спокойствие, не приклоняясь и сами нимало к тому злодейству, а находились в непрременном к Ея Императорскому Величеству всеподданническом рабском повиновении». Батырша Адельшин сначала находился в подчинении генерал-майора князя П.М. Голицына, а потом под командой секунд-майора графа К.Меллина. Он и старшины деревень Себуханкулово Уст Тохталы тож (совр. с. Старый Татарский Адам Аксубаевского р-на РТ) и Адельшино (совр. с. Татарское Адельшино Чистопольского р-на РТ) в августе 1774 г. предоставили генерал-майору А.И. Миллеру 130 вооруженных конников для борьбы с пугачёвцами вблизи Билярска¹⁴.

Служилый татарин д. Тюнтер Арской дороги Казанского уезда (совр. с. Тюнтер Балтасинского района РТ) Усман Смаилов также заявлял просьбу о дозволении ему и его потомкам торговать. Однако сведений о его службе у руководителя «секретных следственных комиссий в ходе пугачёвского бунта» генерал-майора П.С. Потемкина не оказалось. Но его брат Гумер Исмаилов, по сведениям из аттестата генерал-поручика князя П.М. Голицына, «употребляем был в разные посылки в самое время мятежа и исправлял должность свою весьма усердно, но по нещастию захвачен злодеями и повешен»¹⁵.

В д. Верески на двух полянках (совр. с. Нижняя Береске Атнинского р-на РТ) существовала крупная кумачная фабрика служилого татарина и фабриканта Ибрая Юсупова¹⁶. Генерал-майор П.С. Потемкин высоко отзывался о нем, оценивая его заслуги при подавлении пугачёвской «смуты»: «Во время бытности моей при секретной комиссии сей татарин употребляем был от меня в посылках с увещательными листами в разные иноверческие селении, которую должность отправлял он усердно, подвергаясь почасту опасности, доставлял ко мне метежников и нередко начальников скопищ за назначенные цены и оказывал услуги усердно»¹⁷. Сын Ибрая (Ибрагима) Абдрешит Ибраев служил в Оренбурге, защищал город от «злодеев», о чем имел свидетельство от губернатора: «через все время осады поступал усердно и храбро», позже, когда пугачёвцы были в Казани, он также продолжал служить¹⁸.

¹³ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.516. Л.207; Ф.350. Оп.2. Д.1221. Л.496–496 об.

¹⁴ РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.446. Л.52–52 об., 54.

¹⁵ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.516. Л.208 об.; Ф.350. Оп.2. Д.1194. Л.74–75.

¹⁶ На средства Ибрагима Юсупова в 1769 г. была построена каменная мечеть в д. Нижняя Береске – старейшая мечеть в Республике Татарстан.

¹⁷ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.516. Л.209.

¹⁸ Там же. Л.209 об.; Ф.350. Оп.2. Д.1176. Л.246–247.

Ибрай Юсупов и Абдрешит Ибраев подавали отдельные прошения на получение привилегий. Ибрай Юсупов просил дозволить ему и его братьям Смаилу и Мухамету, его потомкам иметь в Российской империи торговый промысел, исключить по купечеству от всяких нарядов, разрешить с его фабрики «употреблять товар в разные продажи» и наградить его золотой медалью и саблей. Абдрешит Ибраев за оказанную службу просил дозволить «как ему, так и потомкам его пользоваться торговым промыслом без отправления всякой по купечеству службы», исключить его из оплаты подушного налога, и пожаловать ему саблю и золотую медаль, а также «дозволить строить мечети каменные»¹⁹.

Таким образом, в период восстания Е.Пугачёва 1773–1775 гг. служилые татары в большей части сохраняли нейтралитет, некоторая часть выступила на стороне правительственных войск. Из служилых татар наибольшей активностью против повстанцев выделялись имевшие значительные состояния, многие из которых подверглись разорению. Вставшие на сторону повстанцев служилые татары имели собственное видение ситуации, большей частью действуя недалеко от своих местожительств. Однако, будучи сильно зависимыми от государственной власти в лице Казанского адмиралтейства, которому в целом удавалось сохранять спокойствие в подконтрольных ему деревнях, приписное к Адмиралтейству население в большинстве своем не вмешивалось в события, беспорядки преимущественно происходили в близлежащих селениях незадолго до и во время прохождения пугачёвских отрядов. Интересно отметить, что служилые татары из числа наиболее отличившихся участников подавления восстания в своих прошениях ратовали за улучшение материального и общественного положения крайне узкого круга лиц – за себя и за членов своих семей. Они просили освобождения от налогов и повинностей, беспрепятственную торговлю, денежную компенсацию за разоренные имения и товары, награждения медалями, саблями, разными чинами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алишев С.Х. Татары Среднего Поволжья в пугачёвском восстании / под ред. З.И. Гильманова. Казань: Татар. кн. изд-во, 1973. 215 с.
2. Воззвания и переписка вожаков пугачёвского движения в Поволжье и Приуралье / сост. и ред.: Алишев С.Х., Овчинников Р.В., Усманов М.А. и др. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1988. 463 с.
3. Документы ставки Е.И. Пугачёва, повстанческих властей и учреждений. 1773–1774 гг. [Сборник] / АН СССР, Ин-т истории СССР, ЦГАДА [сост. А.И. Аксенов, Р.В. Овчинников, М.В. Прохоров]. М.: Наука, 1975. 523 с.
4. История Казанского адмиралтейства в документах и материалах / сост., автор предисловия, примечаний, научно-справочного аппарата И.З. Файзрахманов.

¹⁹ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.516. Л.209–209 об.

нов; Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ; РГАВМФ. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2023. 608 с.

5. Лашманы в строительстве российского флота: сборник документов и материалов / сост., автор предисловия, примечаний, научно-справочного аппарата И.З. Файзрахманов. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018. 584 с.

6. *Таймасов С.У.* Восстание 1773–1774 гг. в Башкортостане. Уфа: Китап, 2000. 375 с.

7. *Файзрахманов И.З.* История Казанского адмиралтейства (1718–1830 гг.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН Р; Изд-во «ЯЗ», 2014. 264 с.

Информация об авторе:

Файзрахманов Ильшат Завдатович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0006-3771-5298; e-mail: istorkazan@mail.ru

Поступила 16.07.2024

Принята к публикации 16.08.2024

Service Tatars during the E.I. Pugachev uprising of 1773–1775

I.Z. Faizrakhmanov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is devoted to the study of the issues of participation of service Tatars on the side of government troops during the E.I. Pugachev uprising of 1773–1775. The reasons for the loyal attitude towards the autocratic power or neutrality of the main part of the service Tatars towards Pugachev's "rebellion" are determined. The role of the Kazan Admiralty in maintaining order in the villages of service Tatars under its control, in places where timber for ships was being prepared, and in defending Kazan from rebels in the summer of 1774 has been clarified. The merits of a small part of service Tatars who actively participated in the suppression of the uprising are shown. The events on the territory of the Kazan district are considered primarily.

Keywords: service Tatars, E.I. Pugachev, A.I. Svechin, Kazan Admiralty, Masagut Gumerov, Kazan district, storming of Kazan, punishment for rebels, rewarding of government supporters

For citation: Faizrakhmanov I.Z. Service Tatars during the E. Pugachev uprising of 1773–1775. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.3, pp.76–85. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.76-85> (In Russian)

REFERENCES

1. Alishev S.Kh. *Tatars of the Middle Volga Region in the Pugachev rebellion*. Ed. by Z.I. Gilmanov. Kazan: Tatar book Publ., 1973. 215 p. (In Russian)
2. *Appeals and correspondence of the leaders of the Pugachev movement in the Volga and Cis-Urals regions*. Compiled and ed. by S.Kh. Alishev, R.V. Ovchinnikov, M.A. Usmanov and others. Kazan: Tatar book Publ., 1988. 463 p. (In Russian)
3. *Documents of the Headquarters of E.I. Pugachev, rebel authorities and institutions. 1773–1774*. Compiled by A.I. Aksenov, R.V. Ovchinnikov, M.V. Prokhorov. Moscow: Nauka Publ., 1975. 523 p. (In Russian)
4. *History of the Kazan Admiralty in documents and materials*. Compiled by I.Z. Faizrahmanov. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2023. 608 p. (In Russian)
5. *Lashmans in the construction of the Russian fleet: collection of documents and materials*. Compiled by I.Z. Faizrahmanov. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2018. 584 p. (In Russian)
6. Taimasov S.U. *Uprising of 1773–1774 in Bashkortostan*. Ufa: Kitap Publ., 2000. 375 p. (In Russian)
7. Faizrahmanov I.Z. *History of the Kazan Admiralty (1718–1830)*. Kazan: Marjani institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ.; YaZ Publ., 2014. 264 p. (In Russian)

About the author:

Faizrahmanov Ilshat Zavdatovich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0006-3771-5298; e-mail: istorkazan@mail.ru

Received July 16, 2024

Accepted for publication August 16, 2024

УДК 94(470.5)"179"

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-3.86-95

Тептяри в законодательстве Российской империи 1790-х гг.

Э.И. Шарафиев

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Статья посвящена изучению одного из ключевых моментов в социальной истории тептярей в XVIII–XIX вв. – процесса их перехода из крестьянского сословия в сословие военного типа. В статье на основании опубликованных законодательных актов Российской империи 1790-х гг. реконструируется процесс оформления нового социального статуса тептярей. Раскрывается специфика социально-экономической трансформации тептярей.

Ключевые слова: тептяри, военное сословие, Уфимский казачий полк, тептярские полки, граф О.А. Игельстром, Оренбургская губерния

Для цитирования: Шарафиев Э.И. Тептяри в законодательстве Российской империи 1790-х гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №3. С.86–95. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.86-95>

Тептяри – особая сословная группа, окончательно оформившаяся в XVIII в. из числа нерусских припущенников на башкирских землях [1]. В экономическом плане с момента своего возникновения тептяри (как и бобыли), являясь припущенниками, либо выплачивали башкирам за право пользования их землями оброк [11, с.46], либо несли за них какую-либо службу [10, с.20]. После 1-й ревизии (1719–1727 гг.), будучи учтенными в качестве податной группы населения, тептяри, кроме оброка башкирам, стали обязаны платить в государственную казну особый «тептярский» подворный ясак [3, с.29]. Окончательное оформление тептярей в качестве сословной группы происходит в 1730–1740-е гг. В 1736 г. тептяри были освобождены от уплаты оброка в пользу башкир, а в 1747 г. вместо ясака были обложены (равно как и бобыли) подушной податью в размере 80 копеек (8 гривен) в год [11, с.103], что было ниже, чем у государственных крестьян [3, с.29; 10, с.22]. Таким образом, в сословной структуре империи и региона тептяри заняли промежуточное положение между государственными крестьянами и башкирами [3, с.29; 10, с.22]. Новое изменение сословного статуса тептярей происходит в 1790-е гг., когда они были переведены в разряд военно-служилого населения [11, с.106].

Первым законодательным актом, определяющим новое сословное состояние тептярей, является адресованный Сенату именной указ от 18 ап-

реля 1790 г. «Об оставлении обитающих в Уфимском и Вятском наместничествах тептярей и бобылей в настоящих местах и в прежнем окладе; о бытии им под ведением их сельских старшин и сотников и о наборе из них казачьего полка» [5, с.126]. В самом начале текста указа значится, что его принятие было мотивировано прошением в адрес верховной власти от самих тептярей и бобылей, «обитающих» в Уфимском и Вятском наместничествах. Далее следуют 4 пункта указа, регулирующих повинности и обязанности тептярей и бобылей в отношении государства. Согласно этим пунктам, тептяри и бобыли, во-первых, оставались на прежних местах проживания и в прежнем подушном окладе (80 копеек) и более никакими налогами не облагались. Во-вторых, они по-прежнему находились в ведении сельских старост и сотников, завися от тех ведомств, которым по «Учреждению для управления губерний» были вверены суд, расправа и устройство поселян казенного ведомства (то есть губернских учреждений). В-третьих, учитывая такое «облегчительное» состояние, из них набирался пятисотенный казачий полк, который и в последующем должен был комплектоваться из тептярей и бобылей. Снабжение данного полка лошадьми и одеждой также налагалось на тептярское и бобыльское население, в то время как ружья и сабли получались из казны. Четвертый пункт указа гласил, что, когда полк будет выходить в поход в связи с государственной службой за пределы той губернии, где он базируется, он должен быть обеспечен провиантом, фуражом по примеру того, как это производится в отношении Донского и прочих иррегулярных (казачьих) войск [11, с.126]. Для формирования тептярского полка предписывалось послать от Войска Донского старшин и казаков, о чем был дан высочайший указ генерал-фельдмаршалу Г.А. Потемкину-Таврическому [6, с.126].

В отечественной историографии распространено мнение, что после принятия данного закона тептяри приобрели военно-служилый сословный статус. Однако с этим не соглашаются некоторые исследователи, в частности Р.И. Якупов, полагающий, что по ряду обстоятельств более уместно определить сословный статус тептярей по новому указу как «полувоенный», а не «военно-служилый» в полном смысле этого слова [11, с.106].

Следующим законом, определяющим новый социальный статус тептярей является адресованный князю Г.А. Потемкину-Таврическому именной указ «О наименовании сформированного из тептярей и бобылей казачьего полка Уфимским казачьим» от 23 июля 1791 г. Из указа следует, что: во-первых, ко времени его издания «по соизволению императорского величества» князь Г.А. Потемкин-Таврический уже сформировал из тептярей и бобылей пятисотенный казачий полк; во-вторых, полк получал новое оригинальное название – «Уфимский казачий». Помимо этого, в указе был затронут вопрос о расширении казачьего полка, состоящего из тептярей и бобылей, по поводу чего была выражена необходимость преж-

де выяснить, «из какого числа душ он составлен и до какого количества умножен может быть, без отягощения людей» [6, с.243], что подразумевало, по всей видимости, установление приемлемого соотношения численности личного состава полка и общего числа тептярского и бобыльского населения края.

Окончательное оформление в качестве полувоенного (военно-служилого) сословия, в котором тептяри с определенными изменениями существуют до 1865 г., произошло в 1798 г. В этом году был принят ряд законодательных актов Российской империи, определивших порядок несения воинской службы тептярским и бобыльским населением, структуру, организацию и особенности содержания тептярских воинских формирований, ряд других моментов. О непосредственной реализации этих актов свидетельствуют рапорты занимавшего в то время должность оренбургского военного губернатора графа (ранее – барона) О.А. Игельстрома об организации военной службы тептярей и бобылей.

Первый рапорт О.А. Игельстрома, адресованный императору, датируется 22 июня 1798 г. Данный его рапорт, так же, как и рапорт от 10 августа 1798 г., судя по всему, был посвящен вопросам формирования тептярских войсковых подразделений и организации их служебной деятельности. Оригинальный текст этих рапортов нам неизвестен, и о них можно узнать лишь из текстов официальных указов, в частности, указа «О учреждении полка из тептярей и бобылей для занятия Оренбургской границы» от 11 октября 1798 г. [8, с.409–412].

На основании имеющихся в нашем распоряжении источников можно утверждать, что в рапорте от 22 июня содержались оба предложения О.А. Игельстрома, ставшие основой, на которой строились российские законодательные акты в отношении тептярских военных формирований в 1798 г., – о передислокации Оренбургского драгунского полка и разделении Тептярского полка на два.

Вместе с этим донесением, видимо, был представлен и проект штатного расписания вновь образуемых тептярских полков. Первоначальный вариант нового штата «о числе людей» и табеля «о полагаемом им жалованье мундирным амуничным вещам» тептярского полка [8, с.409] был утвержден еще к 23 сентября 1798 г., однако возвращен О.А. Игельстрому для внесения некоторых изменений. Уже к 11 октября 1798 г., после исправления и внесения изменений, штат одного тептярского полка, к которому прилагался и табель, был подписан императором и препровожден для исполнения в Военную коллегию [8, с.410].

Вслед за рапортом от 22 июня, 12 июля 1798 г. был издан именной указ «О разделении Тептярского полка на два и о наполнении оных вновь избираемыми из того же народа людьми». Характер указа свидетельствует, что верховная власть положительно и одобрительно отнеслась к пред-

ложениям, изложенным в рапорте графа. В этом указе император информирует, что дал распоряжение шефу драгунского полка, чтобы тот, известив оренбургского военного губернатора О.А. Игельстрома, отвел полк в назначенное ему месторасположение. В то же время Тептярский полк, в свою очередь, предписывалось «разделить на два и наполнять оные уже вновь избираемым от народа людьми», а исполнение данного предписания поручалось все тому же графу О.А. Игельстрому [7, с.294–295].

11 октября того же года «из Военной коллегии, вследствие именного», был издан ранее упомянутый указ «О учреждении полка из тептярей и бобылей для занятия Оренбургской границы», который конкретизирует и дополняет положения указа от 12 июля 1798 г., а также вносит ясность, каким образом реорганизация тептярского полка связана с передислокацией Оренбургского драгунского полка. Из данного законодательного акта выясняется, что еще 22 июня того же года О.А. Игельстром обратился с представлением к императору, «чтобы для занятия Оренбургской границы вместо Оренбургского драгунского полка употребить полк тептярский 5-сотенный» [8, с.410].

Из этого же законодательного акта следует, что, согласно монаршей воле, сам Оренбургский драгунский полк, который ранее был расквартирован на Оренбургской оборонительной линии, оттуда выводился и переводился на расположение близ реки Камы – «в жилищах поселенных солдат» [8, с.410]. Между тем те места на пограничной линии, которые покидались драгунским полком, занимались тептярским 5-сотенным полком. Согласно указу, следовало сформировать и 2-й тептярский казачий полк, который должен был служить такой же цели – для «занятия по Оренбургской границе нужных мест». В свою очередь, граф О.А. Игельстром рапортовал (скорее всего, 10 августа), что приступил «к основанию ... нового из тептярей и бобылей полка» [8, с.410]. И здесь следует отметить, что данные полки, хотя и назывались тептярскими, набирались не только из собственно тептярей, но и из бобылей.

Более подробно порядок замены Оренбургского драгунского полка на оренбургской границе тептярским войсковым формированием описывается в рапорте О.А. Игельстрома от 10 августа. Отметим, что Оренбургский драгунский полк ранее нес службу в крепостях по Оренбургской линии. По приказу О.А. Игельстрома этот полк под командованием шефа, генерал-майора Воеводского, должен был выступить с места его дислокации и следовать «без промедления поэскадронно прямым и удобнейшим трактом в назначенные ему квартиры», а для занятия его поста на линии 11 августа выдвигался из Оренбурга 2-й тептярский казачий полк, составленный из половины Уфимского казачьего полка [8, с.411]. Известно, что в 1798 г. оба полка были в резерве и находились в лагере под Оренбургом, а с 1799 г. несли летнюю службу на оренбургской пограничной линии [4].

В этом же рапорте граф О.А. Игельстром, будучи оренбургским военным губернатором, сообщает, что он направил отношения оренбургскому, пермскому и вятскому гражданским губернаторам о сборе людей с тептярей и бобылей на укомплектование 1-го и 2-го тептярских казачьих полков, «назначив время к сбору тех людей 15 сентября текущего года, с тем умыслом, чтобы они могли без помех завершить полевые работы и уборку сена» [8, с.411].

Другим вопросом, раскрытым в рапорте Оренбургского военного губернатора от 22 июня и связанным, видимо, с высочайшим волеизъявлением о необходимости прежде выяснить, «из какого числа душ он (Уфимский казачий полк. – Э.Ш.) составлен и до какого количества умножен может быть, без отягощения людей» [6, с.243], является фискальная нагрузка на тептярей и бобылей. В рапорте обозначено, что тептяри и бобыли вначале состояли в «4-х рублевом окладе» и казна получала с них по 80 копеек с души, а для содержания и обеспечения провиантом, фуражом, жалованьем, амуницией, продовольствием и всем прочим составленного из них полка «в течение тех лет, как он существует, и когда во всем была великая дороговизна, самый величайший расход происходил не свыше 80 копеек с души» [8, с.410]. Также отмечалось, что самих тептярей и бобылей в настоящее время в «Оренбургской, Вятской и Пермской губерниях простирается до 52438 душ»¹. В отличие от прежнего штата тептярского полка, согласно которому на двух казаков назначалось иметь по 4 лошади, в новом штате – полагалось лишь 3, в связи с чем расход на содержание одного пятисотенного полка по новому штатному расписанию предполагался не более 66,5 коп. на душу, «а на годовое продовольствие обоих полков по 1 руб. по 99 копеек, кроме податей» [8, с.410].

Из этого следовал вывод, что новый объем податей на содержание войска, равно как и новый сбор рекрутов для пополнения вновь сформированных тептярских полков в количестве 500 человек, несмотря на то обстоятельство, что «от времени составления из тептярей и бобылей полка, прочими поселянами несколько уже отдано рекрут, в которых сии тептяри и бобыли не участвовали», «отяготить их не может, потому что причитаться будет дать им с 500 душ менее 5 человек» [8, с.410–411]. Более того, считалось, что тептяри и бобыли и в будущем останутся от такого расклада «в преимущественных выгодах», поскольку «редко потребуется в год 20 человек вместо убылых из полков людей» [8, с.411]. С учетом всех перечисляемых в документе обстоятельств заключалось, что тептяри и бобыли «означенных областей империи» могут «без отягощения» содержать на своем иждивении два пятисотенных полка [8, с.411].

¹ Вопрос о численности тептярей подробно рассмотрен Д.М. Исаковым. По его данным, тептярей было: в 1782 г. – 58 тыс., в 1795 г. – 77 тыс., 1833 г. – 153 тыс. [2, с.57].

Состав чинов тептярских полков, а также их одежда и амуниция по новому штату в целом оставался таким же, как и по-старому [8, с.411]. Однако отличие нового штатного расписания от прежнего состояло в том, что в полках создавалась должность шефа с назначением на нее кого-либо из штаб-офицеров. Эта мера полагалась необходимой по той причине, что в составе полка не было ни одного служащего, имеющего настоящий военный чин и обладающего достаточной компетенцией, необходимой для надлежащего командования войсковым подразделением. Дословно в документе это было выражено в такой формулировке: «... Тептярский полк ни одного не имея настоящего у себя чиновника, но все оные за уряд, и что если бы оказался кто из них за чем-либо неспособным к службе, обращается в первобытное состояние, при том и люди вообще все непросвещенные, не имеющие ни малого понятия о войске, не могут сами по себе не только приобретать новые познания о службе, но и заведенный порядок легко, без особенного над ними главного чиновника, потеряться может» [8, с.410–411]. Впрочем, к тому времени прежний полк уже находился под командованием определенного по указу Военной коллегии майора Оренбургской губернской роты П.Н. Пекарского. Шеф полка считался его командиром, но не составлял полковой единицы, поскольку был штабным офицером. По этой же причине в штатном расписании не прописывалось его жалованье, а лишь отмечалось, что «жалованье, денщики и рацион ему полагались по тому чину, по которому он числился в армии» [9, с.49].

Также несколько менялись названия полков. В название добавлялся номер полка по новому состоянию: соответственно, один, изначальный полк, обретал название «1-й Тептярский полк», а другой, «составленной из 2-й половины» первоначального полка, – «2-й Тептярский полк» [8, с.411].

В результате, по новому «состоянию» тептярских военных подразделений, шефом первого полка был определен майор Оренбургской губернской роты П.Н. Пекарский. Шеф второго тептярского полка должен был быть определен оренбургским военным и гражданском губернатором Н.Н. Бахметевым (назначен 30 сентября 1798 г.) из числа штаб-офицеров и представлен на утверждение императору. С 12 июля 1798 г. по 12 марта 1811 г. эту должность занимал майор (позднее – подполковник) Никифоров [4]. На всех шефов тептярских полков следовало составлять формулярные списки и доставлять их в Военную коллегию [8, с.411].

Согласно указу «О учреждении полка из тептярей и бобылей...» от 11 октября 1798 г., «всемерное попечение о скорейшем устройении тептярских полков», комплектовании их установленным по штату количеством людей и лошадей и о снабжении их «всеми мундирными и прочими по табели положенными вещами» поручалось оренбургскому военному и гражданскому губернатору Н.Н. Бахметеву [8, с.411]. В то же время не-

достающие карабины и сабли для тех полков следовало требовать у комиссариатского ведомства [8, с.411].

В свою очередь, управляющему Комиссариатским департаментом генералу от инфантерии С.К. Вязмитинову предписывалось дать «кому следует» свое предписание «о снабжении нового Тептярского полку карабинами и саблями из отборных от полков одинакового калибра» [8, с.411].

Каждая вещь и одежда, прописанные в табели, должны были иметь свой установленный срок эксплуатации, чтобы тептяри и бобыли, на которых, согласно законодательству, налагалось содержание этих полков, могли знать «когда, на что именно должно, и потому и приуготовляться станет благовременно ко всякому сбору» [8, с.411].

Указ «из Военной коллегии, вследствие именного», от 11 октября 1798 г. более подробно описывает порядок реорганизации Уфимского казачьего полка. Согласно указу, этот полк разделялся на две части, из которых образовывались два полка, каждый из которых должен был содержать «равное число старых служивых чиновников и казаков», а затем наполняться уже вновь «набираемыми от народа людьми» [8, с.411].

В связи с комплектованием штата тептярских полков, их снабжением, перемещением, возникала объективная необходимость взаимодействия властей разного рода и уровня. В этом отношении указ от 11 октября подтверждает верховенство военного губернатора в вопросах по управлению тептярскими войсковыми формированиями и уточняет, что «по связи управления и содержания тех полков между начальством воинским и гражданским, всякое сношение со стороны их должно быть с оренбургским военным губернатором» [8, с.409–412].

Теперь обратимся к вопросу об организации тептярских полков. Указом от 11 октября 1798 г. был утвержден штат и табель тептярских полков. Текст этого документа, в отличие от штата первоначального тептярского полка, присутствует в Полном собрании законов Российской империи [9, с.49–52]. Штат определял количество людей и лошадей, а табель – снабжение их всеми мундирами и прочими положенными вещами, в том числе карабинами и саблями, которыми должно было снабдить войско комиссариатское ведомство. Причем карабины и сабли должны были быть одного калибра.

Оба тептярских полка имели одинаковую организацию, поэтому в законодательстве прописывается штат только одного полка. Численность одного Тептярского казачьего полка насчитывала 500 человек – нижних чинов и казаков [9, с.49].

Таким образом, 1790-е гг. для тептярей стали знаменательным временем, когда тептярское сословие приобрело военный характер и из тептярей впервые стали формироваться специальные военные подразделения казачьего типа. В эти же годы тептярские военные формирования Россий-

ской империи претерпели существенные изменения. Их содержание в целом возлагалось на все тептярское и бобыльское население Уфимского и Вятского наместничеств, а затем – Оренбургской, Вятской и Пермской губерний.

Реорганизация Уфимского казачьего полка в 1798 г., состоявшего из тептярей и бобылей, была обусловлена насущными военными потребностями государства и стремлением правительства внести коррективы с учетом опыта его предыдущего функционирования. Изучение законодательства Российской империи показывает, что одна из ключевых ролей в реорганизации тептярских казачьих военных формирований в 1798 г. принадлежала оренбургскому военному губернатору графу О.А. Игельстрому. 1-й и 2-й Тептярские полки были образованы в связи с реорганизацией прежде существовавшего единого подразделения, укомплектованного из тептярей и бобылей.

Принятие штата «одного тептярского полка» законодательно закрепило организационное устройство тептярских казачьих полков по новому «состоянию» и завершило их структурное оформление.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдуллин Х.М.* «Татары в первой Отечественной»: тептярские казачьи полки в наполеоновских войнах. URL: <https://milliard.tatar/news/tatary-v-pervoi-otecestvennoi-teptyarskie-kazaci-polki-v-napoleonovskix-voinach-3191> (дата обращения: 15.06.2024).
2. *Исхаков Д.М.* Историческая демография татарского народа (XVIII – начало XX вв.) Казань: Печатный двор, 1993. 143 с.
3. *Исхаков Д.М.* Тептяри. Опыт статистического изучения // Советская этнография. 1979. №4. С.29–42.
4. *Калинин С.Е.* Тептярские казачьи полки в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813–1814 гг. Интернет-проект «1812 год». URL: <http://www.museum.ru/museum/1812/Army/Kalinin6/index.html> (дата обращения: 12.06.2024).
5. Полное собрание законов Российской империи. (ПСЗРИ-1). Собрание I/Т. XXIII. №16856.
6. ПСЗРИ. Т. XXIII. №16974.
7. ПСЗРИ. Т. XXV. №18580.
8. ПСЗРИ. Т. XXV. №18701.
9. ПСЗРИ. Т. XLIII. К №18701.
10. *Рахимов Р.Н.* История тептярских конных полков, 1790–1845: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. 242 с.
11. *Якупов Р.И.* Тептяри: историко-этнологические очерки. К проблеме генезиса этничности. М.: Старый сад, 2001. 270 с.

Информация об авторе:

Шарафиев Эмиль Илхамутдинович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0005-1969-8933; e-mail: magdiev.emil@gmail.com

Поступила 18.06.2024

Принята к публикации 20.08.2024

Teptyars in the legislation of the Russian Empire in the 1790s

E.I. Sharafiev

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

This article is devoted to the study of one of the key moments in the social history of the Teptyars in the 18th–19th centuries – the process of their transition from the peasant class to the military class. The article, based on published legislative acts of the Russian Empire of the 1790s, reconstructs the sequential chain of events that marked the formation of the Teptyars in a new social status. The details and features of the socio-economic nature of their class transformation are revealed.

Keywords: Teptyars, military class, Ufa Cossack regiment, Teptyar regiments, Count O.A. Igelstrom, Orenburg province

For citation: Sharafiev E.I. Teptyars in the legislation of the Russian Empire in the 1790s. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.3, pp.86–95. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.86-95> (In Russian)

REFERENCES

1. Abdullin Kh.M. “Tatars in the First Patriotic War”: Teptyar Cossack regiments in the Napoleonic wars. *Billion Tatars*. URL: <https://milliard.tatar/news/tatary-v-pervoi-otecestvennoi-teptyarskie-kazaci-polki-v-napoleonovskix-voinax-3191> (accessed: 15.06.2024). (In Russian)
2. Iskhakov D.M. *Historical demography of the Tatar people (18th – early 20th)*. Kazan: Printing House Publ, 1993. 143 p. (In Russian)
3. Iskhakov D.M. Teptyars. Experience in statistical study. *Soviet ethnography*. 1979, no.4, pp.29–42. (In Russian)
4. Kalinin S.E. Teptyar Cossack regiments in the Patriotic War of 1812 and Foreign Campaigns of 1813–1814. *Internet project “1812”*. URL: <http://www.museum.ru/museum/1812/Army/Kalinin6/index.html> (accessed: 12.06.2024). (In Russian)
5. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 1*. Vol.23, no.16856. (In Russian)
6. *PSZRI*. Vol.23, no.16974. (In Russian)

7. *PSZRI*. Vol.25, no.18580. (In Russian)

8. *PSZRI*. Vol.25, no.18701. (In Russian)

9. *PSZRI*. Vol.43, to no.18701. (In Russian)

10. Rakhimov R.N. History of the Teptyar cavalry regiments, 1790–1845: monograph. Ufa: Editorial and Publishing Center of Bashkir State University, 2008. 242 p. (In Russian)

11. Yakupov R.I. *Teptyars: historical and ethnological essays. On the problem of the genesis of ethnicity*. Moscow: Old Garden Publ., 2001. 270 p. (In Russian)

About the author:

Sharafiev Emil Ilkhamutdinovich – Cand. Sci. (history), Junior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0005-1969-8933; e-mail: magdiev.emil@gmail.com

Received June 18, 2024

Accepted for publication August 20, 2024

УДК 94(47).072.5

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-3.96-107

Татары в регулярной армии в период Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг.

Х.М. Абдуллин

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Один из актуальных вопросов исторической науки в Российской Федерации – анализ и популяризация исторических сведений об участии народов страны в военных кампаниях по защите Отечества от иностранной интервенции. Цель исследования – рассказать о службе татар, как офицеров, так и нижних чинов, в регулярной армии во время Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. Актуализация интереса к военной истории татарского народа в период Российской империи в целом, с поиском и выведением в публичное пространство имен героев и участников военных кампаний, также является одной из задач данного исследования. Ведущим методом при изучении данной проблемы стал комплексный подход, основанный на исследовании разных видов источников. Материалы изыскания: в работе задействованы специальные исторические исследования (монографии и научные статьи), опубликованные и не опубликованные исторические источники первой четверти XIX века, справочные издания. Результаты и научная новизна работы: установлены факты службы татарского народа в регулярной армии в период Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг., выявлены личности татарских офицеров, как из числа дворян, так и выслужившихся нижних чинов, а также солдат и матросов из татар, проходивших службу в регулярной армии. Приводятся биографии ветеранов Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. из татар.

Ключевые слова: Регулярная армия, Отечественная война 1812 г., Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг., татарские офицеры, татары – нижние чины

Для цитирования: Абдуллин Х.М. Татары в регулярной армии в период Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №3. С.96–107. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.96-107>

В 2024 г. исполняется 210 лет со дня взятия союзными войсками Парижа и разгрома наполеоновской армии. В этой связи вновь актуализируются вопросы по не раскрытым в научной историографии вопросам об Отечественной войне 1812 г. и Заграничным походам 1813–1814 гг. Один из них – полное освещение участия народов России в этой всеобщей войне по изгнанию французских интервентов из нашей страны.

Вплоть до образования Российской империи служилые татары, мурзы и князья привлекались на службу в качестве иррегулярных войск. При Петре I (1689–1725) происходит переход к регулярной армии, что снизило значение служилых татар в вооруженных силах России. Более того, именным указом от 19 января 1722 г. рекрутская повинность была распространена на марийцев, мордву и татар [13, т.VI, №3884]. Долгие десятилетия, вплоть до введения всеобщей воинской повинности в 1874 г., татары центральных областей и Средней Волги были единственным народом мусульманской веры, которые в качестве нижних чинов на постоянной основе рекрутировались в регулярные войска. Несмотря на то, что татары участвовали во всех военных кампаниях Российской империи, история их службы в нижних чинах регулярной армии и флота изучена недостаточно.

Большим препятствием в этом вопросе является отсутствие в отечественной историографии сведений о национальном составе офицеров и нижних чинов в регулярных частях в период Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. Была попытка лишь изучить (и в количественном отношении в том числе) национальный состав российских генералов в 1812 г. [1, с.60–71]. Однако здесь ничего не было сказано о генералах из польско-литовских татар, а крымско-татарский генерал К. Балатуков, видимо из-за традиционного для татарского дворянства двойного имени-отчества, был отнесен к православным. Проведенный к настоящему времени анализ военной карьеры офицеров того периода по регионам их происхождения не затрагивает национальный аспект [18, с.101–109].

По вопросу о национальном составе нижних чинов регулярной армии в указанный период какие бы то ни было исследования отсутствуют вовсе. Это отразилось в том, что, например, в энциклопедии «Отечественная война 1812 г.: Биографический словарь» безапелляционно заявляется: «Почти все регулярные части (за исключением уланских полков) имели одноплеменный состав, хотя среди иррегулярных войск было довольно много полков, сформированных из представителей народов, населявших Российскую империю» [10, с.7]. При этом игнорируется факт привлечения к рекрутской повинности представителей мордвы, чувашей, марийцев, удмуртов, коми и других народов европейской России, верно служивших своему Отечеству в регулярных полках.

В одном из последних фундаментальных исследований Института истории им. Ш.Марджани АН РТ в приложение вынесены «Записи из ревизских сказок Мензелинского уезда Уфимской губернии за 1816 г. об отставных солдатах-татарах – участниках Отечественной войны 1812 года» [16, с.199–204]. Данный список представляет ценность в том числе и тем, что в нем обозначены ветераны из числа татар-кряшен, которых практически невозможно идентифицировать в общих списках, поскольку они имели русские имена и фамилии.

Усилиями коллег из Чувашской Республики выявлены определенные сведения о ветеранах Отечественной войны 1812 г., в том числе и нескольких вернувшихся с войны и из походов татарах, проживавших на территории нынешних западных районов Республики Татарстан [11]. Приведем здесь сведения о некоторых из них.

Абдюшев Салемат Абдюшевич, 1775 г.р., уроженец д. Тугаево Цивильского уезда (совр. с. Тугаево Зеленодольского района РТ); в службу вступил в 1812 г.; был в походах 1813–1814 гг. во Франции; будучи болен, уволен со службы в 1818 г.¹

Бикбов Биктар Бикбович, 1773 г.р., уроженец д. Бакарчи Цивильского уезда (совр. с. Бакрче Зеленодольского района РТ); в службу вступил в 1791 г.; в составе гвардейского флотского экипажа был в походах против французов в 1812–1814 гг.; уволен со службы в 1825 г.; награжден Знаком отличия военного ордена св. Георгия, Знаком св. Анны за 20-летнюю службу и серебряной медалью в память 1812 г.²

Бикчуров Биклиет, 1791 г.р., уроженец д. Чутеево (совр. с. Чутеево Кайбицкого района РТ); в службу вступил 8 ноября 1812 г.; в 1813 г. был в походах в Саксонии и Богемии, в боях против французов ранен в левую руку; уволен со службы в 1823 г.³

Муртазин Вилит Муртазинович, 1790 г.р., уроженец д. Айдарово Цивильского уезда (совр. д. Айдарово Зеленодольского района РТ); в службу вступил 20 ноября 1806 г.; в 1812 г. в должности бомбардира сражался против французов под гг. Витебск, Смоленск, с. Бородино, с. Тарутино, г. Малоярославец, с. Красное; был в походе 1813 г. в герцогство Варшавское, Силезию, Саксонию; уволен со службы в 1823 г.; награжден Знаком отличия ордена св. Георгия и медалью в память войны 1812 г.⁴

Мустафин Христин, 1791 г.р., уроженец д. Акзегитово Цивильского уезда (совр. с. Акзигитово Зеленодольского района РТ); в службу вступил в сентябре 1812 г.; был в походе 1813 г. в Пруссии и Саксонии, сражался против французов под г. Лейпцигом, где был ранен в правую ногу.⁵

Халдиразов Калиш, 1786 г.р., уроженец д. Акзегитово Цивильского уезда (совр. с. Акзигитово Зеленодольского района РТ); в службу вступил 5 ноября 1805 г.; в составе 11-го флотского экипажа был в кампаниях против французов 1812–1813 гг., участвовал в осаде г. Данцига; уволен со службы в 1823 г.; награжден медалью в память войны 1812 г.⁶

¹ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф.4. Оп.1. Д.320. Л.9.

² ГИА ЧР. Ф.4. Оп.1. Д.435. Л.12–12 об.

³ ГИА ЧР. Ф.4. Оп.1. Д.411. Л.94–95.

⁴ Там же. Л.35–35 об.

⁵ ГИА ЧР. Ф.4. Оп.1. Д.417. Л.74–74 об.

⁶ ГИА ЧР. Ф.4. Оп.1. Д.411. Л.38–38 об.

В трудах пензенского исследователя С.В. Белоусова приведены сведения о татарах, нижних чинах и офицерах регулярных полков, – уроженцах современных Пензенской области и Республики Мордовия.

Давыдов Макей (Назей) Давыдович – из татар д. Чермишево Саранского уезда; рядовой Санкт-Петербургского гренадерского полка. В результате «полученных в сражениях ран и увечий» он оказался неспособным к несению полевой и гарнизонной службы, и в октябре 1813 г. был направлен из Гродненского военного госпиталя в Пензенскую команду неслужащих инвалидов, а вскоре переведен «на собственное пропитание» в связи с тем, что был принят на жительство родным братом в д. Чермишево; награжден Знаком отличия ордена Святой Анны [2, с.231].

Енакаев Иван Енакаевич (р. ок. 1770) – происходил из татар Инсарского уезда; вступил в военную службу рядовым 30 декабря 1788 г. в Тенгинский пехотный полк; принимал участие в русско-шведской войне 1788–1790 гг.; в 1791 г. переведен в Санкт-Петербургский гренадерский полк; участник походов в Польшу 1792–1794 гг.; в 1805 г. находился в войсках на Балтийском побережье; участник войн 1806–1807 гг. против наполеоновской Франции. Сражался при Насельске, Пултуске, Янково, Прейсиш-Эйлау, Лингенау, Гейльсберге и Фридланде; с августа 1807 г. – унтер-офицер; участник русско-шведской войны 1808–1809 гг., Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии; участвовал в боях при Витебске, Смоленске, Бородине, Малом Ярославце, Красном, Кенигсварте, Бауцене, Дрездене, Кульме и Лейпциге; награжден Знаком отличия ордена Святой Анны [2, с.236].

Канбеков Махмут – из татар д. Татарские Юнки Краснослободского уезда; рядовой 18-го егерского полка; в результате «полученных в сражениях ран и увечий» оказался неспособным к несению полевой и гарнизонной службы и в октябре 1813 г. был направлен из Гродненского военного госпиталя в Пензенскую команду неслужащих инвалидов, а вскоре переведен на собственное пропитание в связи с тем, что был принят на жительство родным братом в д. Татарские Юнки [2, с.239].

Мансырев Асман Аитович (р. ок. 1783 г.) – происходил из татар д. Татарские Юнки Краснослободского уезда; вступил в военную службу рекрутом 3 декабря 1806 г. в Ольвиопольский гусарский полк в звании рядового; участник Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. и Отечественной войны 1812 г., сражался при Борисове, Вильно и Ковно; в Заграничных походах в 1813 г. участвовал в битвах при Бауцене, Дрездене, Лейпциге и Франкфурте-на-Майне, тогда же произведен в унтер-офицеры; в 1814 г. во Франции воевал при Бриен-ле-Шато, Монмирале, Ножане, Барсюр-Об, Труа, Фер-Шампенуазе и Париже; награжден Знаком отличия военного ордена Св. Георгия; в сентябре 1814 г. произведен в вахмистры [2, с.245–246].

Рафиков Сабикамкул Рафикович (р. ок. 1768 г.) – происходил из татар д. Пензятка Саранского уезда; вступил в военную службу 16 февраля

1786 г. в Московский гренадерский полк в звании рядового; с июля 1793 г. – капрал; участник военной кампании против Польши; сражался под Вильной; в январе 1799 г. произведен в унтер-офицеры; принимал участие в Итальянском и Швейцарском походах А.В. Суворова; сражался на р. Аудо (награжден Знаком отличия ордена Святой Анны), при Требии, Тордоне, Сен-Готарде, Тейфельсбрюке, оз. Сейрут и Клариссе; участник Русско-турецкой войны 1806–1812 гг., Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов; сражался при взятии Базарджика, осаде Шумлы, при Батине, Смоленске, Бородине, Тарутине, Малом Ярославце, Люцене, Михельсдорфе, Бауцене, Донау, Теплице, Лейпциге, Бриен-ле-Шато, Арси и Париже; награжден Знаком отличия военного ордена Святого Георгия, медалями «За штурм Базарджика» и в память войны 1812 г. [2, с.254–255].

Определенную информацию о нижних чинах регулярной армии, участвовавших в войнах начала XIX в., из татар можно найти и в историях отдельных российских полков, увидевших свет в период до 1917 г.

Так, например, еще во время IV антифранцузской коалиции (1806–1807 гг.) в 1807 г. был убит на полях сражений в Восточной Пруссии рядовой 5-го егерского полка *Нахметулла Кимреев*. Этот же полк участвовал в 1812 г. в Бородинской битве, где при обороне Шевардинского редута пали смертью храбрых рядовые *Баламбай Амиров* и *Хабей-Мула Армуханов* [6, с.441, 445–446].

В гренадерском графа Аракчеева полку Знаков отличия военного ордена (Георгиевского креста) были удостоены рядовые *Абдул Галеев* – за сражение под Клястицами и Полоцком в 1812 г., и *Абзелюк Абраев* – за знаменитую Кульмскую битву в 1813 г. [12, с.90–91].

За сражение при Лейпциге (4-го, 6-го и 7-го октября) 1813 г. Знака отличия военного ордена был удостоен рядовой Рыльского пехотного полка *Ильяс Измайлов* [7, с.437].

В 1814 г. за сражения при Монмирале и Шато-Тьерри рядовой Белостокского пехотного полка *Габидул [И]шмухамед* удостоен Знака отличия военного ордена [9, с.42].

О доблести татарских воинов, начавших службу в регулярных полках и на флоте в нижних чинах, свидетельствуют и факты их выслуги в офицерские чины и дворянство. Без сомнения, эта война стала для представителей податных сословий своего рода «социальным лифтом», и это явление еще ждет своего исследователя. Приведем здесь лишь известные нам случаи.

Ермухаметов Ахтэр Мухаметович – родился в 1782 г. в крестьянской семье; в 1805 г. был взят рекрутом в матросы; в 1832 г. в чине поручика, с 1841 г. служил в Казанской арестантской роте гражданского ведомства. Род Ермухаметовых был утвержден указом Герольдии от 28 мая 1845 г. во дворянстве [4, с.212].

Алеев Манагул Алеевич – родился в 1789 г., происходил из татар Казанской губернии; в 1806 г. был взят в рекруты; в 1823 г. в чине прапор-

щика, с 1825 г. – подпоручик, в 1826 г. уволен с тем же чином, далее находился на гражданской службе. Род Алеевых был утвержден указом Герольдии от 10 августа 1845 г. во дворянстве [4, с.48].

Саинов Юзей Ахмерович – родился в 1791 г., происходил из солдатских детей; в 1812 г. вступил в службу из Казанского сиротского отделения; с 1842 г. подпоручик, вышел в отставку с чином поручика. Род Саиновых был утвержден указом Герольдии от 31 декабря 1851 г. во дворянстве [4, с.487].

Вагимов Абдулла Вагимович – родился в 1795 г., происходил из татар Уржумского уезда Вятской губернии; в 1813 г. взят в рекруты, в 1832 г. в чине прапорщика, с 1847 г. – штабс-капитан, в 1848 г. уволен с тем же чином. Род Вагимовых был утвержден указом Герольдии от 27 июля 1854 г. во дворянстве [4, с.117].

Батыршин Алюк – из татар деревни Аллагуватово Стерлитамакского уезда; в 1790 г. поступил на военную службу рядовым; в 1812 г. в чине подпоручика, в 1813 г. – поручика, в 1815 г. уволен в отставку в связи с ранением; участвовал в подавлении польского восстания 1794 г., в нескольких военных кампаниях против Франции; на гражданской службе был заседателем Стерлитамакского уездного суда; вместе с сыновьями был внесен в дворянскую родословную книгу Оренбургской губернии [8, с.189].

Темирбулатов Бик-Булат (р. ок. 1776 г.) – происходил из татар д. Шавен Саранского уезда; в военную службу вступил 13 ноября 1793 г. в Каргопольский драгунский полк в звании рядового; в 1799 г. сражался в Швейцарии при Дизогофене; в 1802 г. произведен в унтер-офицеры; в 1806 г. переведен в Финляндский драгунский полк; участник Русско-шведской войны 1808–1809 гг., Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии; находился при взятии укрепления Оборфорца и городов Ловиза, Гельсингфорса, Або, сражался под Хаюками и Кристенштадтом; в октябре 1811 г. переведен в Астраханский кирасирский полк; принимал участие в сражениях при Полоцке, Чашниках, Лукомле; в конце 1812 г. произведен в корнеты; в 1813–1814 гг. сражался под Дрезденом, Кульмом, Лейпцигом, Бриен-ле-Шато, Труа, Бар-сюр-Об, Арси, Фер-Шампенуазом и Парижем; в октябре 1814 г. произведен в поручики; 23 марта 1819 г. вышел в отставку в чине ротмистра; проживал в Саранском уезде; награжден Знаком отличия военного ордена Св. Георгия, орденом Св. Анны 3-й степени, Золотой шпагой с надписью «За храбрость», медалями «В память Отечественной войны 1812 года» и «За взятие Парижа» [2, с.263–264].

Малочисленное татарское дворянство, восстановившее свои права на основе указа от 22 февраля 1784 г. [14, т.ХХII, №15936], также приняло самое активное участие в защите Отечества в войсках ополчения, иррегулярных войсках и, конечно же, в регулярной армии. Более того, многие представители мурзинских родов именно через воинскую службу в регулярной армии видели возможность восстановления своего дворянского

достоинства. Например, рядовой привилегированного лейб-гвардии Преображенского полка Рахметулла Хантеев, добровольно поступивший в это воинское формирование в 1818 г., писал следующее: «...во время неприятельского нашествия при требовании от каждого россиянина добровольного для армии пособия, я не нашел чем лучше в тот 1812-й год пожертвовать, как употребить себя по ревностному желанию в воинскую службу и поступил Лейб-гвардии в Преображенский полк, потому более, что зная род происхождения моего из дворян от мурзы Альмяши Кильмяева, подпавшего по 2-й ревизии в крестьянское сословие: дабы таковым предприятием сделать полезным не только Отечеству, но и возобновить путь к доказательству имеющимися документами дворянского достоинства»⁷.

Князь **Сеит-Баттал Муртазаевич (Савелий Мартынович) Девлеткильдеев** начал службу юнкером в лейб-гвардии Казанском полку 16 июня 1803 г.; в 1806 г. в чине корнета переведен в Гродненский Гусарский полк; поручик (с 1808 г.), штаб-ротмистр (с 1812 г.), ротмистр (с 1813 г.); вышел в отставку 6 марта 1815 г., позже служил городничим в г. Сингилей Симбирской губернии; в 1805 г. участвовал в войне с Францией; в 1807 г. участвовал в боях при Гуттштадте, Гейльсберге, Фридланде; с 1808 г. в Финляндии; 18–20 июля 1812 г. участвовал в сражении под Якубовом, за отличие в котором пожалован в чин штаб-ротмистра; 26–27 июля – под Волянцами, 5–6 августа – при Полоцке; 6–8 октября при штурме Полоцка был ранен пулей в правую ногу, за что получил орден Св. Анны 3-го класса; за отличие в сражении под Чашниками 17–19 октября пожалован в чин ротмистра; 26 октября 1812 г. находился в сражении под Лукомлем, 2 ноября – при Смоленах, 10 ноября – при Черске, 15 ноября – под Борисовом, 30 ноября – при занятии Вильны; вышел в отставку в чине майора; был женат на Мариам Мухамет-Гиреевне [15, с.25].

Назовем известных нам в настоящее время дворян татарского происхождения, воевавших в регулярной армии в офицерских чинах.

Мамлеев 5-й Хамбек Надоршин (р. ок. 1781 г.) – происходил из доказавших свое дворянское происхождение татарских мурз Краснослободского уезда; в военной службе с 11 июля 1803 г. в Шлиссельбургском мушкетерском полку в чине подпрапорщика; в 1806 г. перешел прапорщиком в 25-й егерский полк; участвовал в военных кампаниях 1806–1807 гг. против наполеоновской Франции в битвах: под Мурунгеном, Вольфсдорфом, Прейсиш-Эйлау, Альткирхеном, Гуттштадтом и Гейльсбергом; в декабре 1807 г. произведен в чин подпоручика, позже – поручика; участвовал в Русско-шведской войне 1808–1809 гг.; сражался на р. Кумме; в апреле 1808 г. на Аландских островах был ранен в левую ногу, получил удар ружейным прикладом в грудь и попал в плен; после возвращения из плена

⁷ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.168. Оп.1. Д.434. Л.4.

переведен в 18-й егерский полк; в 1811 г. произведен в штабс-капитаны; участник Отечественной войны 1812 г.; в битве при Смоленске тяжело ранен в ногу и выведен в отставку [2, с.245].

Муратов Измаил Аблязович (р. ок. 1786 г.) – происходил из татарских мурз Краснослободского уезда; в военную службу вступил 19 мая 1803 г. в Павловский гренадерский полк в чине подпрапорщика; участвовал в военной кампании 1806–1807 гг.; сражался при Чарнове и Пултуске; в мае 1807 г. переведен в чине прапорщика в Елецкий пехотный полк, с которым участвовал в боях при Гейльсберге и Фридланде; в 1809 г. произведен в подпоручики, в 1812 – в поручики; участник Заграничных походов русской армии; сражался при Нейкирхене и Пуцкау; за отличие в битве при Лейпциге произведен в штабс-капитаны; воевал при блокаде крепости Майнца; в 1814 г. во Франции сражался при Реймсе и Париже; получил высочайшее благоволение; награжден орденами Св. Анны 3-й степени и Св. Владимира 4-й степени с бантом; в 1816 г. вышел в отставку в чине капитана [2, с.248].

Муратов 1-й Усман Абдулович (р. ок. 1788 г.) – происходил из татарских мурз д. Айкеево Краснослободского уезда; в 1807–1810 гг. обучался во 2-м кадетском корпусе; в военную службу вступил в Кронштадтский гарнизонный полк в чине прапорщика; в 1811 г. переведен в 47-й егерский полк уже подпоручиком; в феврале 1812 г. произведен в поручики; участвовал в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах русской армии; в сражении при Дален-Кирке был контужен; за отличие получил высочайшее благоволение; сражался при захвате Митавы; в 1813 г. принимал участие в осаде Данцига; 10 ноября 1816 г. произведен в штабс-капитаны; в 1818 г. вышел в отставку в чине капитана [2, с.248].

В информации об убитых и раненых в период Отечественной войны 1812 г. удалось найти сведения еще о двух татарских офицерах.

Кутломаметьев (Кутломоментьев) Анселям Кутломаметьевич – в начале 1811 г. подпрапорщик Углицкого пехотного полка; 28 мая 1811 г. произведен на вакансию в прапорщики в 35-й егерский полк; в 1812 г. поручик 49-го егерского полка; 24–26 августа 1812 г. в Бородинском сражении; ранен [3, с.216].

Сейфуллин Мухамет Рахим – в 1812 г. юнкер 26-го Егерского полка. 17 сентября 1812 г. произведен в прапорщики; убит 6 октября 1812 г. во Втором сражении под Полоцком [5, с.340].

Еще три татарских офицера вышли в отставку в период после войны.

Алчегитов Алтыбай, Нижнеломовский уезд, прапорщик, в отставке с 1828 г.;

Маленинский (Малевинский) Зелип Усманович, Краснослободский уезд, поручик Охотского пехотного полка, в отставке с 1818 г.;

Мамлеев 2-й Аблязь Хансиярович, Краснослободский уезд, прапорщик Мингрельского пехотного полка, в отставке с 1816 г. [17].

Таким образом, татарские солдаты и офицеры в составе регулярных войск приняли самое деятельное участие в защите Родины в период Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Безотосный В.М.* Национальный состав российского генералитета 1812 года // Вопросы истории. 1999. №7. С.60–71.
2. *Белусов С.В.* Пензенская губерния в «Эпоху Отечественной войны 1812 года». Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2016. 309 с.
3. *Вершинин А.А.* Углицкий полк. 1708–1918. Ярославль: Издатель Александр Рутман, 2008. 280 с.
4. Казанское дворянство 1785–1917 гг. Генеалогический словарь / сост. Г.А. Двоеносова. Казань: «Гасыр», 2001. 639 с.
5. Книга памяти офицеров Российской армии, убитых и раненых в Отечественной войне 1812 года / сост. С.В. Львов. М.: Кучково поле, 2012. 448 с.
6. *Крючков В.* 95-й Пехотный Красноярский полк: История полка 1797–1897 гг. С.-Петербург: Паровая скоропечатня Я. И. Либермана, 1897. 478 с.
7. *Мокринский Г.А.* История 113-го пехотного Старорусского полка (1796–1896 гг.). СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1900. 453 с.
8. *Мухамедов М.Р.* Карьерный путь мусульманского чиновника Оренбургской губернии в конце XVIII – первой трети XIX в. // Мусульманин на службе Российской империи (к 200-летию Мирсалиха Бекчурина): сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Уфа, 28 мая 2020 года. Уфа: Казенное предприятие Республики Башкортостан Издательство «Мир печати», 2020. С.183–190.
9. *Николаев Е.П.* История 50-го пехотного Белостокского Его Высочества Герцога Саксен-Альтенбургского полка 1807–1907 гг. СПб.: Т-во Р. Голике и А.Вильборг, 1907. 426 с.
10. Отечественная война 1812 года: биографический словарь. М.: Росвоенцентр; Кучково поле; Росспэн, 2011. 356 с.
11. Отечественная война 1812 г.: документы и материалы из фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики / сост.: Ю.В. Гусаров, А.А. Чибис. Чебоксары: Новое время, 2012. 390 с.
12. *Попов Н.Н.* История 2-го Гренадерского Ростовского полка. М.: Тип. Общества распростран. полезн. книг, 1889. 103 с.
13. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание I. Т.VI. №3884. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.
14. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание I. Т.XXII. №15936. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.
15. *Рындин И.Ж.* Кн. Сеит-Баттал Муртазаевич (Савелий Мартынович) [Девлеткильдеев] // Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии: т.10, вып. 3: Давыдовские – Исленьевы. Рязань: Изд-во Рязанского обл. ин-та развития образования, 2008. 409 с.

16. Татары Западного Приуралья в материалах государственных переписей населения 1795–1859 гг. Т.1. Мензелинский уезд. Справочное издание / отв. ред. Р.Р. Исаков. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2022. 260 с.

17. *Тюстин А.В.* Список пензенских дворян, состоявших в других губернских ополчениях и прочих воинских формированиях и оставивших военную службу после 1812 г. URL: <http://www.penzahroniki.ru/index.php/publikatsii/108-tyustin-a-v/757-spisok-penzenskikh-dvoryan-sostoyavshikh-v-drugikh-gubernskikh-opolcheniya-1812-g-i-prochikh-voinskikh-formirovaniyakh?ysclid=ln0sbjvn6d589922488> (дата обращения: 05.06.2024)

18. *Целорунго Д.М.* Военная карьера офицеров русской армии 1812 года – выходцев из различных регионов России и стран зарубежья // 185 лет Отечественной войне 1812 года. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1997. С.101–109.

Информация об авторе:

Абдуллин Халим Миннуллович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0212-6953; ResearcherID: F-6652-2018; Scopus AuthorID: 56707127600; e-mail: Xalimabd@mail.ru

Поступила 27.05.2024

Принята к публикации 19.07.2024

Tatars in the regular army during the Patriotic War of 1812 and the foreign campaigns of 1813–1814

Kh.M. Abdullin

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

One of the topical issues of historical science in the Russian Federation is the analysis and popularization of historical information about the participation of the peoples of the country in military campaigns to protect the Fatherland from foreign intervention. The purpose of the study is to tell about the service of Tatars, both officers and lower ranks, in the regular army during the Patriotic War of 1812 and the foreign campaigns of 1813–1814. Actualization of interest to the military history of the Tatar people during the period of the Russian Empire as a whole, with the search and bringing into the public space the names of heroes and participants of military campaigns, is also one of the tasks of this study. The leading method in studying this problem was an integrated approach based on the study of different types of sources. Research materials: the work involves special historical research (monographs and scientific articles), published and unpublished historical sources of the first quarter of the 19th century, reference publications. Results and scientific novelty of the work: the facts of the service of the Tatar people in the regular army during the Patriotic War of 1812 and the foreign campaigns of 1813–1814 have been established, the personalities of Tatar officers, both from among the nobility and from the lower ranks, as well as soldiers and sailors from the Tatars who served in the regular army have been identified. Biographies of veterans

of the Patriotic War of 1812 and the foreign campaigns of 1813–1814 from the Tatars are given.

Keywords: regular army, Patriotic War of 1812, foreign campaigns of the Russian army of 1813–1814, Tatar officers, lower ranks of Tatars

For citation: Abdullin Kh.M. Tatars in the regular army during the Patriotic War of 1812 and the foreign campaigns of 1813–1814. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.3, pp.96–107. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.96-107>

REFERENCES

1. Bezotosny V.M. National composition of the Russian generals in 1812. *Questions of history*. 1999, no.7, pp.60–71. (In Russian)
2. Belousov S.V. *Penza province in the “Era of the Patriotic War of 1812”*. Saransk: Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia Publ., 2016. 309 p. (In Russian)
3. Vershinin A.A. *Uglich regiment. 1708–1918*. Yaroslavl: Alexander Rutman Publ., 2008. 280 p. (In Russian)
4. *Kazan nobility of 1785–1917. Genealogical dictionary*. Compiled by G.A. Dvornosov. Kazan: Gasyr Publ., 2001. 639 p. (In Russian)
5. *Book of memory of the officers of the Russian Army killed and wounded in the Patriotic War of 1812*. Compiled by S.V. Lvov. Moscow: Kuchkovo Pole Publ., 2012. 448 p. (In Russian)
6. Kryuchkov V. *95th Krasnoyarsk infantry regiment: history of the regiment of 1797–1897*. St. Petersburg: Ya.I. Liberman Publ., 1897. 478 p. (In Russian)
7. Mokrinsky G.A. *History of the 113th Staraya Russa Infantry regiment (1796–1896)*. St. Petersburg: Isidor Goldberg Publ., 1900. 453 p. (In Russian)
8. Mukhamedov M.R. Career path of a Muslim official of the Orenburg province in the late 18th – first third of the 19th century. *A Muslim in the service of the Russian Empire (to the 200th anniversary of Mirsalikh Bekchurin): collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference, Ufa, May 28, 2020*. Ufa: Mir Pechati Publ., 2020. Pp.183–190. (In Russian)
9. Nikolaev E.P. *History of the 50th Bialystok infantry of His Highness the Duke of Saxe-Altenburg regiment of 1807–1907*. St. Petersburg: R. Golike and A. Vilborg Publ., 1907. 426 p. (In Russian)
10. *The Patriotic War of 1812: a biographical dictionary*. Moscow: Rosvoen-center; Kuchkovo Pole; Rosspen Publ., 2011. 356 p. (In Russian)
11. *The Patriotic War of 1812: documents and materials from the funds of the State Historical Archive of the Chuvash Republic*. Compiled by Yu.V. Gusarov, A.A. Chibis. Cheboksary: Novoye vremya Publ., 2012. 390 p. (In Russian)
12. Popov N.N. *History of the 2nd Rostov grenadier regiment*. Moscow: Society for the distribution of useful books Publ., 1889. 103 p. (In Russian)
13. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 1*. Vol.6, no.3884. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty’s Own Chancery Publ., 1830. (In Russian)
14. *PSZRI*. Vol.22, no.15936. (In Russian)

15. Ryndin I.Zh. Book of Seit-Battal Murtazaevich (Savely Martynovich) [Devletkildeev]. *Materials on the history and genealogy of noble families of the Ryazan province*. Vol.10, no.3. Davydovskys – Islenyevs. Ryazan: Ryazan region Institute of Education Development Publ., 2008. 409 p. (In Russian)

16. *Tatars of the Western Urals in the materials of the state population censuses of 1795–1859*. Vol.1. Menzelinsk district. Reference edition. Ed. by R.R. Iskhakov. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2022. 260 p. (In Russian)

17. Tyustin A.V. *List of Penza nobles who were in other provincial militias and other military formations and left military service after 1812*. URL: <http://www.penzahroniki.ru/index.php/publikatsii/108-tyustin-a-v/757-spisok-penzens-kikh-dvoryan-sostoyavshikh-v-drugikh-gubernskikh-opolcheniya-1812-g-i-prochikh-vo-inskikh-formirovaniyakh?ysclid=ln0sbjvn6d589922488> (accessed 05.06.2024). (In Russian)

18. Tselorungo D.M. Military career of officers of the Russian army in 1812 – immigrants from various regions of Russia and foreign countries. *185 years of the Patriotic War of 1812*. Samara: Samara State Pedagogical University Publ., 1997. Pp.101–109. (In Russian)

About the author:

Abdullin Khalim Minnullovich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0212-6953; ResearcherID: F-6652-2018; Scopus AuthorID: 56707127600; e-mail: Xalimabd@mail.ru

Received May 27, 2024

Accepted for publication July 19, 2024

УДК 930.85+281

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-3.108-117

Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР как источник по татарской суфийской культуре XVI–XIX вв.

Л.З. Бородовская

Казанский государственный институт культуры

Казань, Российская Федерация

В статье представлен анализ тринадцати томов «Собрания восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР» на предмет наличия рукописей, связанных с деятельностью шейхов – основателей тарикатов йасавийа и накшбандийа, их учеников и последователей, а также трактатов ал-Газали и ал-Араби, как особо почитаемых среди татар мыслителей средних веков. Актуальность поиска суфийских источников периода XVI–XIX вв. обусловлена необходимостью углубить познания о татарской суфийской культуре данного периода истории. Описание рукописей в «Собраниях» проведено по датам переписки трактатов, что является косвенным фактом интереса к ним в описываемый период.

Ключевые слова: суфизм, йасавийа, накшбандийа, эзотеризм ислама

Для цитирования: Бородовская Л.З. Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР как источник по татарской суфийской культуре XVI–XIX вв. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №3. С. 108–117. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.108-117>

Введение

Исследование татарской суфийской культуры XVI–XIX вв. непосредственно связано с деятельностью последователей суфийских тарикатов йасавийа и накшбандийа, многие из которых получили обучение в Бухаре и Самарканде. Проблематика научных поисков углубляется в сферу анализа ритуальной практики отправления зикра, обряда слушания сама', цепи духовной преемственности, обучения «тайным наукам» (исламский эзотеризм). В настоящее время развитие научных изысканий по суфизму во многих странах направлено на работу с рукописными архивами. В связи с этим необходимо отметить активную деятельность коллег из Турции, Азербайджана, Казахстана и Узбекистана, – их ежегодные конференции вносят серьезный вклад в источниковедение истории суфийской культуры тюркских народов.

Суфийские тарикаты продолжали деятельность во все годы после падения Казанского ханства. Имена многих представителей знаменитой династии «Арских князей», берущей начало в Казанском ханстве, в XVI в. связаны с суфийскими титулами и званиями, например: Ших-Мансур, Ху-

зясеит (1588 г.), Альсуфый бек [4, с.35, 44]. *Есть множество исторических фактов обучения в медресе Средней Азии и Дагестана мюридов из Казанского края, которые, вернувшись на родину, активно проповедовали исламские ценности и вели просветительскую деятельность.* Суфизм был естественной частью культуры на территориях бывших постзолотоордынских ханств, не просто узкими организациями суфиев, но охватывал широкие слои населения [6], сохранив привычный для татар (до середины XVI в.) исламский стиль жизни государства и общества [1, с.243]. Именно поэтому татарские шакирды в XVI–XIX вв. стремились любым способом поехать в медресе Бухары, Кабула, Самарканда и получить там классическое исламско-суфийское образование.

Знаменитый суфийский поэт Мавля Кулый (XVII в.) был учеником «пирра», дед которого – среднеазиатский шейх Махдуми А‘зам/ «Величайший господин» (настоящее имя – Ахмад б. Маулана Дажалал ад-дин Хваджаги-йи Касани, умер между 1542 и 1549 гг.), основатель группы накшбандийа-дахбидийа. По упоминаниям Мавля Кулая, у его учителя было много мюридов из Булгар и Казани, и количество желающих обучаться в «священной Бухаре» постоянно увеличивалось [3, с.290]. Этому способствовало и усиление торговых контактов между городами Поволжья и Средней Азии. Примечательный факт: царский указ от 26 августа 1739 г. запрещает выезд казанских татар в Бухару [5, с.89]! Именно в этом городе многие татарские суфийские шейхи получили образование, вступив в тарикат Накшбандийа. Царское правительство осознавало, что сохранение и развитие исламской культуры во многом зависело тогда от обучения татар в Бухаре и других городах Средней Азии. Ш.Марджани отправился для продолжения образования в Бухару в 1838 г., а затем переехал в Самарканд. Габденнасыр Курсави (1770–1812 гг.) также учился в Бухаре. Список можно продолжить согласно татарским историческим источникам [3].

Цель данной работы – выявить возможный круг рукописных источников, связанных с тарикатами йасавийа и накшбандийа, трактаты теоретиков суфизма, особо почитаемых среди татарских богословов XI–XIII вв., – ал-Газали и ал-Араби.

Материалы и методы

Рукописный фонд Института востоковедения им. Абу Райхана Бируни Академии наук Республики Узбекистан содержит более 26000 томов. В Институте хранятся рукописи, которые охватывают тысячелетний период, начиная с X в. Основная их часть относится к Бухарскому, Хивинскому и Кокандскому ханствам [2]. На данный момент издано 14 томов «Собрания восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР» (далее – «Собрание»). Нами был проведен анализ разделов «Суфийских произведений» в первых тринадцати томах (четырнадцатый том посвящен медицине).

Ахмад ал-Газали

Несколько малоизвестных сочинений. «Трактат без названия», работа брата знаменитого суфийского мыслителя Абу Хамида ал-Газали (1058–1111) – Ахмада ал-Газали (ум. 1123 или 1126). Содержит разъяснения по разным вопросам суфийской теории с цитатами из Корана и религиозных преданий [9, с.162]. Список 1583 г.

Последний суфийский труд знаменитого мыслителя Абу Хамида ал-Газали – «Путь поклоняющихся» – переписан гусиным пером «курсивным татарским насталиком» [12, с.484–485] специально для Дамуллы Хибаталлаха б.Хамид примерно в начале XIX в.

Мистическое сочинение Абу Хамида ал-Газали «Высочайшая радость по поводу комментария Джалджалутти» является суфийско-магической интерпретацией «величайшего имени Аллаха», список датируется примерно второй половиной XIX в. [12, с.485].

Ахмад ал-Йасави

Источники по жизни и деятельности суфийского шейха Ахмада ал-Йасави¹ (1103–1166) неоднократно изучались исследователями из Турции, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Татарстана и др. Собрания рукописей, хранимых в Республике Узбекистан, нуждаются в изучении, переводе на современные тюркские языки, а также на русский язык как общий для большого количества ученых разных стран на постсоветском пространстве.

Первый том «Собрания восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР» дает устаревший вариант написания имени Ахмада ал-Йасави – Ахмед Есеви/Ясеви (в XIX–XX вв. такая транскрипция встречается достаточно часто). В «Собраниях восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР» (Тома №№1–11) имеются несколько трактатов, которые будут полезны при изучении силсилы последователей А. ал-Йасави, тариката его имени, отношения к зикру, труды учеников этого шейха.

В томах №1 (список XVIII в.) [7, с.127] и №3 (список конца XVIII – начала XIX в.) [9, с.290] приводится трактат известного тюркского суфийского поэта Алишера Навои (1441–1501) «Зефиры любви (доносящиеся) от ароматов благородства», который является узбекской версией жизнеописаний суфиев персидского суфийского поэта Абдуррахмана Джами (1414–1492). Трактат А.Навои – это не простой перевод сочинения А.Джами, текст сокращен и дополнен, включены биографии некоторых индийских суфиев и среднеазиатских шейхов от ходжи А. ал-Йасави до самого Джами. Так А.Навои отдает дань уважения не только тарикату накшбандийа, но и родственному по силсиле тарикату йасавийа. Также в томе №1 есть

¹ Здесь и далее написание исламских терминов и имен будет производиться согласно академическому изданию «Ислам. Энциклопедический словарь» (Ислам: Энциклопедический словарь / ответственный секретарь редколлегии С.М. Прозоров. М.: Наука, 1991. 315 с.).

«Эпизоды из биографии известного Ходжи Ахмеда Есеви» анонимного автора, рукопись датируется примерно 1661 г. [7, с.131].

Хикметы А. Йасави встречаются во многих сборниках стихов XIX в., что говорит о длительном периоде его почитания среди тюрков-мусульман. Идеи Йасави заложили основу духовной культуры мусульман Средней Азии и Поволжья, в них много основных понятий, символов, терминов шариата и суфизма. В томе №2 встречается датированный началом XIX в. пример такого рукописного собрания стихов на узбекском языке, выполненный Абдулгафуром б.Дамулла Абдуссаттар ал-Булгари. В Бухару и Самарканд сотни лет приезжала обучаться татарская молодежь, что и зафиксировано в имени переписчика ал-Булгари. В медресе читали трактаты многих суфийских мыслителей средних веков по разным отраслям наук, переписывали (даты списков указаны в «Собраниях»), заучивали.

Во втором томе «Собрания» помещены 11 списков XVIII–XIX вв. «Дивана Ходжи Ахмеда Ясеви», что свидетельствует о популярности автора. Редактор тома, известный востоковед А.А. Семенов, пишет: «Его мистические стихотворения в свое время пользовались у тюркоязычного населения Средней Азии и Поволжья популярностью и распевались на зикрах дервишей ордена ходжагон. Настоящий диван существенно отличается от того, что был издан в Казани (в 1887 г.), в Константинополе (в 1900–1901 гг.), в Ташкенте (наиболее полный в 1911 г.) и в Бухаре (без даты)» [8, с.41–42]. Список закончен 8 мая 1718 г.

Один из наиболее знаменитых учеников А.Йасави – Сулейман Бакыргани (1091–1186) (Кул Сулейман, Хаким ата), сочинения которого также переписывались очень часто и использовались для обучения тюрков-мусульман. Во втором томе «Собрания» поэтическое творчество С.Бакыргани представлено среди суфийских стихов разных поэтов в сборнике «Избранные газели» [8, с.389]. В томе №7 внимание историков может привлечь «Книга о мученической кончине» Хусайна, сына ‘Али, убитого в 680 году при Кербеле. Автором произведения назван Кул Сулайман Хаким ата [13, с.331], список датирован XIX в.

В томе №11 представлено описание рукописи «Книги бедствий», написанной потомком А.Йасави, жившим в XVIII в., Хайдаром Мухаммадом б. Йадгар-шайх Гариби. Автор описания рукописи Г. А. Волошина пишет, что «сочинение мистического содержания, составлено в 1721–1722 г., в некоторых списках указываются 1712, 1727–1728 г.» [17, с.347]. «Книга бедствий», по-видимому, пользовалась популярностью, так как в «Описании» названы еще 15 списков данной книги. Сочинение состоит из 22 глав, в которых даны нравоучительные рассказы, призывающие к праведному образу жизни, часто включены стихи, а вторая и третья главы целиком написаны стихами.

В томе №3 есть описание трактата «Зарницы дуновений святости», написанного Мухаммедом Алимом ас-Сиддики ал-Алави (ум. 1682 г.).

Этот труд будет полезен родословной шейхов тариката султанья / джахрийа – йасавийа, которые вели свою деятельность в г.Туркестан. Копия рукописи датирована 1828 г. [9, с.354].

В томе №11 приводится описание трактата одного из потомков Ахмада Йасави – Низама Хаджи Гариба ал-Йамани (XIV–XV вв.) «Ашрафовы тонкие мысли в разъяснении суфийских разрядов», список 1593–1594 гг. Ал-Йамани являлся мюридом крупного индийского шейха Мир Саййида Ашрафа Джахангира ас-Симнани (ум. 12 ноября 1395 г. в возрасте 120 лет), жизнеописание которого и представлено в трактате «Ашрафовы тонкие мысли...» [17, с.331].

Ибн ал-Араби

Трактат «Изображение кругов и таблиц» Ибн ал-Араби (1165–1240), полное имя которого – Мухйиддин Абу Али Мухаммед б. Абдулла б. Мухаммед б. Ал-Араби ал-Хатими ат-Та'и ал-Андалуси. В сочинении содержатся основные идеи автора по вопросам метафизики – сущность Аллаха и его атрибутов, положение человека как части божественной Вселенной и др. Содержит много диаграмм в виде кругов и таблиц. Переписано и тщательно проверено в 1510 г. автором известного трактата «Рашахат» – Фахруддином Али б. Хусейн ал-Ва'из ал-Кашифи, ас-Сафи (ум. 1532) [9, с.57].

Сочинения Ибн ал-Араби были в поле зрения накшбандийского поэта Нураддина Абдаррахмана Джамии (ум. 1492), который в 1458 г. составил комментарий «Наличие ясных указаний относительно комментирования изображений на драгоценных камнях» на сочинение Ибн ал-Араби «Изображение на драгоценных камнях» (сокращенная версия знаменитого трактата «Драгоценные камни мудрости»/Фусус ал-хикам) [12, с.490].

«Трактат о мистическом полюсе» Ибн ал-Араби на арабском языке составлен в виде обращений бога к шейху Мухйиаддину 'Абдалкадиру ал-Джилани (ум. 1166 г.) и вопросов последнего к богу. Список содержит перевод на узбекский язык с комментариями. Дата списка – 1824–1825 гг. [13, с.383].

«Ответ Ибн ал-Араби на вопрос Исмаила б. Судагина» относится к суфийской философии и содержит мысли автора о степени познаваемости сущности Аллаха. Дата списка – 1592–1593 г. [17, с.330].

Б. Накшбанд

В томе №1 дано описание рукописи произведения «Цель стремлений, ищущих истину», автор которого, Мухаммед Талиб б. Ходжа Таджуддин Хасан ал-Хусейни ас-Сиддики, составил этот компилятивный труд в 1074/1663 г. на основании более чем двадцати источников. Содержит немаловажные сведения по истории ордена накшбандийа. Дата списка – 1681 г. [7, с.132].

В томе №11 представлены «Письма» знаменитого суфийского поэта Нуруддина Абдуррахмана Джами (1414–1492) [17, с.151–152] – это переписка с современниками, среди которых известный шейх самаркандских накшбандиев Ходжа Ахрар (большая часть писем). Дата списка – 1724 г.

Седьмой том «Собрания рукописей...» содержит описание жизни суфийского шейха Амира Кулала Сухари (ум. 1370–1371) на узбекском языке – «Степени духовного совершенствования Сайида Амира Кулала». Учеником этого шейха был Б.Накшбанд, о его деятельности в данном сочинении также есть информация. Дата списка примерная – вторая половина XIX в. Предположительно автор труда – правнук Амира Кулала – Шихабиддин [13, с.386].

Уникальный список описания жизни и мистических подвигов Мухаммада б. Мухаммад ал-Бухари (1318–1389) (полное имя Б. Накшбанда) – «Друг ищущих истину и припас шествующих путем праведным», написанный Салихом б. Мубарак ал-Бухари (XIV в.) [14, с.390]. Особый интерес представляет дата написания – 1383 г., то есть в период жизни самого Хваджи Баха ад-дина Накшбанда, в эти годы автор книги был учеником главного мюрида Накшбанда – Шайха Хваджи 'Ала ад-дин 'Аттара (ум. 1400). Рукописи этого труда, хранящиеся в библиотеках Ленинградского отделения Института народов Азии и в Лондоне, носят вышеприведенное название. В собрании института Беруни эта рукопись имеет иное название: «Степени духовного совершенствования досточтимого Хваджа Накшбанда...».

«Макаматы Хазрат Хваджа Бузург» написал Абу-л-Мухсин Мухаммад Бакир б. Мухаммад Али, и они посвящены описанию жития Б.Накшбанда. Особую ценность представляет сила этого шейха за 500-летний период: Б.Накшбанд – Кулал – Симаси – Рамитани – Анджир – Фагнави – Ривгари – Гидждувани – Йусуф Хамадани – Фармади – Гургани – Харакани – Бистами (ум. 878 г.). Дата списка, выполненного в Бухаре, – 1851 г. [14, с.409–410].

«Трактат святости накшбандиевой» написан известным теоретиком суфизма Хваджой Мухаммадом Парса (ум. 1420). В труде представлены изречения учителя и наставника Парсы – Накшбанда. Дата списка – 1737 г. [14, с.411].

«Райский сад идущих (по пути познания истины)» – сочинение Али б. Махмуд ал-Абиварди ал-Курани (XV–XVI вв.). Оно содержит биографии суфийских шейхов ордена накшбандийа: Мухаммада б. Мухаммад б. Мумин ал-Абризи ал-Кухистани (1416–1487); А. Гидждувани (ум. 1180); Мухаммад Баба-йи Самаси; Амуре Кулале (ум. 1370); Б. Накшбанде (ум. 1389); А. 'Аттаре (ум. 1400); Мухаммаде Парса (ум. 1420); Низамадине Хамуше; 'Абдаллахе Имами Исфакхани; Са'даддине Кашгари (ум. 1456); Ходже 'Убайдаллахе (ум. 1490). Прозаический текст сочинения

изобилует стихами Джалаладдина Руми, 'Абдаррахмана Джамии и др. Год списка – 1530 [17, с.337].

«Краткое изложение знаний и тайны мусульманских догм» написал в 1627–1628 гг. Адам б. Саййид Исма'ил б. Бахва б. Хаджи Йусуф б. Йа'куб б. Хусайн б. Даулат б. Акбил б. Са'ди б. Каландар б. Саййид Мухаммад ал-'Алави (XVII в.) [17, с.338]. Сочинение является собранием источников по истории суфизма, приводится путь духовного совершенствования суфиев тариката накшбандийа, представлена версия его силсилы. Традиционно в тексте множество поэтических цитат в виде рубаи, месневи, касыд суфийского содержания. Даты завершения списков рукописи – 1687, 1688, 1736 гг. [17, с.339].

«Трактат о слове таухид» написал Низамаддин Ахмад ал-Бадахши по прозвищу Гази-хан (жил до первой половины XVII в.). Сочинение о значении важнейшего термина «таухид» (единобожие) по версии последователей суфизма (илм-и батин): Джалаладдина Руми (ум. 1273), Ходжи Ахрара (ум. 1489–1490), Махдум-и А'зама. Дата списка – 1645 г. [17, с.341].

«Послания Мухаммада Мурада Кашмири». Автор – Мухаммад Мурад Кашмири, преемник Шайха 'Абдалахада ал-Ханафи ан-Накшбанди. В сочинении изложены постулаты суфизма, основы ритуальной практики и сведения по истории возникновения тариката накшбандийа, суть взаимоотношений между мюридом и муршидом. Также автор дает толкование «скрытого» смысла отдельных глав Корана и изречений пророка. Рукопись конца XVIII – начала XIX в. [17, с.357–358].

«Послание о Баха' ад-дине» написал Абул Касим б. Мухаммад б. Мас'уд ал-Бухари (XV в.). Житие, суфийская цепочка преемственности и высказывания Б. Накшбанди и некоторых его сподвижников (Мухаммада б. Мухаммад ал-Бухари ал-Хафизии Хваджа Парса). Списки выполнены примерно в XVI в., копии 1624 г. [16, с.221].

Заключение

Первичный анализ рукописей, хранящихся в фондах Института востоковедения имени Абу Райхана Бируни Академии наук Республики Узбекистан и описанных в «Собраниях», показывает, что они содержат богатый материал по деятельности тарикатов йасавийа и накшбандийа, их ритуальной практике (зикр и сама') [15], по силсилам тарикатов, сочинения по «скрытым наукам» исламского эзотеризма [11; 18], суфийские стихи, мунаджаты [10; 11], сочинения о дозволенности музыки в исламе и в суфийских обрядах, о «прекрасных именах Аллаха» [10, с.420], описания песен во время зикра, сведения о Казани и Булгаре [19]. Перспективным является более тщательное изучение указанных тематических направлений татарской суфийской культуры во взаимосвязи с творчеством татарских поэтов и богословов, обучавшихся в медресе Бухары и Самарканда.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ди Уис Д.* Маша'их-и турк и Хваджаган: переосмысление связей между суфийскими традициями Иасавийа и Накшбандийа // Суфизм в Центральной Азии (зарубежные исследования): Сб. ст. памяти Фритца Майера (1912–1998) / сост. и отв. редактор А.А. Хисматулин. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. С.221–243.
2. Институт востоковедения имени Абу Райхана Беруни. URL: <https://beruni.uz/ru/glavnaya/istoriya-instituta.html> (дата обращения: 20.05.2024).
3. История татар с древнейших времен: в семи томах. Т.V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.). Казань: Институт истории АН РТ, 2014. 1032 с.
4. *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам Нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с.
5. *Ногманов А.И.* Самодержавие и татары: очерки истории законодательной политики второй половины XVI–XVIII вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 213 с.
6. *Резван М. Е.* Коран в системе мусульманских магических практик. СПб.: Наука, 2011. 220 с.
7. Собрание восточных рукописей академии наук Узбекской ССР / под ред. проф. А.А. Семенова. Т.1. Ташкент, 1952. 428 с.
8. Собрание восточных рукописей академии наук Узбекской ССР / под ред. проф. А.А. Семенова. Т.2. Ташкент, 1954. 586 с.
9. Собрание восточных рукописей академии наук Узбекской ССР / под ред. проф. А.А. Семенова. Т.3. Ташкент, 1955. 554 с.
10. Собрание восточных рукописей академии наук Узбекской ССР / под ред. проф. А.А. Семенова. Т.4. Ташкент, 1957. 554 с.
11. Собрание восточных рукописей академии наук Узбекской ССР / под ред. проф. А.А. Семенова. Т.5. Ташкент, 1960. 543 с.
12. Собрание восточных рукописей академии наук Узбекской ССР / под ред. проф. А.А. Семенова, Д.Г. Вороновского. Т.6. Ташкент, 1960. 735 с.
13. Собрание восточных рукописей академии наук Узбекской ССР / под ред. А.Урунбаева, Л.М.Епифановой. Т.7. Ташкент, 1964. 553 с.
14. Собрание восточных рукописей академии наук Узбекской ССР / под ред. проф. А.А. Семенова и Д.Г. Вороновского. Т.8. Ташкент, 1960. 797 с.
15. Собрание восточных рукописей академии наук Узбекской ССР / под ред. А.Урунбаева, Л.М. Епифановой. Т.9. Ташкент, 1971. 599 с.
16. Собрание восточных рукописей академии наук Узбекской ССР / под ред. проф. А.А. Семенова. Т.10. Ташкент, 1955. 554 с.
17. Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Т.XI. Ташкент, 1987. 445 с.
18. Собрание восточных рукописей академии наук Узбекской ССР / сост. А.Б. Вильданова. Т.12. Ташкент, 1998. 248 с.
19. Собрание восточных рукописей академии наук Узбекской ССР / сост.: Д.Ю. Юсупова, Р.П. Джалилова. Т.13. Ташкент, 1998. 536 с.

Информация об авторе:

Бородовская Лилия Зелимхановна – кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры этнохудожественного творчества и музыкального образования ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры» (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-5680-1187; Scopus AuthorID: 57577590100, ResearcherID: AFA-8129-2022; e-mail: lilianotka@yandex.ru

Поступила 27.05.2024

Принята к публикации 24.06.2024

Collection of oriental manuscripts of Uzbek SSR Academy of Sciences
as a source on Tatar Sufi culture of the 16th – 19th centuries

L.Z. Borodovskaya

*Kazan State Institute of Culture
Kazan, Russian Federation*

The article presents an analysis of thirteen volumes of the “Collection of Oriental Manuscripts of Uzbek SSR Academy of Sciences” for the presence of manuscripts related to the activities of the sheikhs – the founders of the Yasawiya and Naqshbandiya tariqats, their students and followers, as well as the treatises of al-Ghazali and al-Arabi, as especially revered among the Tatar scientists of the Middle Ages. The relevance of the search for Sufi sources of the period of the 16th – 19th centuries is due to the need to deepen knowledge about the Tatar Sufi culture of this period of history. The description of the manuscripts in the “Collections” is carried out according to the dates of the copying of the treatises, which is an indirect fact of interest in them in the described period.

Keywords: Sufism, Yasaviya, Naqshbandiya, Islamic esotericism

For citation: Borodovskaya L.Z. Collection of oriental manuscripts of Uzbek SSR Academy of Sciences as a source on Tatar Sufi culture of the 16th – 19th centuries. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.3, pp.108–117. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.108-117> (In Russian)

REFERENCES

1. Di Wis D. Masha'ikh-i Turk i Khwajagan: rethinking the relationships between the Yasaviya and Naqshbandiya Sufi traditions. *Sufism in Central Asia (foreign studies): collection of articles in memory of Fritz Mayer (1912–1998)*. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University Publ., 2001. Pp.221–243. (In Russian)
2. *Abu Rayhan Beruni Institute of Oriental Studies*. URL: <https://beruni.uz/ru/glavnaya/istoriya-instituta.html> (accessed: 20.05.2024). (In Russian)
3. *History of the Tatars from ancient times in seven volumes*. Vol. V. The Tatar people as part of the Russian state (the second half of the 16th – 18th centuries.). Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2014. 1032 p. (In Russian)

4. Iskhakov D.M. *From medieval Tatars to the Tatars of the New Time (ethnological view of the history of the Volga-Ural Tatars of the 19th–17th centuries)*. Kazan: Master Line Publ., 1998. 276 p. (In Russian)

5. Nogmanov A.I. *Autocracy and the Tatars: essays on the history of legislative policy of the second half of the 16th – 18th centuries*. Kazan: Tatar book Publ., 2005. 213 p. (In Russian)

6. Rezvan M.E. *The Qur'an in the system of Muslim magical practices*. St. Petersburg: Nauka Publ., 2011. 220 p. (In Russian)

7. *Collection of oriental manuscripts of Uzbek SSR Academy of Sciences*. Vol.1. Ed. by A.A. Semenov. Tashkent, 1952. 428 p. (In Russian)

8. *Collection of oriental manuscripts of Uzbek SSR Academy of Sciences*. Vol.2. Ed. by A.A. Semenov. Tashkent, 1954. 586 p. (In Russian)

9. *Collection of oriental manuscripts of Uzbek SSR Academy of Sciences*. Vol.3. Ed. by A.A. Semenov. Tashkent, 1955. 554 p. (In Russian)

10. *Collection of oriental manuscripts of Uzbek SSR Academy of Sciences*. Vol.4. Ed. by A.A. Semenov. Tashkent, 1957. 554 p. (In Russian)

11. *Collection of oriental manuscripts of Uzbek SSR Academy of Sciences*. Vol.5. Ed. by A.A. Semenov. Tashkent, 1960. 543 p. (In Russian)

12. *Collection of oriental manuscripts of Uzbek SSR Academy of Sciences*. Vol.6. Ed. by A.A. Semenov, D.G. Voronovsky. Tashkent, 1960. 735 p. (In Russian)

13. *Collection of oriental manuscripts of Uzbek SSR Academy of Sciences*. Vol.7. Ed. by A.Urunbaeva, L.M. Epifanova. Tashkent, 1964. 553 p. (In Russian)

14. *Collection of oriental manuscripts of Uzbek SSR Academy of Sciences*. Vol.8. Ed. by A.A. Semenov, D.G. Voronovsky. Tashkent, 1960. 797 p. (In Russian)

15. *Collection of oriental manuscripts of Uzbek SSR Academy of Sciences*. Vol.9. Ed. by A.Urunbaeva, L.M. Epifanova. Tashkent, 1971. 599 p. (In Russian)

16. *Collection of oriental manuscripts of Uzbek SSR Academy of Sciences*. Vol.10. Ed. by A.A. Semenov. Tashkent, 1955. 554 p. (In Russian)

17. *Collection of oriental manuscripts of Uzbek SSR Academy of Sciences*. Vol.11. Tashkent, 1987. 445 p. (In Russian)

18. *Collection of oriental manuscripts of Uzbek SSR Academy of Sciences*. Vol.12. Compiled by A.B. Vildanova. Tashkent, 1998. 248 p. (In Russian)

19. *Collection of oriental manuscripts of Uzbek SSR Academy of Sciences*. Vol.13. Compiled by D.Yu. Yusupova, R.P. Jalilova. Tashkent, 1998. 536 p. (In Russian)

About the author:

Borodovskaya Liliya Zelimkhanovna – Cand. Sci. (art history), Associate Professor, Professor of the Department of Ethno-Artistic Creativity and Music Education, Kazan State Institute of Culture (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-5680-1187; Scopus AuthorID: 57577590100, ResearcherID: AFA-8129-2022; e-mail: lilianotka@yandex.ru

Received May 27, 2024

Accepted for publication June 24, 2024

УДК 94(470.41)"1802/1859"

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-3.118-136

Помещичье хозяйство в Казанской губернии в первой половине XIX века

Е.В. Миронова

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Статья посвящена экономическому развитию помещичьих хозяйств Казанской губернии в эпоху существования крепостного права. Источниковую базу исследования составили опубликованные воспоминания представителей дворянского сословия, статистические издания, дореволюционные исследования состояния сельского хозяйства в частных экономиках, а также архивный материал, представляющий собой хозяйственные описания 12 уездов губернии, составленные местными предводителями дворянства и отдельными помещиками по вопросам анкеты Вольного экономического общества в 1802 г. Автором проанализированы природные и географические факторы, оказывавшие влияние на хозяйственную жизнь в имениях; охарактеризован рабочий инвентарь и показаны попытки его модернизации; изучена специализация поместий и определены хозяйствообразующие отрасли; рассмотрены особенности барщинной и оброчной системы эксплуатации крестьян. Кроме того, в статье показаны примеры организации сельскохозяйственного производства, ориентированного на рынок. Сделан вывод о натуральном характере помещичьего хозяйства в Казанской губернии в дореформенный период, при котором продажа излишков не означала товарного характера производства. Наличие бесплатной рабочей силы лишало стимула заниматься внедрением усовершенствованных методов земледелия – использовать современный инвентарь, улучшенные сорта сельскохозяйственных культур, а также развивать такие отрасли, как животноводство и растениеводство.

Ключевые слова: Казанская губерния, сельское хозяйство, поместье, крепостные крестьяне, специализация, земледелие, аграрное предпринимательство, барщина, оброк

Для цитирования: Миронова Е.В. Помещичье хозяйство в Казанской губернии в первой половине XIX века // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №3. С.118–136. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.118-136>

Организация хозяйственной жизни в поместьях, на наш взгляд, служит индикатором ориентированности дворян в региональной экономической ситуации и в целом по стране, их понимания принципов производственного процесса, владения агрономическими знаниями и практическими приемами.

Изучение социально-экономического развития поместий Российской империи в первой половине XIX в. было начато дореволюционными исследователями, рассмотревшими проблемы повышения эффективности хозяйственной деятельности землевладельцев в условиях господства крепостного права. Так, экономист П.И. Лященко утверждал, что экономические и природные условия в стране препятствовали нововведениям и помещики после безуспешных опытов интенсификации хозяйства вновь вернулись к простому расширению запашки [10, с.177]. В качестве доказательства он приводит статистические данные за 1818 и 1851 г., иллюстрирующие увеличение пашни в Казанской и других губерниях за счет сокращения луговой земли, что означало победу зернового хозяйства в ущерб другим отраслям [10, с.178].

В советской исторической науке помещичье хозяйство Казанской губернии дореформенного периода получило освещение по следующим направлениям: доля дворянского землевладения в общей площади земли по губернии, зерновое производство и размер излишков хлеба в усадьбах казанских помещиков [8, с.387–388; 12, с.134–135].

Большой вклад в разработку темы состояния помещичьего хозяйства Казанской губернии в крепостническую эпоху внес Е.И. Чернышев, в диссертации которого показаны примеры модернизации в 1840-х гг., втягивание частных экономий в рыночные отношения [16].

В современной региональной историографии экономика имений Казанской губернии в первой половине XIX в. рассматривалась в контексте аграрного развития Среднего Поволжья [1; 13], а также в специальных исследованиях, подготовленных местными историками. Так, С.А. Фролова охарактеризовала помещичий комплекс, принадлежавший семье дворян Молоствовых [14]. Н.А. Кореевой на основе материалов «Земледельческой газеты» проанализированы примеры интеграции поместий в рынок и различные пути модернизации хозяйства помещиков [9].

Природно-климатические и географические факторы функционирования поместья диктовали цикл полевых работ, определяли набор посевных культур и влияли на выбор сельскохозяйственных орудий. От почвенных характеристик, погодных условий, наличия тех или иных угодий в структуре помещичьих владений и расположения имения относительно крупных населенных пунктов, рек и пристаней зависело развитие различных отраслей сельского хозяйства.

В почвенном отношении территория Казанской губернии не была однородной. В Лаишевском уезде, согласно сельскохозяйственному описанию, подготовленному местным предводителем дворянства П.А. Манасиным в 1802 г., грунт был разнообразный, а покрытую глиной землю приходилось рыть самой крепкой железной лопатой или заступом. Сеяли рожь, пшеницу, горох, гречу, овес, полбу, ячмень, просо, коноплю, лен.

Для посева таких культур, как просо, ячмень, пшеница, конопля, лен, землю хорошо удобряли, но, в целом, урожай оставался посредственным. Сроки посева зависели от погодных условий, но, как правило, начинали 18 апреля. Сеяли сначала горох, потом овес, пшеницу, а после – гречу и коноплю. На левом берегу Камы грунт был черноземный, практически не требовал удобрения. Пашня и сев начинались на несколько дней раньше, нежели на правом берегу Камы, так как левобережье находилось выше горизонта и от ветра было закрыто горами и лесом, а тучный чернозем был «горячее»¹.

Однако даже плодородные земли со временем требовали удобрения и более тщательной обработки пашни. Проблема повышения урожайности стояла в имениях Чистопольского уезда, в котором всегда преобладала плодородная земля, но «многие поля от давнего времени довольно выпалились»², и их стоило удобрять двойной распашкой.

Вопросами улучшения качества почвы занимались помещики Свяжского и Тетюшского уездов. Здесь грунт был неоднородный: по нагорным местам при реках Волге и Свяге – белый, серый, красноватый, глинистый, каменистый, а на малопригористых долинистых и на низких ровных местах – черный мягкий, с глиной иловатый, а частью и песчаный. Сеяли на любой земле, независимо от грунта, рожь, пшеницу, ячмень, полбу, овес, просо, гречу, горох, мак, а редкие земледельцы – коноплю и лен. Но даже в урожайные годы на первом сорте грунта земля была не так плодородна, в связи с чем применялись удобрения – использовали навоз. В апреле распахивали под яровой хлеб обыкновенными крестьянскими сохами и боронили железными или деревянными боронами. Сев начинался с 20 апреля³.

По свидетельству владельца с. Никольское Спасского уезда Х.Л. Молодцова, хорошо унавоженные земли в его имении не нуждались в удобрении еще лет 8–10⁴. Князь Н.Я. Болховский отмечал, что в его вотчине в с. Гусиха Спасского уезда земля черная⁵. Но за давним распахиванием земли, которая обрабатывается около ста лет, непременно нужна была лучшая обработка. Некоторые помещики объясняли невозможность унавоживания земли из-за чересполосности участков. Такая проблема встречалась во владениях спасского уездного предводителя дворянства титулярного советника Ф.З. Иглина, спасского помещика поручика С.А. Языкова и др.

¹ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.1. Оп.1. Д.302. Л.34.

² ГА РТ. Ф.1. Оп.1. Д.302. Л.38.

³ Там же. Л.29.

⁴ Там же. Л.43 об.

⁵ Там же. Л.68 об.

Благоприятные условия для земледелия существовали в Цивильском и Ядринском уездах. Здесь преобладала черная земля, а отчасти глинистая и песчаная, первая была удобна для посева ржи, овса, полбы, ячменя, конопли, глинистая – для гороха и гречи, песчаная, удобренная навозом, – для пшеницы, а вновь поднятая черная земля – для посева льняного семени, проса. В помещичьих хозяйствах обмолот зерна производили на крытом току, в крестьянских – на открытом. В целом, земледелие, ввиду незначительности помещичьих владений, носило натуральный характер, и только излишки соломы шли на продажу.

В Мамадышском уезде преобладал грунт красноватый и перемешанный с землей, были участки с мелким камнем и песком, называемым супесь. На неудобренной земле сеяли гречу. Под яровые культуры земля унавоживалась ежегодно. Также под посев ржи, пшеницы, проса, ячменя, овса, полбы, чечевицы, семян конопляных и мака шла расчищенная из-под леса земля, но в первый год здесь сеяли репные семена⁶.

Основу экономики поместий в Козьмодемьянском и Чебоксарском уездах также составляло хлебопашество. Местный грунт был представлен 3 видами – красным, глинистым и иловатым серым. Для земледелия был предпочтительнее первый, дававший хороший урожай даже при незначительном удобрении. В основном сеяли рожь, для нее подходил красный и глинистый грунт, на глинистом также росла пшеница, под горох, овес, ячмень и лен отводился иловатый грунт. Кроме зерновых культур, в поместьях встречались насаждения картофеля, но только в огородах, и хмеля, хороший урожай которого снимали с удобренной земли. Но земледелие в этой местности носило преимущественно экстенсивный характер, – как отмечалось в сельскохозяйственном обзоре, составленном в 1802 г. чебоксарским и козьмодемьянским уездным предводителем дворянства С.Г. Григоровичем, для посева использовалась «новораспаханная земля»⁷. А значит, необходимости в большом количестве удобрений не существовало, и скот держали только для домашних нужд. Но так было не во всех хозяйствах уезда. Например, земли чебоксарского помещика А.И. Апехтина удобрялись ежегодно, так как грунт был серый, с суглинком, – навоз вывозили на поля после посева ярового хлеба спустя две недели подесятинно.

На примере владений казанского губернского предводителя дворянства В.И. Чемесова можно увидеть, как функционировало помещичье хозяйство, базировавшееся на хлебопашестве. Василию Ивановичу Чемесову принадлежали сц. Введенское и сц. Мурзиха Казанского уезда. В первом населенном пункте грунт был серым с небольшим содержанием песка – хлебороднейший, пригодный для таких культур, как рожь, пшеница, яч-

⁶ ГА РТ. Ф.1. Оп.1. Д.302. Л.35 об.

⁷ Там же. Л.24.

мень, полба, овес, конопля, мак, просо, лен, горох, а в Мурзихе – с известковым камнем, – хлеб родился, но не в изобилии⁸.

Для удобрения употреблялся конский навоз, коровий, а также овечий, использовавшийся «по горячности» в минимальном количестве, а конский и коровий – по 600 полных возов на 1,5 дес.⁹ Унавоживание проводилось дважды в год – в первых числах июня и после уборки с полей хлеба в октябре¹⁰. Вывозили навоз в поле и сразу запахивали, а осенью – и через несколько дней, так как он не успевал высохнуть под осенними солнечными лучами. При отсутствии навоза прибегали к другому способу удобрения: в конце июня засеивали яровой пшеницей или другим яровым хлебом (кроме гречи), но не в изобилии. Для посева ржи землю запахивали – первый раз до середины июня, затем, подняв сохой, оставляли немного сухой, чтобы после боронования корень в земле не потерял свои соки¹¹.

Лучшим временем для засева ржи считался период с 27 июля до 15 августа. В деревнях Чемесова сев яровых начинался сразу после схода снега, и уже 15 апреля пахали сохой¹². Существовал трехпольный севооборот: земли, определенные под хлебопашество, были разделены на три поля – паровое, которое готовилось под посев ржи, ржаное, на котором посеяна рожь, и яровое, которое засеивалось разным яровым хлебом до пашни.

Учитывая местоположение своих деревень, Чемесов выбрал хлебопашество в качестве главной отрасли своего хозяйства, но, поскольку грунт требовал удобрения, купил в Самаре 20 калмыцких коров и 2 быка стоимостью 506 руб.¹³ Молодых бычков, за недостаточностью пастбищ, отправляли на мясо. А из коровьего молока выходило по 1200–1400 фунтов топленого масла. Быков продавали за 20–25 руб. Всего Чемесов содержал 60 заводских коров, 4 заводских быков, 2 быков для крестьянских коров и 10 заводских кобыл, а также 40 лошадей, чтобы крестьян не обременять подводами и не отвлекать от полевых работ. Учитывая размер запашки, этого поголовья, по заключению помещика, было достаточно для удобрения полей навозом.

При деревне Чемесова функционировала мельница на 3 постава и мольные камни, которые перемалывали помещичий и крестьянский хлеб, а во время страды – хлеб «вольноприезжающих». За помол последние платили по 25 коп. с четверти. За исправность мельницы отвечал смотритель, ценовальник следил за сбором и работниками, 1 человек безотлучно дежурил в

⁸ ГА РТ. Ф.1. Оп.1. Д.302. Л.16.

⁹ Там же. Л.16 об.

¹⁰ Там же. Л.17.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л.17 об.

¹³ Там же. Л.19 об.

моловом амбаре. Для этих целей нанимали здоровых людей с выдачей каждому шубы, кафтана, продовольствия. Помимо этого, мельнику и смотрителю выдавалось по 30 руб. в год, работникам – по 10. Если же приглашали вольнонаемных, то на три молотовых камня стоило заплатить мельнику – 100 руб., ценовальнику – 60, работникам – по 30 и порцию муки¹⁴.

Чемесов оценивал доход от хлебопашества как высокий, а при недостатке лесов полагал лишним организовывать заводы и фабрики. К тому же он считал обременительным отвлекать крестьян от обработки земли в отведенные три дня барщины, поскольку следствием могло стать «дурное хозяйство, или убавка запашки»¹⁵.

Обработка земли, принадлежавшей Чемесову, осуществлялась силами крепостных. По подсчетам помещика, 40 крепостных, работая на барской запашке 3 дня в неделю и обрабатывая по 1,5 указные десятины, или 3600 кв. саж, при хорошем урожае приносят доход 1968 руб.¹⁶ Но, отдавая предпочтение барщине, Чемесов все же признавал невозможность освоения других отраслей сельского хозяйства при существовавшей форме эксплуатации крепостных.

Хозяйственный опыт Чемесова иллюстрирует широкие возможности земледельческого хозяйства, при котором другие отрасли – животноводство, растениеводство – носили только подсобный характер, а мельницы преимущественно использовались для обмолота своего зерна.

Благодаря богатому чернозему во владениях при с. Рождественское Спасского уезда ограничил значение своего имения земледелием и секунд-майор П.Л. Молоствов. Плодородие почв позволяло и более младшим поколениям Молостровых, уже в 1840-х гг., не развивать хозяйство при с. Три Озера. Их крестьяне состояли на трехдневной барщине, но работали исключительно на пашне, что было результатом «непомерного плодородия почвы и легкого сбыта земледельческих продуктов, вследствие близости Волги» [5, с.344]. При высоких ценах сбор хлеба с 1 дес. составлял от 150 до 250 руб. Молостровы считали, что если перевести на деньги все то, что они предоставляли своим мужикам (скот, лес, посевные семена и т.д.), то каждый трудовой день обходился помещику в 4 руб. Особые отделения для рабочих располагались в деревне. Господские поля – это более чем 3 тыс. дес. плодородной земли. Полеводство было простое, трехпольное [5, с.344].

Большое значение для земледельческого хозяйства имело мукомольное производство. Обслуживание мельниц в зависимости от характера выполняемых работ требовало разного количества людей. Так, при наводнениях – от 10–20 человек, а для ускорения ликвидации последствий сти-

¹⁴ ГА РТ. Ф.1. Оп.1. Д.302. Л.20–20 об.

¹⁵ Там же. Л.21 об.

¹⁶ Там же. Л.21.

хийных бедствий привлекали еще больше людей. Для повседневного управления мельницей достаточно было мельника и засыпки. Например, в поместье Апехтина при д. Русское Исенево Чебоксарского уезда мельница была устроена на р. Анише, и при ней находился 1 мельник, а также работник, который занимался засыпкой. Но весной для починки плотины и прочих работ привлекали еще не менее 20 человек. Хотя мельница и была на 2 постава, но по причине малой воды, а особенно зимой, молола только на 1 постав. Доход от мельницы доходил до 300 руб. в год.

В Цивильском и Ядринском уездах для переработки зерна в муку в поместьях были сооружены мельницы на 4, 3, 2 и 1 постав. Расходы на сооружение мельницы зависели от количества поставов. Мельница на 4 постава обходилась в 1 тыс. руб., остальные – дешевле. Каждый постав за вычетом всех расходов приносил владельцу ежегодно по 100 руб. и более. В основном, трудились крепостные, но иногда приглашали наемных работников с зарплатой по 30 коп. (иногда по 25 коп.) в день на человека.

Если же в продажу поступало зерно, а не мука, то, по подсчетам цивильского и ядринского уездного предводителя дворянства Н.Е. Рылеева, в среднем владелец 100 тягол, засевая 100 дес. ржаным и 100 – яровым хлебом, после вычета всех расходов мог получить 1–2 тыс. руб. В поместье Х.Л. Молоствова при с. Никольское Спасского уезда действовали 3 мукомольные мельницы, каждая о трех поставвах. Хлеб обмалывался для дома и крестьян. Доход составлял 2–2,5 тыс. руб.¹⁷

В условиях приоритетного развития хлебопашества в крестьянских и помещичьих хозяйствах огородничество и садоводство имело подсобное значение – овощи шли на собственное потребление, а в продажу поступали только излишки. Ассортимент огородных культур был незначительным и состоял из таких овощей, как капуста, свекла, морковь, лук и редька, для выращивания которых не требовалось много земли, а достаточно было маленького приусадебного участка. У некоторых крестьян Лаишевского уезда в огородах рос хмель, но его урожай не был изобильным и выращивался только для собственных нужд. У помещиков также росли «разные коренья и травы для стола»¹⁸. Владелица с. Карнаухова Мария Мертваго писала в мемуарах, как приучала крестьян заводить огороды, требуя с каждого двора десятков огурцов. В Чистопольском, Свяжском и Тетюшском уездах некоторые сажали на огородах картофель.

В Цивильском и Ядринском уездах огородные культуры хранили в теплых погребах, что сохраняло их от морозов. В Лаишевском уезде капусту и свеклу свозили в кадках в погреба, другие овощи хранили прямо на полу и зарывали в песок.

¹⁷ ГА РТ. Ф.1. Оп.1. Д.302. Л.45 об.

¹⁸ Там же. Л.33.

Отсталой системе земледелия соответствовали архаичные орудия труда. Крестьянский инвентарь состоял из обычной сохи с двух железных сошниками с одной лошадей, у помещиков применялись железные бороны с 16 зубцами с 1 лошадей¹⁹. Но этих инструментов было недостаточно для качественной обработки полей, и в некоторых поместьях предпринимались попытки их усовершенствования. Так, крепостные крестьяне поручика Перцова в с. Кошкар Мамадышского уезда изготовили одноконную косулю, и в 1837 г. помещик экспонировал ее на первой мануфактурной выставке в Казани. В Царевококшайском уезде стали внедрять кучники, плуги, катки, дробники. В поместье поручика Эленда использовался «скоропашник», у князя А.С. Хованского 2 молотилки – изобретение крестьян Вороновых [16, с.367]. А помещик Я.И. Дорогов изобрел малую молотильную машину, но, кроме нее, использовал также в своем имении современную агротехнику заводского производства [9, с.367]. В 40-х гг. XIX в. в поместье при с. Моркваша Свияжского уезда майорша А.И. Геркен завела целый машинный парк. А дворянин Н.С. Кукуранов ссылался на отсутствие капитала для внедрения технических новшеств [16, с.154].

С целью повышения урожайности некоторые помещики со временем стали внедрять некие нововведения. В 30-х гг. XIX в. дворянин Депрейс в с. Каравасово Спасского уезда завел травосеяние, работу плугами, обрывал поля канавами, – все это с помощью управляющего-англичанина Тикстона. Но это имение помещик продал, использовав его лишь как капитал для расширения владений в Лаишевском уезде [3, с.419]. Во второй четверти XIX в. сортовые семена полевых культур использовали дворяне А.Е. Спичарная, С.И. Ремезов, А.И. Геркен и др. [16, с.145, 155]. В Царевококшайском уезде к середине 1840-х гг. стали проводиться опыты разведения «иностранных пород овса, ячменя, пшеницы, масляных растений, различного картофеля» [11, с.30]. Доходное производство картофеля наладили в своем имении в соседней Вятской губернии дворяне Дебособр – они ежегодно засеивали этой культурой до 50 дес. земли, и весь урожай с выгодой переделывали в патоку. В Казанской губернии к середине XIX в. большие площади посаженного картофеля можно было встретить только в имении помещика В.Н. Тиле в д. Моркваша Свияжского уезда, – здесь этой культурой засеивали до 25 дес. и использовали для нужд винокурения и частично для получения крахмала. Причем дворянин заставлял заниматься разведением картофеля и своих крестьян, поощряя бесплатной выдачей клубней для посева и выкупом урожая по выгодной цене осенью. Урожай картофеля в данной местности был всегда хорошим, особенно при благоприятных погодных условиях [15, с.31].

По свидетельству управляющего Казанской учебной образцовой фермой Ф.И. Целлинского, посетившего владения генерала Булыгина в 1852 г.,

¹⁹ ГА РТ. Ф.1. Оп.1. Д.302. Л.32 об.

пахотные земли были хорошо обработаны: «...Не видно было почти ни одной сорной травинки, и хлеба на них стояли, как говорится, стена стеной» [15, с.28]. И вообще, из сообщения агронома следует, что в имении было «много интересного и поучительного» [15, с.28], как, впрочем, и по всему Спасскому уезду, где помещики активно применяли прибалтийский опыт. Так, в некоторых хозяйствах существовал особенный способ обработки овсяного поля: «...Весной на вспаханной с осени земле овес сеется под борону, и снова перепахивается, коль скоро покажутся первые ростки, – все поле снова перепахивается и заборанивается» [15, с.28]. В то же время этот метод, по мнению Целлинского, не совсем был пригоден для средней полосы, так как климат здесь более сухой, нежели в Лифляндской губернии, где при помощи такой операции подсушивали почву [15, с.28].

Еще одной особенностью обработки земель в Спасском уезде в середине XIX в., которую отмечал Целлинский, было то, что многие хозяева сеяли на черноземной почве озимую рожь под соху и потом не заборанивали, так как их опыт показывал, что именно на незабороненной пашне рожь родилась выше и колос бывал выше.

А вот травосеяние в поместьях Спасского уезда так и не получило развития, поскольку «опыты помещиков в южных уездах на этом поприще не увенчались успехом» [15, с.34].

Тем не менее у помещиков было желание учиться и практиковаться. К тому же существовала возможность сотрудничать с губернскими агрономическими службами. Так, для улучшения летнего корма для скота некоторые землевладельцы в 1852 г. получили в Казанской учебной образцовой ферме семена торицы [15, с.35].

Среди отраслей сельского хозяйства, которые в первой половине XIX в. были в новинку для основной части землевладельцев, стало выращивание экзотических фруктов, и их можно было встретить только в имениях крупных помещиков. По воспоминаниям Марии Ватаци (ур. Мертваго), при жизни ее деда Н.И. Депрейса, жившего в с. Шапши, «особой роскошью в имении отличались сады с многочисленными оранжереями – персиковыми, абрикосовыми, сливовыми, лимонными, померанцовыми и виноградными. А приглашенные садовники-специалисты культивировали ананасы» [3, с.419].

Товарный характер имело садоводство в помещичьем комплексе князя С.С. Гагарина, включавшем в себя сразу несколько имений Свяжского уезда. В одном только с. Теньки насчитывалось 408 фруктовых садов. У крестьян были плодовые питомники, приносявшие 100–300 руб. дохода. В 1840 г. крестьяне д. Лобышки продали яблок на 16227 руб., а жители д. Буртасы – на 21631 руб. [16, с.157].

Земледельческое хозяйство не могло развиваться без животноводства, обеспечивавшего поместье рабочим скотом и навозом для удобрения паш-

ни. Но в качестве самостоятельной отрасли в начале XIX в. оно не было развито. Причиной этого являлось то, что в структуре помещичьих сельскохозяйственных угодий лугов было мало. Так, в Лаишевском уезде сенокосы располагались только «на низменных и при речных или ручейных полянах и берегах»²⁰. Это обусловило дефицит сена, поэтому на корм скоту шли вся солома ярового хлеба и мякина. Помещики Цивильского и Ядринского уездов ссылались на отсутствие конских, коровьих или овечьих заводов по причине малоземелья. По замечанию свияжского и тетюшского предводителя дворянства К.И. Далакина, скотоводство в его уездах «примечательного внимания не заслуживает»²¹.

Натуральный характер с рыночными элементами носило животноводческое хозяйство спасского помещика Х.Л. Молостова в с. Никольское. Действовавший в имении конский завод насчитывал 24 матки. Несколько лошадей с завода держали для своих нужд, лишние продавали, что составляло 4–6% от всего дохода экономии. Завод рогатого скота за счет продажи чухонского масла с каждой дойной коровы и сбыта животных приносил 20% прибыли²².

В 1830-х гг. прогрессивное скотоводческое хозяйство сложилось в Свияжском уезде в д. Моркваша – коров, овец, свиней и лошадей откармливали в большом количестве для продажи. В результате владелец завода, статский советник Тиле, получал не только доход с продажи скота, но и навоз для удобрения почвы в купленном им имении, где земли были истощены еще при предыдущем владельце.

На пути широкого развития этой отрасли стояли препятствия. Бичом скотоводства была чума, так, она истребила в 1850 г. почти все поголовье в имении генерала В.П. Молостова, поскольку именно животные иностранной породы были неакклиматизированы и больше подвержены различным болезням. Поэтому основная часть помещиков не решалась рисковать потерей значительных капиталов и содержала лишь по несколько голов рогатого скота, несмотря на дефицит навоза для удобрения полей.

В окрестностях Казани заводские животные были «с явными признаками облагораживания посредством лучших пород, как например, тирольской» [15, с.36]. Но чем дальше от Казани находилось частное хозяйство, тем хуже становилось качество скота, и только в нескольких поместьях содержался скот кровной породы, например, у генерала А.Л. Корсакова в с. Арышхазда Казанского уезда [15, с.36]. Лаишевский помещик П.А. Чертов завел в своих владениях 2 конных завода (на 86 голов), молочную ферму (на 50 голов), овчарню с русскими и «шпанскими» овцами (на 50 голов) [16, с.154].

²⁰ ГА РТ. Ф.1. Оп.1. Д.302. Л.32 об.

²¹ Там же. Л.31.

²² Там же. Л.45 об.

Некоторые помещики разводили овец шленской породы, из шерсти которых ткали качественные и дорогие ковры. В Казанской губернии стада чистых мериносов держали в имени Н.И. Лобачевского. Шерсть этих овец экспонировалась на выставках сельских произведений. Кроме того, 2 стада тонкорунных овец в 300 голов содержали в с. Три Озера и с. Никольское Спасского уезда. Но эта шерсть сбывалась по низкой цене, так как в продажу поступала немытой. В хозяйстве помещика Плотникова в с. Сумароково Чистопольского уезда держали овец черкасской породы, племенных быков и лошадей [16, с.146]. Попытки разведения мериносов другими дворянами не только не увенчались успехом, но были со временем даже прекращены.

Традиционной сельскохозяйственной отраслью дворян было виноделие. В Лаишевском уезде действовал винокурный завод потомственного дворянина Елабужского уезда Ф.Н. Кандалинцева, состоящий при с. Богородское (Шунбут). При заводе располагалась мельница на 7 поставов, лесопильня, медеплавильня. На предприятии и в вышеуказанных заведениях трудилось до 160 крепостных, получавших каждый до 60 руб. в год, а при выполнении технически сложной работы – по 215 руб., нескольким вольнонаемным выплачивалось до 110 руб. на человека. Заводской персонал составляли крепостные мельничного дела, отливного чугунного, кузнецы, слесари, столяры, бочары, мельники, мастера плотничные, винокуры, плотники, пильщики, каменщики, печники, штукатуры, черепичной работы. Отбросы винокурного производства шли на корм скоту при заводе и в хозяйстве. Вино поставлялось по Волге и Каме с собственных пристаней, а сухопутно – от 11 до 18 верст, поэтому годовой доход с учетом дорожных расходов сильно варьировался от 6 до 22 тыс. руб. – в начале XIX в.²³ и доходил до 57 тыс. в 1825 г. [4, с.94].

На винокурных заводах помещиков Кандалинцевой в с. Федоровка и Ф.П. Рогачева в с. Никольское Чистопольского уезда трудилось 100 человек. Рабочие и бочари жили в устроенных для них избах, для управляющего был отдельный флигель. Также имелись хозяйственные постройки: сараи для вина и хранения хлеба, мельница, кузница, баня с медными трубами и деревянными чанами. Выкуриваемый спирт (до 120 тыс. ведер в год) отправлялся в казенные подвалы [4, с.96].

Использование лесных ресурсов в поместьях не отличалось рациональным подходом. В Чебоксарском и Козьмодемьянском уездах с целью сохранения деревьев под нужды жителей была отведена часть леса, но новая рассадка не проводилась. При этом лесные угодья использовались активно для изготовления предметов, необходимых в домашнем быту, а ремесленные изделия, изготовленные в поместьях дворян, сбывались через торговцев по Волге в низовые города и другие места. Также расходовался

²³ ГА РТ. Ф.1. Оп.1. Д.302. Л.35.

строевой лес. У козьмодемьянского помещика Ф.С. Попова даже был небольшой лесопильный «завод».

Подобие лесного хозяйства было организовано в с. Три Озера Спаского уезда, потому что почти все деревья уже вырубали.

В Свяжском и Тетюшском уездах росли леса дубовые, вязовые, кленовые, осиновые, липовые, а также сосновые, жимолостные, ильмовые, ельховые, осокоревые, черноталовые и кустарник таловый. Крестьяне сами же контролировали друг друга от неправильных порубок, поэтому некоторым приходилось прибегать к закупкам лесных материалов на стороне, а посадка деревьев велась только в казенных дачах. У помещиков были поташные производства. Например, свяжскому и тетюшскому уездному предводителю дворянства Далакину принадлежал поташный завод на 4 котла, общей стоимостью со всеми принадлежностями до 600 руб.²⁴

В структуре поместий Цивильского и Ядринского уездов значительное место занимали кустарники, которые шли на дрова. В 30 владельческих дачах выращивали березняк, но на место срубленных деревьев новые не рассаживали. Если в поместье росли сосны, ели, липы и осины, то они расходовались на возведение домов, дуб – на корабельное строительство, негодный лес шел на полозья, катки, бочки и другие столярные поделки, а прочий лес – тальник, березняк, ольха – на отопление жилищ. Из дерева также получали поташ. Он вырабатывался из золы путем сжигания древесины. На это расходовалось до 125 саж. дров. Лес на дрова рубили в помещичьих дачах крепостные, иногда для этого нанимали рабочих, каждый из которых, включая крепостных, получал за каждую сажень по 1 руб. и более. На золу жгли свои леса, а иногда ее привозили крестьяне из соседних помещичьих дач, продававшие четверть золы по 1,5 руб. и дороже. В Цивильском уезде действовало несколько поташных заводов. Здесь ежегодно добывалось по 150 пудов поташа с котла. А годовой доход с каждого котла составлял по 200 руб. и более.

Наличие лесных угодий позволило наладить в Чистопольском уезде производство бумаги. В первой четверти XIX в. небольшая бумагопрядильная фабрика, принадлежавшая барону Врангелю, действовала в г. Чистополь, ее годовой доход составлял 1087 руб. Более крупное предприятие расположилось в сельской местности – при с. Кулбаево, здесь работали 208 человек. Генеральша Бахметева владела бумажным заводом [4, с.95]. В первой четверти XIX в. на четырех предприятиях по добыче поташа, расположенных в д. Караси, с. Приют, д. Старая Киреметь и с. Никольское Чистопольского уезда, работали 28 человек.

Другие технические заведения в помещичьих имениях представляли собой фабрики для выделки сукна, для изготовления ценных ковров по новейшим узорам и пр. В с. Воскресенское Царевококшайского уезда ра-

²⁴ ГА РТ. Ф.1. Оп.1. Д.302. Л.31.

ботала стекольная фабрика, устроенная Ф.Ф. Желтухиным. Завод действовал с конца XVIII в., и в последующем наследники дворянина расширили производство, открыв еще 1 стекольный завод, но уже в другом населенном пункте. Согласно источнику за 1825 г., на стекольном предприятии в с. Воскресенское работали 5 вольных мастеровых и около 90 крепостных. Первые получали в год 200–300 руб., вторые – до 10 тыс., в зависимости от заслуг [4, с.92].

Крупным предприятием была суконная фабрика А.И. Сахарова в с. Алексеевское Лаишевского уезда. Годовой доход составлял 22 тыс. руб. Сукно доставлялось в Казань на казенные предприятия. Крепостные трудились за хлебные пайки [4, с.94]. Исследователь Б.Е. Долгов отмечает, что Сахаров, проживая в Петербурге, не догадывался о тяжелом положении своих крестьян, для которых барщина стала непосильной, так как многие из них являлись заводскими мастеровыми и работать на барской запашке было некому. Только личное посещение Сахаровым своего поместья позволило немного облегчить положение людей [7, с.188].

Помещик Кондратович организовал в имении полотняную фабрику, на которой крестьяне ткали полотно, скатерти, салфетки, носовые платки, полотенца, одеяла [16, с.147]. В с. Богородское дворянкой Шереметьевой было организовано производство изделий из кожи – непосредственно при крестьянских дворах. Сырые кожи для выделки покупались в Казанской и Оренбургской губерниях. Также изготавливали рукавицы, которые поступали в продажу на базарах в Казанской и Оренбургской губерниях либо выменивались в деревнях на сырые кожи [4, с.96].

Дворяне жаловались на недостаток специалистов для развития сельского хозяйства или промышленного производства в поместье. Одним из способов решения этой проблемы было приглашение иностранцев. Помещик Н.И. Депрейс, еще до того, как закрепился в Казанской губернии, выйдя в отставку, занялся предпринимательством, открыв в с. Ошлан Вятской губернии винокуренный завод, а также бумагопрядильную фабрику, дела в которой вели управляющие-англичане, внедрявшие в производство «всякие нововведения» [3, с.418]. Фабрика имела газовое освещение, при этом газ вырабатывался из бересты посредством машин, выписанных из Англии. На предприятии трудилось около 300 крепостных и вольнонаемных. Все получали зарплату. Со временем здание фабрики перешло под винокуренный завод. Сам же Н.И. Депрейс поселился с семьей в Казанской губернии. Первоначально он выкупил с. Карнауново в Лаишевском уезде, затем, продав с. Караваево в Спасском уезде, Депрейс приобрел у Молоствовых д. Порфировку по соседству, а вскоре – и с. Шапши в Казанском уезде у своего брата.

Во всех хозяйственных делах в Шапшах, где он обосновался, Депрейс принимал непосредственное участие. Сюда он перевел конный завод из

проданного Караваева. Приобщал женское население к рукоделию, – по воспоминаниям его внучки, Марии Ватаци, изделия, изготовленные крепостными, были изящны и прочны, «скатертное белье» было красивых рисунков. Ковры ткались самых затейливых узоров.

Незадолго до отмены крепостного права дела семьи пошатнулись. Сначала сгорела фабрика в Ошлане. А затем умер и сам Н.И. Депрейс. Оба сына покойного дворянина находились на фронте, а вернувшись, были далеки от дел в поместье, вдова тоже не привыкла заниматься хозяйством. Кроме этого, «вел самую бездеятельную жизнь помещика крепостного права» старший брат Николая Исаевича Петр Депрейс [3, с.418]. В результате доверить имение было некому, приходилось расставаться с многочисленной дворней.

Склонность к хозяйствованию переняла дочь Николая Исаевича Мария Мертваго. Поселившись в с. Карнаухове Лаишевского уезда, чета Мертваго принимала непосредственное участие в жизни крестьян и поместья: глава семейства Петр Борисович отдавал приказания прямо с балкона, а его супруга Мария Николаевна заботилась об обучении крестьян ремеслу – почти в каждой избе она завела самопрялки. Кроме того, дворянка открыла в Карнаухове школу, где совместно с учительницей вела уроки.

Владелец с. Рыднино Цивильского уезда П.Т. Завадский лично следил за полевым земледелием и приусадебным хозяйством, проявив себя аграрием, не боявшимся экспериментировать с целью поиска перспективных областей развития экономики. Исследователь Ю.В. Гусаров пишет также о проводившихся помещиком опытах борьбы с картофельной гнилью [6, с.181].

Свое имение доверил иностранцу дворянин К.Н. Булич. В 1830-х гг. он купил имение в Чистопольском уезде, куда привез с собой управляющего, немца г. Готлиба, родом из Лифляндской губернии, который приготовился исправлять хозяйство на «лифляндский манер». Это, вероятно, означало внедрение передового опыта, потому что тогда в Лифляндской губернии уже не было крепостного права, и землевладельцы использовали различные возможности для повышения производительности труда путем капиталовложений: применение усовершенствованных орудий труда и агротехники, введение плодосеменных оборотов и ввоз скота улучшенных иностранных пород, приглашение заграничных специалистов; некоторые помещики получили даже высшее сельскохозяйственное образование [2, с.747].

Образцовое хозяйство в своем имении в с. Красная Слобода Спасского уезда создал барон А.К. Пирх. Генерал-майор в отставке, организуя хозяйственную жизнь, опирался на строгую военную дисциплину, пытаясь устроить все рационально. Избы были хорошо выстроены и почти в каждом дворе имелся колодец. Крестьяне выглядели зажиточными. В деревне насчитывалось 458 душ мужского пола. Он не разрешил общине произво-

дить раздел земли, а сам предоставил в пожизненное пользование по 2 дес. без права передела. Сверх того, была оставлена резервная земля.

Занятие хлебопашеством в хозяйстве Пирха облегчали плодородные земли, не требовавшие удобрений, поэтому коров держали только для молока и мяса. Поскольку хозяйство (а это свыше 600 дес. пашни) основывалось на земледелии, то держали только 8 коров. Рабочий инвентарь был примитивным – плуг без резака, борона, состоявшая из связанных еловых ветвей, – этими орудиями земля только царапалась. Таким же некачественным был способ обработки зерна – хлеб снимался серпом, затем сушился на воздухе и дурно вымолачивался. Бесчисленные ветряные мельницы смальывали зерно в муку, которая запаковывалась в рогожные кули и продавалась [5, с.342].

Таким образом, Пирх по-военному четко пытался наладить товарное хозяйство, чтобы максимально выгодно использовать природные и человеческие ресурсы в своих владениях, но приемы обработки земли и зерна оставались устаревшими и неэффективными.

Поскольку модернизация земледельческого хозяйства в Казанской губернии не проводилась – по незнанию или нежеланию, – то помещики ставили некоторых крестьян на оброк либо отпускали барщинников на заработки. Например, крепостные Кондратовича занимались извозом и разными промыслами – нанимались в Казани в плотники, тележники, печники и пр. [16, с.147].

Наибольшее количество оброчников было в Царевококшайском уезде – свыше 87% крепостных, что объяснялось промысловым значением местности, а также низким качеством почвы [16, с.143]. Так, в богатом дворянском имении наследников генерала Энгельгардта, расположенном при д. Атамыш, 326 душ мужского пола не работали на барской запашке. Они обрабатывали принадлежавшие им 1187 дес. земли, а также занимались разными промыслами, благодаря чему исправно выплачивали оброк и государственные подати [11, с.33].

Таким образом, даже наименьший доход от зернового производства среди всех поволжских губерний не повлиял на инновационность поместий Казанской губернии [13, с.199]. Поместья Казанской губернии в первой половине XIX в. характеризовало господство хлебопашества при слабом развитии скотоводства, огородничества, удовлетворявших, главным образом, собственные нужды. Изучение хозяйства в частных экономиях показало, что бесплатный крестьянский труд лишал дворянина стимула улучшать приемы земледелия, внедрять технические новшества и поощрять вести расточительный образ жизни. Тем не менее, некоторые землевладельцы проявляли интерес к агрономическим новшествам (сортовые семена, улучшенный инвентарь, новые техники обработки полей) и пытались внедрять их в своих имениях.

Кроме сельского хозяйства, некоторые дворяне также занимались промышленным предпринимательством. Но в условиях существования крепостного права барщинная и оброчная система эксплуатации применялись во всех отраслях помещичьего хозяйства, даже на предприятиях по переработке сельскохозяйственного сырья. Хотя встречались примеры ориентации на рынок путем использования наемной рабочей силы и изготовления продукции на продажу. В целом, помещичье хозяйство Казанской губернии в первой половине XIX в. носило потребительский характер, и продавались только излишки продукции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арсентьев В.М.* От protoиндустрии к фабрике: модели производственно-отраслевой специализации и механизм функционирования промышленности России в первой половине XIX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2004. 261 с.
2. *Булич К.Н.* Из записок К.Н. Булича (1828-1846) // Вестник Европы. 1903. Т.4. №8. С.743–763.
3. *Ватаци М.П.* Быль минувшего // Исторический вестник. 1913. Т.132. №5. С.412–433.
4. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.5. Ч.1. СПб.: Тип. Деп. Ген. Штаба, 1850. 180 с.
5. *Гакстгаузен А.* Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России / пер. с нем. и изд. Л.И. Рагозин. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К^о, 1896. Т.1. 490 с.
6. *Гусаров Ю.В.* Сельскохозяйственные описания Чувашского края, составленные в 1802 году по анкете Вольного экономического общества // Исторический архив. 2015. №10. С.173–198.
7. *Долгов Е.Б.* «...Оное же село Алексеевское, что за Камою, строится вновь» // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2001. №1/2. С.187–190.
8. *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1967. 400 с.
9. *Кореева Н.А.* Агрокультурные новации первой половины XIX века в помещичьих имениях Казанской губернии (по материалам «Земледельческой газеты») // Историко-культурное наследие российской деревни: сохранение и развитие. Сборник статей IX Всероссийской (XVII средневолжской) конференции историков-аграрников, археологов, этнографов Евразии. Казань: Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2022. С.360–373.
10. *Лященко П.И.* Очерки аграрной эволюции России. Т.1. Разложение натурального строя и условия образования сельско-хозяйственного рынка. СПб. [б.и.], 1908. 453 с.
11. Экономическое положение сельского населения Закавказья (XIX – начало XX века): сборник документов и материалов / сост., автор предисловия, примечаний, научно-справочного аппарата Х.З. Багаутдинова. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2022. 596 с.

12. *Нифонтов А.С.* Зерновое производство России во второй половине XIX в. М.: Наука, 1974. 318 с.

13. *Савельев П.И.* Пути аграрного капитализма в России. XIX век: (По материалам Поволжья). Самара: Самарский ун-т, 1994. 359 с.

14. *Фролова С.А.* Дворянские усадьбы Казанской губернии (конец XVIII в. – первая половина XIX в.) // Краеведческие среды. Вып. 2. Казань, 2002. С.8–23.

15. *Целлинский Ф.И.* Агрономическое путешествие по южным уездам Казанской и Вятской губерний // Журнал Министерства государственных имуществ. 1854. Ч.52. №7. С.23–48.

16. *Чернышев Е.И.* Социально-экономические очерки по истории Казанского края в XIX веке (дореформенный период) / ред. Загидуллин И.К. Казань: Таткиноиздат, 2022. 383 с.

Информация об авторе:

Миронова Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-2818-8490; e-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru

Поступила 27.05.2024

Принята к публикации 26.07.2024

Landowner economy in the Kazan province in the first half of the 19th century

E.V. Mironova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is devoted to the economic development of landowners in the Kazan province during the era of serfdom. The source base of the study contains published memoirs of representatives of the nobility, statistical publications, pre-revolutionary studies of the state of agriculture in private farms, as well as archival material containing economic descriptions of 12 districts of the province, compiled by local leaders of the nobility and individual landowners based on the questions of the questionnaire of the Free Economic Society in 1802. The author analyzed the natural and geographical factors that influenced economic life on the estates; characterized the working inventory and showed attempts to modernize it; studied the specialization of estates and identified the economy-forming industries; considered the features of the corvee and quitrent systems of peasant exploitation. In addition, the article shows examples of organizing market-oriented agricultural production. A conclusion is made about the subsistence nature of the landowner economy in the Kazan province in the pre-reform period, in which the sale of surplus did not mean the commercial nature of production. The availability of free labor deprived the incentive to introduce improved methods of land cultivation – use modern equipment, improved varieties of crops, as well as develop industries such as livestock and crop production.

Keywords: Kazan province, agriculture, estate, serfs, specialization, agriculture, agrarian entrepreneurship, corvee, quitrent

For citation: Mironova E.V. Landowner economy in the Kazan province in the first half of the 19th century. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.3, pp.118–136. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.118-136> (In Russian)

REFERENCES

1. Arsentyev V.M. *From proto-industry to factory: models of production and industry specialization and the mechanism of functioning of Russian industry in the first half of the 19th century (based on materials from the Middle Volga region)*. Saransk: Mordovian University Publ., 2004. 261 p. (In Russian)
2. Bulich K.N. From the notes of K.N. Bulich (1828–1846). *Bulletin of Europe*. 1903, vol.4, no.8, pp.743–763. (In Russian)
3. Vatatsi M.P. A true story of the past. *Historical Bulletin*. 1913, vol.132, no.5, pp.412–433. (In Russian)
4. *Military statistical review of the Russian Empire*. Vol.5. Part 1. St. Petersburg: Department of the General Staff Publ., 1850. 180 p. (In Russian)
5. Haxthauzen A. *Studies of internal relations of people's life and especially rural institutions in Russia*. Moscow: Mamontova and Co. Publ., 1896. Vol.1. 490 p. (In Russian)
6. Gusarov Yu.V. Agricultural descriptions of the Chuvash region, compiled in 1802 based on the questionnaire of the Free Economic Society. *Historical archive*. 2015, no.10, pp.173–198. (In Russian)
7. Dolgov E.B. “...The same village of Alekseevskoe, which is beyond the Kama, is being built again”. *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*. 2001, no.1–2, pp.187–190. (In Russian)
8. Kovalchenko I.D. *Russian serf peasantry in the first half of the 19th century*. Moscow: Moscow State University Publ., 1967. 400 p. (In Russian)
9. Koreeva N.A. Agricultural innovations of the first half of the 19th century in the landowners' estates of the Kazan province (based on materials from the “Agricultural Newspaper”). *Historical and cultural heritage of the Russian village: preservation and development. Collection of articles of the 9th All-Russian (17th Middle Volga) conference of agricultural historians, archaeologists, ethnographers of Eurasia*. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Tatarstan Academy of Sciences, 2022. Pp.360–373. (In Russian)
10. Lyashchenko P.I. *Essays on the agrarian evolution of Russia*. Vol.1. Decomposition of the natural system and conditions for the formation of the agricultural market. St. Petersburg, 1908. 453 p. (In Russian)
11. Economic situation of the rural population of the Trans-Kazan region (19th – early 20th centuries): collection of documents and materials. Compiled by Kh.Z. Bagautdinova. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2022. 596 p. (In Russian)
12. Nifontov A.S. *Grain production in Russia in the second half of the 19th century*. Moscow: Nauka Publ., 1974. 318 p. (In Russian)

13. Savelyev P.I. *Paths of agrarian capitalism in Russia. 19th century (Based on materials from the Volga region)*. Samara: Samara State University Publ., 1994. 359 p. (In Russian)

14. Frolova S.A. Noble estates of the Kazan province (late 18th century – first half of the 19th century). *Local history wednesdays*. Vol.2. Kazan, 2002. Pp.8–23. (In Russian)

15. Tzellinsky F.I. Agronomic journey through the southern districts of the Kazan and Vyatka provinces. *Journal of the Ministry of State Property*. 1854, vol.52, no.7, pp.23–48. (In Russian)

16. Chernyshev E.I. *Socio-economic essays on the history of the Kazan region in the 19th century (pre-reform period)*. Ed. by Zagidullin I.K. Kazan: Tatknigoizdat, 2022. 383 p. (In Russian)

About the author:

Mironova Elena Valeryevna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2818-8490; e-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru

Received May 27, 2024

Accepted for publication July 26, 2024

УДК 930.27:94(470.41)

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-3.137-145

Результаты исследования татарских эпитафических памятников Высокогорского района Республики Татарстан

А.М. Гайнутдинов

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

Статья посвящена изучению татарских эпитафических памятников, сохранившихся в Высокогорском районе Республики Татарстан. Как ценный источник они играют важную роль в изучении истории, культуры и языка татарского народа, поскольку содержат информацию, которую невозможно получить из других исторических источников. Во время эпитафической экспедиции в этом районе автором было впервые выявлено свыше 1200 памятников, датируемых периодом с XIII в. по 1939 г. В статье приводятся результаты этой работы, описываются самые значимые и интересные образцы эпитафических памятников, представляющие научный интерес. Новизна исследования заключается в том, что отдельные памятники этого эпитафического наследия впервые вводятся в научный оборот, а также приводятся результаты работы по изучению арабских и татарских текстов на камнях.

Ключевые слова: Высокогорский район, арабографичные надмогильные камни, эпитафии, татарские эпитафические памятники, историко-культурное наследие

Для цитирования: Гайнутдинов А.М. Результаты исследования татарских эпитафических памятников Высокогорского района РТ // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №3. С.137–145. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.137-145>

В Заказанье сохранилось большое количество памятников истории и культуры, в том числе множество древних надмогильных камней с надписями на арабской графике – эпитафических памятников. Они, несомненно, играют важную роль в изучении истории, культуры и языка татарского народа и нуждаются в скрупулезном изучении специалистами. Но даже в преобладающей к Казани муниципальной единице – в Высокогорском районе Республики Татарстан – эпитафические памятники полностью и системно не исследованы, хотя они были объектами изучения таких выдающихся ученых, как Ш.Марджани, Г.Рахим, Г.В. Юсупов, М.И. Ахметзянов и др.

Весной 2019 г. Институтом истории им. Ш.Марджани Академии наук РТ была организована научная экспедиция в этот район с целью выявления и изучения всех надмогильных камней, представляющих исторический ин-

терес. В ней участвовали автор этих строк и научный сотрудник Института истории С.Р. Хамидуллин. Всего на кладбищах 55 населенных пунктов Высокогорского района нами было обнаружено 1227 памятников 1281–1939 гг. Все они представляют историческую и культурную ценность, т.к. тексты на этих надмогильных камнях написаны на арабской графике. Количество выявленных в Высокогорском районе эпитафических памятников весьма существенно, поскольку только в двух районах Татарстана – Актинском (найденно 1567 [4, б.4]) и Арском (обнаружено 1288 [3, б.4]) – было выявлено большее число надмогильных камней с надписями. Таким образом, Высокогорский район по количеству татарских эпитафических памятников занимает в Республике Татарстан третье место.

В некоторых селах Высокогорского района не обнаружено ни одного древнего надмогильного камня, а в некоторых селах их число превышало сотню. Наибольшее количество татарских эпитафических памятников было обнаружено в п. Юртыш, на кладбище которого сохранилось 133 относительно древних надмогильных камней. Далее идет с. Большие Ковали, на двух кладбищах которого было выявлено 115 арабографических надмогильных камней. Также мы выяснили, что в с. Мемдель сохранилось 68 надмогильных плит, представляющие научный интерес. В населенных пунктах Чуваши, Казаклар, Большой Куюк, Средний Алат, Айбаш количество эпитафических памятников превысило полсотни в каждом. В основном их обилие свидетельствует о том, что население было сильно развито в материальном и духовном отношении. Обычно в старину надмогильные плиты с надписью устанавливали зажиточные люди, купцы, представители духовенства, поскольку их изготовление было очень дорогим и затратным.

Самый ранний эпитафический памятник в Высокогорском районе относится к золотоордынскому периоду, точнее, к 1281–1282 гг. Он был найден учеными на кладбище д. Русский Урмат и в настоящее время хранится в Иске-Казанском государственном историко-культурном и природном музее-заповеднике. Впервые его изучил Г.В. Юсупов, представивший свое прочтение эпитафии [8, таб.1]. Там же в экспозиции находится и самый ранний памятник периода Казанского ханства (1494 г.), выявленный на территории Иске-Казанского городища. Надмогильные камни, относящиеся к XIII–XVI вв., были выявлены нами на кладбищах населенных пунктов Айбаш, Альдермыш, Куркачи, Красна, Мемдель, Ибря, Уньба, Татарская Айша, Татарский Урмат, Русский Урмат, Чемерцы, Большой Битаман, Туктамыш, Хохлово, Чуваши, Чирша, Ямашурма. Многие из них уже были изучены ранее другими исследователями, прежде всего М.И. Ахметзяновым [1, б.90–97], но нам все же удалось обнаружить несколько неизвестных памятников. Например, надмогильный камень неизвестному (ум. 1519) и надмогильная плита Камал (ум. 1551), жене Мурадходжи, – на кладбище д. Красна, надмогильный камень Джангази, сыну

Таваккаля, – на кладбище с. Татарская Айша и др. В качестве примера приведем надписи второго краснинского памятника:

Лицевая сторона (рельефная надпись):

- 1) “Каалә-ллааһү Тәбәэрәкә вә Тәгаалә
- 2) күллү мән галәйһәә фәән вә йәбкаа вәжһү
- 3) Раббикә зүл-жәләәли вәл-икраам
- 4) әд-дүнйәә мәзрагатүл-әәхыйраһ садәкь
- 5) тарих тукуз йөз иллек сигиздә
- 6) сәфәр айында Морадхужа гыйалы Камал(?)
- 7) ...”.

Правая сторона (рельефная надпись): “Әраад-дүнйәә хараабән би-гътибәәрии фә-ләә йәбкаа мүдәәмән бил-караари”.

Левая сторона (рельефная надпись): “Күрәрмен дөнъяны вәйран бары һәмишә бакый ирмәс йук карары”.

Перевод на русский язык:

Лицевая сторона: «Сказал Препоблагой и Всевышний Аллах: “Все на ней [земле] тленно. Вечен лишь Лик Господа твоего, обладающий величием и великодушием”. Этот мир – пашня для загробной жизни. Правильно сказал. В девятьсот пятьдесят восьмом году (1551 г.) в месяце сафар жена Мурадходжи Камал [из тленного мира в вечный мир переселилась]».

Правая сторона: «Вижу мир развалиной по существу, не остается он продолжительно в покое».

Левая сторона: «Вижу мир развалиной по существу, не остается он продолжительно в покое» [5, б.36–37].

Размеры памятника: 158x52x28 см. Текст представляет собой смешение языков: первые четыре строки на лицевой стороне состоят из коранических формул и написаны на арабском, последние две строки, несущие фактические данные о покойном – на татарском [5, б.37]. Также на правой стороне памятника написан стих на арабском языке, а на левой – его перевод на татарский.

В целом, в Высокогорском районе сохранилось до наших дней около двух десятков эпитафических памятников или их фрагментов, относящихся к XIII–XVII вв. Несомненно, их количество было бóльшим, но, к сожалению, некоторые из них уже исчезли. К счастью, тексты многих памятников не пострадали от суровых климатических условий, и имена, даты кончины умерших удалось установить.

В Высокогорском районе сохранились надмогильные камни некоторых знаменитых лиц. В качестве примера можно привести памятник Хасангаты Габаши, который находится на кладбище с. Малый Сулабаш. На нем на арабской графике написано следующее:

- 1) “Бу кабергә күмелде
- 2) имам мөдәррис
- 3) Хәсәнгата
- 4) мулла Мөхәммәд углы

- 5) Габәши
- 6) туды 1863 сәнә
- 7) 1936 йылда вафат
- 8) Сыла башы авылында”.

Перевод на русский язык: “В этой могиле похоронен имам-мударрис Хасангата, сын муллы Мухаммада, Габаши, родился в 1863 году, скончался в 1936 году в деревне Сулабаш”.

Размеры памятника: 91(121)х31х11 см. Текст на оборотной стороне, написанный на кириллице, мы не приводим. На каменной табличке, установленной на ограду, арабской вязью написаны следующие слова: “Хасангата, сын муллы Мухаммада, сына Габаша”.

Х.-Г. Габаши – известный религиозный и общественный деятель, просветитель, педагог, историк. Он родился 11 января 1863 г. в д. Малый Сулабаш. В 1874–1886 гг. учился в медресе «Гаффария» при Азимовской мечети Казани. Затем Х.-Г. Габаши преподавал в этом медресе и в приюте Юнусовых для детей-мусульман. 25 января 1890 г. (указ №526) он был назначен имамом-хатыбом вместо своего отца в д. Малый Сулабаш. 14 февраля 1894 г. Хасангате хазрату было присвоено звание ахуна. Он настолько хорошо знал шариат, что даже работал судьей Оренбургского мусульманского духовного управления в 1895–1899 и 1905–1915 гг. [6, с.186].

На кладбище с. Малый Сулабаш также был выявлен памятник деду Х.-Г. Габаши – муллы, каллиграфа, мастера-резчика, поэта Габидуллы хазрата. Он был известен в народе как Габаш мулла. В Татарской энциклопедии ошибочно написали его имя как Губайдулла [7, с.5], но, на самом деле, его имя Габидулла, что подтверждается эпитафией этого памятника, метрическими книгами и рукописями Х.-Г. Габаши.

Некоторые историки по неясной причине считали, что надмогильный камень на могиле Габаш-муллы установлен его сыну Мухаммаду [2, с.70]. В действительности, памятник Мухаммаду не сохранился, сохранилась лишь надмогильная плита, установленная его брату Ахмаду.

В Высокогорском районе похоронены и предки некоторых известных людей. Обнаружение их надмогильных камней является своего рода открытием. Например, в д. Ибря сохранился надмогильный камень на могиле Бикчантая, сына Сайдаша (является родным дедом знаменитого татарского композитора Салиха Сайдашева), содержание надписи на котором следующее:

Лицевая сторона (рельефная надпись):

- 1) “Тарих 188-
- 2) -2 нче йылда синтәбрнең 14
- 3) нче көнендә Бикчәнтәй Сәйдәш
- 4) мәрхүм углы 72 йәшендә
- 5) дарел-фәнадин дарел-бәкайә рихләт
- 6) кыйлды Аллах Тәбарәкә вә Тәгалә

7) гарикы рәхмәт кыйлсун”.

Оборотная сторона (врезная надпись):

- 1) “Меңдә
- 2) сигез йөз сиксән
- 3) икенче йылда синтәбрнең ун
- 4) дүртенче көнөндә Бикчәнтәй
- 5) Сәйдәш углы йитмеш ике
- 6) йәшендә вафат булды”.

Перевод на русский язык:

Лицевая сторона: «14 сентября 1882 года Бикчантай, сын покойного Сайдаша, в возрасте 72 лет из тленного мира в вечный мир переселился. Пусть Всеблагой и Всевышний Аллах помилует».

Оборотная сторона “Четырнадцатого сентября тысяча восемьсот семьдесят второго года Бикчантай, сын Сайдаша, в возрасте семидесяти двух лет скончался”.

Размеры памятника: 86x43x19 см. Памятник почему-то перепутали с камнем XVI в. в деревне Альдермыш [2, с.63].

Также открытием является обнаружение надмогильных камней, установленных предкам выдающегося религиозного и общественного деятеля, педагога, издателя, муфтия Галимжана Баруди. Так, на кладбище с. Чувашли были выявлены памятники его прадеду и деду по отцовской линии Гали, сыну Кулмухаммада (ум. 1814), и Ибнеябину, сыну Гали (ум. 1868). Им обоим установлен один памятник, на котором на арабском и татарском языках написано следующее:

Лицевая сторона (рельефная надпись):

- 1) “Йәэ мән би-дүнийәәһү-штәгаль кад гарраһү туулүл-әмәл
- 2) әл-мәүтү йәәйтии бәгьтәтән вәл-кабру сундүүкуль-гамәл
- 3) нәәкыйлән мәзкүр хәжәр румиййә илә
- 4) 1814 нче йыл мәрхүм улынган
- 5) Гали Колмөхәммәдзадә углы мүтәвәффән
- 6) Ибне Йәбиннең әткәсе 63
- 7) йәшендә дарел-фәнадин нәкыль улмыш”.

Оборотная сторона (рельефная надпись):

- 1) “Әл-хүкмү ли-лләәһ
- 2) тарих һижриййә илән 1285
- 3) нче йыл маһе рабигыль-әүвәлнең
- 4) 15 нче көне тарих румиййә илән
- 5) 1868 нче йыл ийүннең 23 ндә
- 6) мүтәвәффән Ибне Йәбин Гали углы 93 нче
- 7) йәшендә дарел-бәкайә нәкыль итде
- 8) йәэ вәәкыйфән би-кабрии мүтәфәккиран би-әмрии
- 9) әмсин күнтү мисләкә гадән тәсыыйру мислии”.

Перевод на русский язык:

Лицевая сторона: “О, занимающийся этим миром, обманула его большая надежда. Смерть приходит неожиданно. Могила – сундук дел. Этот камень установлен скончавшемуся в 1814 году Гали, сыну Кулмухаммадзаде. Покойный – отец Ибнеябина, скончался в возрасте 63 лет”.

Оборотная сторона: “Решение у Аллаха. Скончавшийся 15-го числа месяца раби' ал-аввал 1285 года по хиджре, 23 июня 1868 года по европейскому летоисчислению Ибнеябин, сын Гали, в 93-м году жизни переселился в вечный мир. О, стоящий у моей могилы, думающий о моем состоянии, вчера я был как ты, завтра ты будешь как я”.

Размеры памятника: 116x32x20 см. Как видно из эпитафии, полное имя прадеда Г. Баруди – Кулмухаммадзаде.

На кладбище д. Малые Ковали был найден памятник его деду по материнской линии – Хабибулле, сыну Мухаммадшарифа (ум. 1875). Приведем текст эпитафии и этого памятника:

Лицевая сторона (врезная надпись):

- 1) “Би-хүкми-лләһи Тәгаалә
- 2) Хәбибулла Мөхәммәдшәриф углы
- 3) жөмади үләнән унберенче
- 4) көнендә 1292 сәнәдә 73 йәшендә
- 5) вафат милади 3 нче ийүн 1875 сәнә”.

Перевод: Решением Всевышнего Аллаха. Хабибулла, сын Мухаммадшарифа, 11-го числа месяца джумада ал-аввал 1292 г. [по хиджре], 3 июня 1875 г. по европейскому летоисчислению в возрасте 73 лет скончался”.

Размеры памятника: 102x31x13 см.

Как ранее было сказано, мы старались учесть все надмогильные плиты с арабской вязью, установленные на могилах людей, скончавшихся до 1939 г., но более поздние не изучали, поскольку такие памятники считаются относительно новыми и их историческая значимость небольшая.

В ходе работы удалось выявить имена 25 мастеров-резчиков: Фатхерахман, сын Халилуллы (из Юртыша); Габдрахман Утяков (из Юртыша); Гаязеддин, сын Ахмаджана, Нураев (из Большого Куюка); Хусаин Вафин (из Среднего Алата); Ходжаахмад, сын Зайнуллы (из Мульмы); Фатхелкадыр Кальметов (из Мульмы); Шейхгаттар, сын Ахмада, Мухтаров (из Суксу); Ахмадсафа, сын Ахмаджана (из Казаклара); Исхак, сын Габдулкарима (из Казаклара); Салахуддин (из Казаклара); Гинаятулла, сын Шахиахмада (из Больших Ковалей); Мухаммадсафа, сын Ахмада (из Селенгура); Габдулла Атнави; Мухаммадфатих, сын Габидуллы; Таджуддин, сын Хуснуддина; Лутфулла, сын Сагдуддина; Габдулбари, сын Муэмина, Баруди; Ахмад Галиев; Гибадулла, сын Зиннатуллы; Шахимардан, Махмуд, Г. Гали, Ахмаджан, Мухаммадзариф, Фидаи. Некоторые из них изготавливали изящные, красивые камни с богатым орнаментом, писали каллиграфическим почерком, а некоторые делали простые памятники, но и они достой-

ны внимания. Материал для однотипных памятников XIX – начала XX в., встречающихся на многих сельских кладбищах Высокогорского района, в основном брали из местных каменных карьеров, а материал для более изящных надмогильных плит иногда привозили по заказу из Оренбурга, Троицка, Средней Азии.

Таким образом, все выявленные арабографичные надмогильные камни Высокогорского района нами были изучены: сфотографированы, измерены, а также прочитаны их тексты. Наиболее значимые и интересные образцы эпиграфического наследия татар Высокогорского района были введены в научный оборот. Обнаруженные памятники позволяют существенно расширить источниковую базу и помогают раскрыть новые страницы истории региона XIII – первой трети XX в. Судя по выявленным материалам, установка камней с надписями и искусство резьбы по камню в Высокогорском районе получили большое распространение. Сохранившиеся здесь эпиграфические памятники, несомненно, имеют историческое значение и являются частью татарского историко-культурного наследия. Наша перспективная цель – создание полного каталога памятников, включающего их научное описание.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Әхмәтҗанов М.И.* Биектау төбәгенә XIII–XVII гасырлардан калган татар эпиграфикасы // Очерки истории Высокогорского района Республики Татарстан. Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1999. Б.90–97.
2. Высокогорский район Республики Татарстан. Историко-географический атлас. Пенза: ИП Рогожин И.В., 2013. 100 с.
3. *Гайнетдинов А.М.* Арча районы эпиграфик истәлекләре. Казан: ТР ФА Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты, 2016. 456 б.
4. *Гайнетдинов А.М.* Этнә районы эпиграфик истәлекләре. Казан: ТР ФА Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты, 2017. 556 б.
5. *Гайнуллин И.И., Абдуллин Х.М., Касимов А.В., Гайнутдинов А.М., Хамидуллин С.Р., Багаутдинова Л.Н.* Документирование болгаро-татарских эпиграфических памятников современными методами. *Восток (Orient)*. 2023. №6. С.29–41.
6. *Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р.* История мусульманских приходов Высокогорского района // Очерки истории Высокогорского района Республики Татарстан. Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1999. С.163–206.
7. Татарская энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирзянов. Казань: Институт татарской энциклопедии АН РТ, 2005. Т.2: Г-Й. 656 с.
8. *Юсуфов Г.В.* Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 322 с.

Информация об авторе:

Гайнутдинов Айдар Марсилевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7119-8830; e-mail: aydargm@yandex.ru

Поступила 30.07.2024

Принята к публикации 26.08.2024

Results of the study of Tatar epigraphic monuments
of the Vysokogorsky district of the Republic of Tatarstan

A.M. Gaynutdinov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is devoted to the study of Tatar epigraphic monuments preserved in the Vysokogorsky district of the Republic of Tatarstan. As a valuable source, they play an important role in the study of the history, culture and language of the Tatar people, since they contain information that cannot be obtained from other historical sources. During an epigraphic expedition in this area, the author for the first time identified over 1200 monuments dating from the 13th century to 1939. The article presents the results of this work, describes the most significant and interesting examples of epigraphic monuments of scientific interest. The novelty of the study lies in the fact that some examples of this epigraphic heritage are introduced into scientific circulation for the first time, and also presents the results of the study of Arabic and Tatar texts on stones.

Keywords: Vysokogorsky district, arabographic gravestones, epitaphs, Tatar epigraphic monuments, historical and cultural heritage

For citation: Gaynutdinov A.M. Results of the study of Tatar epigraphic monuments of the Vysokogorsky district of the Republic of Tatarstan. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.3, pp.137–145. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.137-145> (In Russian)

REFERENCES

1. Akhmetzyanov M.I. Tatar epigraphy of Vysokogorsky district of 13th – 17th centuries. *Essays on the history of the Vysokogorsky district of the Republic of Tatarstan*. Kazan: Master Line Publ., 1999. Pp.90–97. (In Tatar)
2. *Vysokogorsky district of the Republic of Tatarstan. Historical and geographical atlas*. Penza: Rogozhin I.V. Publ., 2013. 100 p. (In Russian)
3. Gaynutdinov A.M. *Epigraphic monuments of the Arsky district*. Kazan: Marjani institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 456 p. (In Tatar)

4. Gaynutdinov A.M. *Epigraphic monuments of the Atninsky district*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2017. 556 p. (In Tatar)

5. Gainullin I.I., Abdullin Kh.M., Kasimov A.V., Gaynutdinov A.M., Khamidulin S.R., Bagautdinova L.N. Documentation of Bulgaro-Tatar epigraphic monuments using modern methods. *Orients*. 2023, no.6, pp.29–41. (In Russian)

6. Salikhov R.R., Khairutdinov R.R. History of Muslim parishes of Vysokogorsky district. *Essays on the history of Vysokogorsky district of the Republic of Tatarstan*. Kazan: Master Line Publ., 1999. Pp.163–206. (In Russian)

7. *Tatar encyclopedia: in 6 volumes*. Vol.2. G–Y. Ed. by M.Kh. Khasanov, G.S. Sabirzyanov. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia of the Tatarstan Academy of Sciences, 2005. 656 p. (In Russian)

8. Yusupov G.V. *Introduction to Bulgaro-Tatar epigraphy*. Moscow–Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1960. 322 p. (In Russian)

About the author:

Gaynutdinov Aydar Marsilevich – Cand. Sci. (philology), Senior Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7119-8830; e-mail: aydargm@yandex.ru

Received July 30, 2024

Accepted for publication August 26, 2024

УДК 94 (470.4)512.145

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-3.146-153

Общие корни Ризы Фахретдина и служилых татар Баишевых в контексте генетической генеалогии

О.О. Владимиров

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

В публикации представлен сравнительно-сопоставительный анализ результатов генетических исследований и сведений из фондов «Поместный Приказ» (ф.1209) и «Ландратские книги и ревизские сказки» (ф.350) Российского государственного архива древних актов, касающихся родословной известного ученого-просветителя, историка, богослова и общественного деятеля Ризаэтдина Фахретдина. В результате исследования доказана правдоподобность семейных преданий Р.Фахретдина о происхождении его предков из д. Ширдан Свияжского уезда, показано их общее происхождение с известным служило-татарским родом Баишевых.

Ключевые слова: Свияжский уезд, Горная сторона, служилые татары, ясачные татары, Большие Ширданы, Бузаево, Старые Чупты, Каркали, Ризаэтдин Фахретдин, Баишевы, генетические исследования

Для цитирования: Владимиров О.О. Общие корни Ризы Фахретдина и служилых татар Баишевых в контексте генетической генеалогии // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №3. С.146–153. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.146-153>

Ризаэтдин Фахретдин был известным деятелем, оставившим после себя большое научное и культурное наследие. Но при этом остается вопросом, откуда изначально берет свои истоки его род, какой национальности, татарской или башкирской, были его предки, и к какому сословию они принадлежали. В книге «Асар» Р.Фахретдин описал родословные многих родов с отсылками на труды средневековых авторов и известных татарских историков. Не оставил в стороне он и историю собственного рода. Так, по семейным преданиям, его предки происходили с Горной стороны, а именно из д. Ширдан, откуда впоследствии переселились на территорию Уфимского уезда. По архивным материалам, его непрерывная родословная восходит к упомянутому в ревизской сказке 1722 г. в д. Нижние Чупты Уфимского уезда Елдашу Ишкееву, 30 лет¹. Таким образом, он

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.350. Оп.2. Д.3790. Л.310 об.

родился около 1692 г. Согласно шеджере, которое передавалось из поколения в поколение, далее после Елдаша должны быть: Ишмухамет – Тоймухамет – Янгилда – Кайбулла [9, с.95]. Цепочка предков имеет и дальнейшее продолжение, но мы остановимся на вышеуказанных персонах. Отметим, что в материалах писцовой книги 1647–1651 гг., описывающей поместные земли мурз и служилых татар Свияжского уезда, в д. Большие Ширданы упомянут помещик, служилый татарин Янгилда Кайбулин². Согласно шеджере, он мог быть прадедом вышеупомянутому Елдашу. Но ввиду отсутствия более поздних источников (материалов переписи 1678 г., ландратских переписей 1710 и 1716 гг.) однозначно ответить на этот вопрос нельзя, так как не представляется возможным документально проследить эту линию и, в частности, найти архивные упоминания об отце и деде Елдаша.

В последние годы активно развивается исследовательское направление по изучению истории родов на основе генетических данных. Руководствуясь соображением, что, возможно, результаты генетической экспертизы представителей рода Ризы Фахретдина смогут пролить хотя бы какой-то свет на подлинное происхождение его предков, мы провели в лаборатории FamilyTreeDNA исследование генетических материалов прямого потомка Ризаэтдина Фахретдина. Изначально были исследованы 37 маркеров Y-хромосомы. В результате выяснилось, что представители этого рода относятся к гаплогруппе R1a1, а именно – к ее субкладу L1029. Данный субклад по примерным расчетам общемирового древа YFull возник в диапазоне 1900–2200 лет назад³. Он довольно часто встречается у татар, у которых выявлены его различные дочерние линии. Наибольшей частоты данный субклад достигает как раз на территории Горной стороны Татарстана, откуда по преданиям происходили ранние предки Ризаэтдина Фахретдина. Так, различные линии субклада L1029 выявлены в Апастовском (д. Шемяково, с. Давликеево, с. Багишево, с. Починок-Енаево), Кайбицком (д. Салтыганово, с. Большие Кайбицы, д. Шушерма), Тетюшском (с. Алабердино), Буинском (д. Ахаметьево, с. Исаково) и Зеленодольском (с. Татарское Азлеево, с. Нурлаты, д. Татарское Танаево, с. Бузаево, д. Татарские Наратлы, с. Большие Ачасыры) районах РТ [5, с.28–30]. 37-маркерный результат прямого потомка Р.Фахретдина первоначально показал близость с представителями трех татарских родов из совершенно разных населенных пунктов:

1. Представители первого рода имели изначально неглубокую родословную, их корни происходили из современного с. Нижнее Якоево Азнакаевского района Татарстана. После того, как их ветвь была углублена, оказа-

² РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.433. Л.39 об.

³ База данных проекта YFull YTree v12.02.00, R-L1029. URL: <https://www.yfull.com/tree/R-L1029/> (дата обращения: 07.07.2024).

лось, что родство с родом Р.Фахретдина вполне объяснимо, поскольку их род восходит к Ахмадию Субханкулову, который был младшим братом предка Р.Фахретдина – Сайфетдина Субханкулова. Оба они были детьми Субханкула (~1744 г.р.), который приходился внуком Елдашу Ишкееву. Таким образом, можно констатировать, что полученный результат по этому роду подтвержден не одним, а сразу двумя представителями рода.

2. Представители второго рода восходят к Таганаю Сабанаеву (~1662 г.р.), записанному в ревизской сказке 1722 г. д. Нижние Чупты, в которой значится и предок Ризаэтдина Фахретдина – Елдаш Ишкеев (~1692 г.р.)⁴.

3. Представители третьего рода восходят к ясачному крестьянину Абдулле Уразметеву (годы жизни ~1676–1746), проживавшему в д. Бузаево Аклычевой сотни Свияжского уезда. Ранние сведения об Абдулле мы находим в ландратской переписи 1716 г.⁵ К сожалению, ввиду отсутствия более ранних переписей, не получилось углубить эту ветвь. Можем лишь отметить, что в переписи 1716 г. значится семейство его возможного брата – Урея Уразметева (~1651 г.р.). Среди опустевших дворов записано семейство еще одного его возможного брата – Алейки Уразметева, бежавшего со своим семейством.

Современное с. Бузаево Зеленодольского района РТ находится на расстоянии 32-33 км от сел Большие Ширданы и Малые Ширданы. И это один из доводов в пользу версии о том, что род Р.Фахретдина берет начало в Горной стороне. В этом плане интересными выглядят сведения о том, что в Бузаево по переписи 1716 г. значились опустевшие дворы, – семьи, ранее проживавшие там, могли переселиться вместе с предками Р.Фахретдина.

По данным этой же переписи в Бузаево проживали 12 семейств, а остальные 9 дворов значатся опустевшими. Схожая картина наблюдалась во многих населенных пунктах, например в соседней д. Татарское Азелеево [4, с.86]. Итоговые данные переписи 1716 г. показывают значительную убыль населения по сравнению с предыдущей переписью 1710 г., – вероятно, было много прописных крестьян. Следующая ревизия 1719 г. и ее итоговые данные в окладной книге 1722 г. дают гораздо более точные сведения. Так, по материалам окладной книги 1722 г. в д. Бузаево дополнительным списком включены ранее прописные четыре человека мужского пола⁶. Судя по всему, в большинстве случаев беглые татары бежали из Свияжского уезда в Уфимский уезд, – в материалах окладных книг 1722 г. и дополнительных переписных книг 1722–1727 гг. нередко отмечены татары, возвращенные на прежнее место жительства из Уфимского уезда.

⁴ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3790. Л.310.

⁵ РГАДА. Ф.350. Оп.1. Д.359. Л.332.

⁶ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.2980. Л.143–143 об.

Таким образом, можно констатировать, что из Свяжского уезда некоторая часть ясачных татар перебралась в Уфимский уезд, и часть из них не вернулась на прежнее место жительства. Поиск возможных предков Р.Фахретдина по опустевшим дворам в материалах переписи 1716 г. всех селений ясачных татар Свяжского уезда не увенчался успехом. Такие же документы по селениям служилых татар Свяжского уезда, к сожалению, не сохранились.

Учитывая, что, согласно преданиям, род Р.Фахретдина происходил из д. Ширдан, были собраны и исследованы генетические результаты по 10 разным родам, происходившим из сел Большие Ширданы и Малые Ширданы, в том числе был исследован род известного татарского литератора и просветителя Каюма Насыри (1825–1902). В итоге генетические данные представителей нескольких родов совпали между собой, но ни в одном случае и близко не совпали с результатами рода Р.Фахретдина.

После чего для большего понимания происхождения предков Р.Фахретдина были сделаны более углубленные тесты ДНК прямому потомку Р.Фахретдина и его дальнему родственнику, имевшему с ним общего предка Субханкула (~1744 г.р.). Их конечный результат – субклад YP1567, включивший два данных образца, был размещен на общемировое древо Yfull и показал, что их общий предок жил примерно 475 лет назад⁷. Общий их предок с представителями «братских» линий из Польши, Германии, Беларуси и Швеции жил в диапазоне 1150–2100 лет назад. Вероятно, ранние предки Р.Фахретдина прибыли в Поволжье из Центральной Европы, так как во всех трех «братских» к ним линиях есть образцы из Польши. При этом многие такие линии могли оказаться в Поволжье достаточно давно, в том числе среди представителей именьковской раннесредневековой археологической культуры. На вопрос «Как давно представители этого и иных субкладов могли оказаться в Поволжье?» могли бы дать ответ палеоисследования на территории Татарстана, которые в последние годы широко проводятся в иных регионах России.

Новый импульс исследованию происхождения рода Р.Фахретдина дали результаты генетической экспертизы потомков служилых мурз Баишевых, происходивших из с. Большие Ширданы Зеленодольского района. Одна из ветвей этого рода в середине XVIII в. перебралась в д. Каркалы (ныне Лениногорского р-на РТ)⁸, куда из д. Нижние Чупты со своим семейством переселился предок Р.Фахретдина Елдаш Ишкеев. В дальнейшем их потомки перебрались в д. Маметьево (ныне Альметьевского р-на РТ). Данные генетического анализа прямого потомка служилых татар

⁷ База данных проекта YFull YTree v12.02.00, R-YP1567. URL: <https://www.yfull.com/tree/R-YP1567/> (дата обращения: 07.07.2024).

⁸ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3005. Л.508.

Баишевых показали, что их род и род Р.Фахретдина имели общего предка по прямой мужской линии.

В писцовой книге 1647–1651 гг. в д. Большие Ширданы значатся несколько дворов родных братьев Баишевых: Ахмаметки, Тюмекейки, Ир-маметки, Ромашки, Юнуски и Досая Аишевых сыновей. Они записаны как раз перед двором предполагаемого предка Р.Фахретдина – Янгилды Кайбулина⁹.

Что же нам известно о служилых татарах Баишевых? В писцовой книге 1647–1651 гг. земельные владения Баишевых указаны не только в Больших Ширданах, но и в других деревнях: Альменево; пустошь, что была деревня Тавлина; Татарское Азелеево, Татарское Бурнашево, Буртасы, Малая Карланга, Чечкаб и ряде других. Судя по этим данным, они были одними из самых крупных землевладельцев Свияжского уезда в тот период, при этом являлись служилыми татарами, а не князьями и мурзами. В количественном плане их поместья были сопоставимы с владениями князей Темеевых и Ишеевых в деревнях Барышево, Макулово, Ишеево, Каменный Брод и ряде других. При этом владения Баишевых были даже в большем количестве поселений. Несмотря на это, служилые татары имели меньше полномочий, чем князья. Так, княжеский титул означал наделение их представителей, в первую очередь, судебными функциями. В Свияжском уезде князья также исполняли и военные функции [2, с.172]. При этом по служилым татарам Баишевым сохранилось немало различных архивных дел XVII в. В частности, имеется челобитная конца XVII в. архимандрита Гавриила с жалобой на «бесчинство» татарина Досайки Аишева (в писцовой книге 1647–1651 гг. он указан как Досай Аишев сын Баишев) [7, с.251–253]. О нем же есть сведения в списке середины XVIII в. с владенной выписи 1672 г. на его поместья в Свияжском уезде «деревню Тавлину, сенные покосы по реке Свияге, мельницу на реке Апишу» [6, с.143]. В материалах судебного дела 1638 г. фигурирует самый ранний выявленный на сегодня предок Баишевых – Аиш Баишев [8, с.73, 124]. Он же упомянут в документе 1642 г. – копии с грамоты царя и великого князя Михаила Федоровича воеводе Василию Тимофеевичу Измайлову об отводе в поместье земли свияжским служилым татарам [1, с.73, 124]. Вероятно, Аиш Баишев умер около 1647 г., так как в писцовой книге 1647–1651 гг. он не значится, но указаны его сыновья. Часть потомков Аиша осталась проживать в Больших Ширданах, часть переселилась в д. Каркали Уфимского уезда (ныне Ленинигорского р-на РТ).

Следует отметить, что служилые татары довольно активно заселяли территорию Уфимского уезда. Сведения о них имеются в документах фонда 1173 «Уфимская приказная изба» РГАДА. Например, в приговоре уфимского воеводы А.И. Головина 1659 г. по делу о службе уфимских та-

⁹ РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.433. Л.38–39.

тар «Досалейки Сунчелеева с товарищи сто человек» фигурирует «новоприезжий» мешчерак Свяжского уезда Мурзайка Чинаев [3, с.94].

Таким образом, на основе сопоставления данных документальных источников и генетических исследований с высокой долей вероятности можно заявить, что предки Р.Фахретдина происходили родом из с. Большие Ширданы современного Зеленодольского района РТ и принадлежали к числу служилых татар. В период с середины XVII в. до ревизии 1719–1722 гг. предки Р.Фахретдина поселились в д. Нижние Чупты (совр. д. Старые Чупты Чекамгушевского района Республики Башкортостан). Также можем констатировать, что они имели недавнее общее происхождение с представителями служило-татарского рода Баишевых, проживавших в Больших Ширданах, часть которых перебралась в д. Каркали (ныне Лениногорский р-н РТ), куда ранее переселились и предки Р.Фахретдина. Данные генетических исследований показали, что Р.Фахретдин имел общего предка с представителями рода ясачных татар из д. Бузаево (ныне Зеленодольский р-н РТ), который жил на территории Свяжского уезда в XV–XVI вв.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные Степаном Мельниковым. Т.1. Казань: Тип. Губ. правл., 1859. 231 с.
2. Акчурина М.М., Владимиров О.О. О месте татарской аристократии в структуре управления Горной стороны (Свяжского уезда). Вторая половина XVI – начало XVII века // Золотоордынское обозрение. 2022. Т.10, №1. С.154–183. <http://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-1.154-183>
3. Владимиров О.О., Исхаков Р.Р. Новые источники по истории татарской колонизации Приуралья середины XVII в. // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2023. №4. С.83–98.
4. Владимиров О.О. Специфика родословных деревни Татарское Азелеево // Татарское рукописное наследие: изучение и сохранение. Материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 130-летию С.Вахиди. Под редакцией И.Г. Гумерова. Казань: ИЯЛИ, 2017. С.86–91.
5. Акчурина М.М., Владимиров О.О., Салихов Р.Р., Хакимов Р.С. Генофонд татар: историко-генетическое исследование. Гаплогруппы Y-хромосомы. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2021. 111 с.
6. Ермолаев И.П. Казанский край во второй половине XV–XVII вв. (Хронологический перечень документов). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1980. 261 с.
7. Никольский Н.В. Собрание сочинений в четырех томах. Т.2. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во. 2004. 445 с.
8. Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Т.2. Местное управление и сословия г. Свяжск и уезда в первой половине XVII века (следственное дело 1638 г. о злоупотреблениях свияжского воеводы) / сост. А.А. Чибис. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. 268 с.
9. Фахреддин Ризаэддин. Асар. 1 том. Казан: Рухият, 2006. 360 б.

Информация об авторе:

Владимиров Олег Олегович – научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0008-6803-3550; e-mail: olegvladimirov@list.ru

Поступила 30.07.2024

Принята к публикации 26.08.2024

Common roots of Riza Fakhretdin and the Service Tatars Baishevs
in the context of Genetic Genealogy

O.O. Vladimirov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The publication presents a comparative analysis of the results of genetic studies and information from the funds of the “Local Order” (f. 1209) and “Landrat Books and Census Records” (f. 350) of the Russian State Archive of Ancient Acts concerning the genealogy of the famous scientist-educator, historian, theologian and public figure Rizaetdin Fakhretdin. As a result of the study, the plausibility of the family legends of R. Fakhretdin about the origin of his ancestors from the Shirdan village of Sviyazhsk district, was proven, their common origin with the famous service Service Tatar family of the Baishevs was shown.

Keywords: Sviyazhsk district, Mountain side, Service Tatars, Yasak Tatars, Bolshye Shirdany, Buzaevo, Starye Chupty, Karkali, Rizaetdin Fakhretdin, Baishevs, genetic studies

For citation: Vladimirov O.O. Common roots of Riza Fakhretdin and the Service Tatars Baishevs in the context of Genetic Genealogy. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.3, pp.146–153. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.146-153> (In Russian)

REFERENCES

1. *Historical and legal acts and the ancient royal charters of the Kazan and other neighboring provinces, collected by Stepan Melnikov*. Vol.1. Kazan: Provincial Government Publ., 1859. 231 p. (In Russian)
2. Akchurin M.M., Vladimirov O.O. About the place of the Tatar aristocracy in the structure of government of the Mountain side (Sviyazhsk district). Second half of the 16th – early 17th century. *Golden Horde Review*. 2022, vol.10, no.1, pp.154–183. <http://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-1.154-183> (In Russian)
3. Vladimirov O.O., Iskhakov R.R. New sources on the history of the Tatar colonization of the Urals in the middle of the 17th century. *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*. 2023, no.4, pp.83–98. (In Russian)
4. Vladimirov O.O. Specifics of the genealogies of the village of Tatarskoye Azelevo. *Tatar manuscript heritage: study and preservation. Materials of the All-*

Russian scientific and practical conference dedicated to the 130th anniversary of S. Vahidi. Ed. by I.G. Gumerov. Kazan: Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. Pp.86–91. (In Russian)

5. Akchurin M.M., Vladimirov O.O., Salikhov R.R., Khakimov R.S. The gene pool of the Tatars: a historical and genetic study. Y-chromosome haplogroups. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2021. 111 p. (In Russian)

6. Ermolaev I.P. Kazan region in the second half of the 15th – 17th centuries (chronological list of documents). Kazan: Kazan University Publ., 1980. 261 p. (In Russian)

7. Nikolsky N.V. Collected works in four volumes. Vol.2. Cheboksary: Chuvash Book Publ., 2004. 445 p. (In Russian)

8. *Collection of monuments of the history of Chuvashia and the Chuvash people*. Vol.2. Local government and estates of the city of Sviyazhsk and the district in the first half of the 17th century (investigative case of 1638 about the abuses of the Sviyazhsk governor). Compiled by A.A. Chibis. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2020. 268 p. (In Russian)

9. Fakhretdin Rizaetdin. Composition. Vol.1. Kazan: Ruhiyat Publ., 2006. 360 p. (In Tatar)

About the author:

Vladimirov Oleg Olegovich – Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0008-6803-3550; e-mail: olegvladimirov@list.ru

Received July 30, 2024

Accepted for publication August 26, 2024

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА

УДК 930.23(093.2)(470)"165"

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-3.154-160

Новый документ о воеводах городов,
«ведомых» в Приказе Казанского дворца, сентября 1656 г.

М.Р. Белоусов

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

В статье введен в научный оборот, исследован и опубликован документ по истории местного управления Московского государства середины XVII в. и административной деятельности Разрядного приказа и Приказа Казанского дворца – роспись воевод и приказных людей городов, «ведомых» в Приказе Казанского дворца, сентября 7165 (1656) г. Документ, изученный в статье, отложился в фонде Разрядного приказа Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Проведено археографическое описание публикуемого документа. Обоснована предложенная датировка росписи, охарактеризован ее информационный потенциал. Статья адресована специалистам по истории государственного управления, источниковедению делопроизводственных документов.

Ключевые слова: Разрядный приказ, Приказ Казанского дворца, воеводы, приказные люди, роспись воевод и приказных людей городов

Для цитирования: Белоусов М.Р. Новый документ о воеводах городов, «ведомых» в Приказе Казанского дворца, сентября 1656 г. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №3. С.154–160. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.154-160>

При изучении политической и социальной истории Московского государства середины XVII в. существенное значение имеют учетно-служебные документы, отложившиеся в столбцах Московского стола Разрядного приказа Российского государственного архива древних актов¹. Среди этих документов обращает на себя внимание роспись воевод и приказных людей городов, «ведомых» в Приказе Казанского дворца, сентября

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.210. Разрядный приказ. Оп.9. Столбцы Московского стола.

7165 (1656) г.² Роспись примечательна прежде всего тем, что содержит точные даты (год и месяц) отпуска служилых людей из Москвы на воеводство в города. Эта информация является в большинстве случаев уникальной. Сразу оговоримся, что в настоящей вводной статье не проводится сопоставление сведений росписи воевод 1656 г. с соответствующей информацией существующей литературы, поскольку нашей задачей является лишь введение неопубликованного источника середины XVII в. о воеводской деятельности членов двора в научный оборот.

Документ имеет подлинный заголовок: «Роспись, хто в Понизовых городех бояр и воевод, и всяких приказных людей, которые города ведомы в Приказе Казанского дворца»³, написан на девяти листах, по современной нумерации л. 1, с л. 7 по л. 13, литерный – л. 10а. Роспись датируется на основании памяти с росписью воевод из Устюжской четверти в Разрядный приказ от 3 сентября 7165 (1656) г.⁴ и памяти из Посольского приказа и Новгородской четверти в Разрядный приказ от сентября 7165 (1656) г. (число не проставлено)⁵ о воеводах и приказных людях городов, «ведомых» в этих приказах. Памяти и росписи воевод из Устюжской четверти и Посольского приказа дошли в едином комплексе с росписью воевод и приказных людей городов, «ведомых» в Приказе Казанского дворца. Очевидно поэтому, что роспись воевод и приказных людей городов, «ведомых» в Приказе Казанского дворца, была составлена в Приказе Казанского дворца (в памяти из Устюжской четверти содержится и роспись воевод городов, «ведомых» в ней; в памяти Посольского приказа и Новгородской четверти говорится, что роспись воевод «послана ... в Розряд под сею памятью за диачиею приписью») в сентябре 7165 (1656) г. Как следует из обеих памятей, инициатива составления росписей воевод принадлежала Разрядному приказу: «В памяти из Розряду... написано: по государеву указу велено в Розряде зделать роспись, хто в городех, которые ведомы в Устюжской чети, воевод и приказных людей»⁶, «велети б отписать в Розряд... хто в городех, которые ведомы в Посолском приказе и в Новгородской четверти, воевод и приказных людей, и в котором году, и месяце, и числе хто в которой город отпущон»⁷. Поскольку «одной из главных функций Разрядного приказа было администрирование служилых людей по отчеству во всех областях их деятельности», а служилые люди, находившиеся в «ведении Розряда, несли службу [в том числе. – М.Б.] на территориях, подведомственных во всех отношениях другим приказам», «такое «территориальное» ведомство было обязано информировать Розряд о

² РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.283. Л.1, 7–13.

³ Там же. Л.1.

⁴ Там же. Л.15–16.

⁵ Там же. Л.17.

⁶ Там же. Л.15.

⁷ Там же. Л.17.

служебных назначениях и перемещениях служилых людей, находящихся в его компетенции» [2, с.305, 310]. Таким образом, по государеву указу Разряд затребовал росписи воевод во время третьего (Рижского) похода царя Алексея Михайловича, начавшегося в середине июля 1656 г. [1, с.79], у приказов, в том числе Казанского дворца, самостоятельно назначавших воевод и приказных людей в подведомственные города.

Таким образом, информационный потенциал публикуемого ниже документа чрезвычайно велик и предоставляет возможность исследовать различные вопросы истории местного управления Московского государства и административной деятельности приказов. Роспись воевод городов, «ведомых» в Приказе Казанского дворца, сентября 7165 (1656) г. содержит важную и зачастую уникальную информацию о персональном составе воевод, дьяков и подьячих и точные даты (год и месяц) отпуска служилых людей из Москвы в города.

* * *

Заголовок документа, данный публикатором, помещен непосредственно перед его текстом и набран курсивом.

Документ публикуется по следующим правилам. Текст передается современным русским алфавитом. Все вышедшие из употребления буквы заменяются современными. Буквенные цифры заменяются арабскими цифрами. Сокращенные слова восполняются отсутствующими буквами. Выносные буквы вносятся в строку. Правила пунктуации – современные. В тех случаях, когда после выносной согласной по современным правилам орфографии требуется мягкий знак, эта буква воспроизводится в позиции перед гласной и на конце слова. Твердый знак между согласными и на конце слов не воспроизводится. Надстрочные знаки не воспроизводятся. Номер листа единицы хранения указывается в квадратных скобках.

Текст:

1656 г., сентябрь. – Роспись воевод и приказных людей городов, «ведомых» в Приказе Казанского дворца

[Л.1]

Роспись, хто в Понизовых городех бояр и воевод, и всяких приказных людей, которые города ведомы в Приказе Казанского дворца

В Астарахани бояре и воеводы князь Василей Григорьевич Ромодановской да Иван Микитин сын Колтовской да дьяк Исай Нефедьев. Отпущены во 163-м году в мае.

На Терке воеводы казанцы князь Дмитрий княж Ондреев сын Болховской да Яков Филипов сын Люткин да дьяк Дмитрий Карпов. Отпущены:

князь Дмитрий да Яков во 163-м году в августе, дьяк во 161-м году в апреле. //

[Л.7]

В Саранску Петр Юрьев сын Лермант. Отпущен во 164-м году в марте.

В Саранску ж подьячей с приписью Иван Сергиевской. Отпущен во 164-м году в мае.

В Ынзерском курмышенин Гаврило Ульянов. Отпущен во 163-м году в августе.

В Корсуни курмышенин Лука Иванов сын Дубенской. Отпущен во 164-м году в сентябре.

В Корсуни ж подьячей с приписью Иван Протопопов. Велено быть во 164-м году в апреле.

В Верхнем Городе Ломове Иван Иванов сын Конищев. Отпущен во 163-м году в феврале.

В Керенску Лаврентей Лукоянов сын Симанской. Отпущен во 163-м году. //

[Л.8]

На Инсаре Иван Васильев сын Порецкой. Отпущен во 163-м году в августе. //

[Л.9]

На Царицыне князь Иван княж Федоров сын Деев. Отпущен во 163-м году в июне.

На Саратове Василей Васильев сын Нелединской. Отпущен во 163-м году в январе.

На Самаре князь Петр княж Иванов сын Бабичев. Отпущен во 162-м году в ноябре, и во 164-м году в июне на князь Петрово место отпущен Ондрей Иванов сын Мясоедов.

В Казани боярин и воеводы князь Иван Никитич Хаванской да столник Иван Яковлев сын Колтовской, диаки Василей Ушаков да Пятой Спиридонов. Отпущены: боярин князь Василей Григорьевич да дьяк Василей Ушаков во 164-м году в апреле, Иван Колтовской во 161-м году в мае, диак Пятой во 162-м году в сентябре.

В Казанских пригородах

В Тетюшах казанец Степан Тютчев. Отпущен во 162-м году в апреле. //

[Л.10]

В Лаишеве казанец Михайло Змеев. Отпущен во 163-м году в октябре.

На Осе казанец Григорей Соковнин. Отпущен во 163-м в августе.

В Малмыже казанец Кирьян Гаврилов. Отпущен во 164-м году в январе.

В Арску казанец Иван Писемской. Отпущен во 163-м году в октябре.

В Олатех казанец Дмитрий Соловцов. Отпущен во 164-м году в декабре.

В Шошминском казанец Василей Палчиков. Отпущен во 164-м году в июне.

В Охтачинском казанец Иван Гладышев. Отпущен во 162-м году в ноябре.

В Мензелинском казанец Гаврило Тютчев. Отпущен во 163-м году в октябре. //

[Л.10а]

На Уфе воевода Офонасей Самойлов сын Нарбеков. Отпущен во 164-м году в ноябре.

В Синбирску воевода князь Семен княж Васильев сын Клубков Мосалской. Отпущен во 164-м году в марте.

В Синбирску ж подьячей с приписью Борис Протопопов. Отпущен во 164-м году в феврале.

По Синбирской черте в городех

В Юлшаском синбиренин Федор Лукин. Отпущен во 163-м году в марте.

В Уренском свияженин Иван Петров сын Киреев. Отпущен во 164-м году в ноябре.

В Тагаеве казанец Василей Бутлеров. Отпущен во 163-м году в октябре, и в прошлом, во 164-м, году в марте велено отпустить синбиренина Бориса Ключарева, а быть ему, //

[Л.11]

как Василью два годы минет.

В Свияжску воевода князь Иван княж Федоров сын Шеховской. Отпущен во 163-м году в опреле.

В Свияжску ж дьяк Иван Темирев. Отпущен во 164-м году в июле.

В Чебоксарех Микифор Ондреев сын Кологривов. Отпущен во 164-м году в опреле.

В Кузмодемьянском Ондрей Васильев сын Кафтырев. Отпущен во 164-м году в опреле.

В Ядрине алатарец Григорей Оксентьев сын Борисов. Отпущен во 163-м году в сентябре, и во 164-м году на Григорьево место велено быть псковитину Ивану Максиму сыну Челищеву, как Григорью два годы минет. //

[Л.12]

В Ядрине ж подьячей с приписью Гаврило Парфеньев. Отпущен во 164-м году в марте.

В Цывилску Иван Васильев сын Засецкой. Отпущен во 163-м году в генваре.

В Цывилску ж подьячей с приписью Митрофан Микифоров. Отпущен во 164-м году в марте.

В Яранску зубченин Василей Олферьев сын Лошаков. Отпущен во 163-м году в июне, и во 164-м году в августе отпущен на Васильево место Лошакова Александр Иванов сын Оничков, велено ехать бессрочно.

На Уржуме торопченин Павел Митрофанов сын Голенищев Кутузов. Отпущен во 163-м году в октябре.

На Уржуме ж подьячей с приписью Ортемей Рагозин. Отпущен во 164-м году в опреле.

В Цареве Кокшаску Микита Григорьев сын Левашев. Отпущен во 164-м году в марте. //

[Л.13]

В Цареве Санчюрском новгородец Богдан Тихонов сын Ододуров. Отпущен во 164-м году в феврале.

В Кокшаску курмышанин Осип Иванов сын Спешнев. Отпущен во 164-м году в июне.

В Василегороде костромитин Семен Ортемьев сын Вечеслов. Отпущен во 164-м году в мае.

На Курмыше Семен Осипов сын Засецкой. Отпущен во 163-м году в апреле.

На Алатаре князь Иван княж Иванов сын Щетинин. Отпущен во 163-м году в марте.

В Темникове Александр Аврамов сын Бахметев. Отпущен во 163-м в мае.

В Кадоме Михайло Павлов сын Кобяков Наумов. Отпущен во 163-м в декабре. //

РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.283. Л.1, 7-13.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Курбатов О.А.* Русско-польская война 1654–1667 гг. М.: Руниверс, 2019. 388 с.
2. *Новохатко О.В.* Разряд в 185 году. М.: Памятники исторической мысли, 2007. 640 с.

Информация об авторе:

Белоусов Максим Рудольфович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-2564-9714; e-mail: vonrheineck@gmail.com

Поступила 01.08.2024

Принята к публикации 19.08.2024

New document on voivodes of cities assigned
by the Kazan Palace Office, September 1656

M.R. Belousov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article introduces into scientific circulation, investigates, and publishes a document on the history of local government of the Moscow State in the mid-17th century and the administrative activities of the Military Records Office and the Kazan Palace Office – list of voevodes and officemen of cities assigned by the Kazan Palace Office, September 1656. The document studied in the article was deposited in the fund of the Military Records Office of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). The article gives an archaeographic description of the published document, and substantiates the proposed dating of the document. The article describes the information potential of the document. The article is addressed to specialists in the history of public administration, and the source studies of office documents.

Keywords: Military Records Office, Kazan Palace Office, voevodes, officemen, list of voevodes and officemen of cities

For citation: Belousov M.R. New document on voivodes of cities assigned by the Kazan Palace Office, September 1656. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.3, pp.154–160. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.154-160> (In Russian)

REFERENCES

1. Kurbatov O.A. *Russo-Polish War of 1654–1667*. Moscow: Runivers Publ., 2019. 388 p. (In Russian)
2. Novokhatko O.V. *Military Records Office in 185*. Moscow: Monuments of historical thought Publ., 2007. 640 p. (In Russian)

About the author:

Belousov Maxim Rudolfovich – Cand. Sci. (history), Associate Professor, Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2564-9714; e-mail: vonrheineck@gmail.com

Received August 1, 2024

Accepted for publication August 19, 2024

НОВЫЕ КНИГИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 37(470)(093)

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-3.161-165

Рецензия на книгу:

Образование и христианское просвещение чувашей
Волго-Уралья во второй половине XIX – начале XX века:
документы и материалы из фондов Н.И. Ильминского
и Казанской учительской семинарии
(сост. Г.А. Николаев, Р.Р. Исхаков; Чебоксары, 2023)

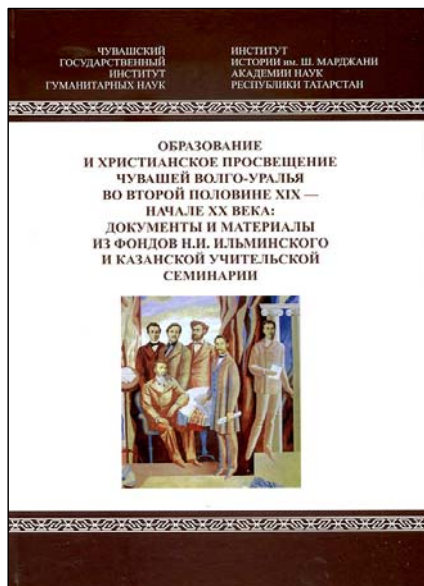
Е.В. Касимов

*Чувашский государственный педагогический
университет им. И.Я. Яковлева
Чебоксары, Российская Федерация*

В рецензии представлена характеристика сборника документов, посвященного образованию и христианскому просвещению чувашей Волго-Уральского региона второй половины XIX – начала XX в. Выделяются аспекты темы, нашедшие наиболее полное отражение в публикуемых документах: состояние школьного дела в сельской местности, межконфессиональная ситуация в регионе, условия жизни приходских священников и учителей школ, деятельность педагогов-просветителей Н.И. Ильминского, И.Я. Яковлева, Н.И. Золотницкого. Положительно оценивается обстоятельный научно-справочный аппарат книги. Делается вывод о том, что сборник документов расширяет представления о повседневной жизни народов Поволжья в пореформенный период российской истории.

Ключевые слова: Волго-Уралье, Поволжье, народное образование, христианское просвещение чувашей, инородцы, Казанская учительская семинария, вторая половина XIX – начало XX в., Н.И. Ильминский, Н.И. Золотницкий, И.Я. Яковлев

Для цитирования: Касимов Е.В. Рецензия на книгу: Образование и христианское просвещение чувашей Волго-Уралья во второй половине XIX – начале XX века: документы и материалы из фондов Н.И. Ильминского и Казанской учительской семинарии (сост. Г.А. Николаев, Р.Р. Исхаков; Чебоксары, 2023) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №3. С.161–165. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.161-165>



Рецензируемый сборник документов посвящен актуальной проблеме – через призму народного образования и христианского просвещения отразить жизнь чувашского народа во второй половине XIX – начале XX в., показать формирование в его среде интеллигенции [1]. Внимательный читатель найдет в нем множество деталей, связанных с повседневной жизнью Российской империи в период капиталистической модернизации. Содержание документов и материалов, включенных в книгу, характеризует как государственную политику в отношении образования «инородцев», их социально-экономическое положение, так и ментальные структуры этноса в рассматриваемое время.

Составителями проделана огромная работа как по выявлению документов, так и по их подготовке к публикации. Отметим важные детали. Привлекая дополнительные материалы, составители установили время создания документов, а также атрибутировали письма (в заголовках указаны фамилии, имена и отчества, должности и места службы авторов). Чтобы убедить научную аудиторию в правильности такой идентификации, в одном случае они прибегли и к сличению почерка корреспондента в написанных им текстах. Отдельные материалы на чувашском языке, написанные с использованием алфавита Н.И. Золотницкого и вариантов алфавита И.Я. Яковлева, составителями даны также в современной чувашской орфографии и переводе на русский язык. Подобный прием ими удачно применен и при публикации одного источника на татарском языке, написанного кириллическим алфавитом, разработанным Н.И. Ильминским. В этой связи нельзя не отметить, что, помимо собственно исторического значения, рецензируемый сборник документов имеет ценность также с точки зрения изучения основных этапов и направлений эволюции чувашской письменности.

В сборнике нет «проходных» документов и материалов, включенных для количества. Все они в той или иной степени важны для понимания процессов, проходивших в области образования и христианского просвещения нерусских народов Поволжья. Особое внимание при отборе составители уделили материалам, демонстрирующим межконфессиональную ситуацию в регионе: степень освоения чувашскими прихожанами христианской веры, значение вероисповедных установок в повседневной жизни, отношения православных прихожан с раскольниками и мусульманами, использование в

храмах при богослужении чувашского языка. Другим важнейшим аспектом стало отражение состояния школьного дела в сельской местности: последствия внедрения в учебный процесс новой образовательной системы, отношение детей и их родителей к обучению грамоте и т.п. В письмах с мест великолепно показаны непростые условия жизни приходских священников и учителей школ. Также публикуемые источники содержат ценную информацию, расширяющую наши представления о деятельности видных педагогов-просветителей (Н.И. Ильминского, И.Я. Яковлева, Н.И. Золотницкого) и о роли представителей нарождавшейся национальной интеллигенции (А.В. Рекеева, А.П. Петрова, М.Д. Дмитриева и др.) в просвещении чувашей.

Сборник содержит добротный научно-справочный аппарат. обстоятельная вступительная статья вводит научную аудиторию в тонкости рассматриваемой проблемы. В ней охарактеризованы новая миссионерско-просветительская система Н.И. Ильминского и ее роль в распространении светского и духовного просвещения в среде чувашей, показано значение Казанской центральной крещено-татарской школы и Казанской учительской семинарии в организации школьного дела и приобщении чувашей Волго-Уралья к «русской вере», выделены характерные черты открываемых казанскими просветителями учебных заведений, освещен вопрос подготовки учебных пособий и религиозной литературы на «инородческих» языках, прослежены изменения в мировоззрении нового поколения чувашской интеллигенции, а также проанализированы педагогические идеи просветителей Н.И. Ильминского и И.Я. Яковлева. Приводимые во введении исторические факты подкреплены ссылками на источники и исследовательскую литературу.

В археографическом предисловии указаны проблемы, раскрытые в публикуемых документах и материалах. Выделенные составителями несколько десятков таких вопросов свидетельствуют о высокой информационной насыщенности исторических источников, включенных в сборник. При этом следует заметить, что подавляющее большинство публикуемых источников – документы личного происхождения. Также в археографическом предисловии охарактеризованы общие принципы публикации, которыми руководствовались составители. Раскрывается и характеризуется структура сборника. Структура книги, на наш взгляд, логически выверена.

Сборник снабжен постраничными примечаниями, раскрывающими особенности текста публикуемых материалов, а также комментариями, вынесенными в отдельный, заключительный, раздел книги и призванными облегчить исследователям понимание содержания текста.

Кроме того, работу с материалами книги облегчает наличие таких важных элементов научно-справочного аппарата, как краткие биографические сведения о корреспондентах и их адресатах, словарь устаревших и малоупотребительных слов, список сокращений, перечень опубликованных в книге документов и список использованных источников и литературы.

Таким образом, составителями сборника документов и материалов подготовлен оригинальный труд, который будет интересен и полезен всем исследователям повседневной жизни народов Поволжья второй половины XIX – начала XX в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Образование и христианское просвещение чувашей Волго-Уралья во второй половине XIX – начале XX века: документы и материалы из фондов Н.И. Ильминского и Казанской учительской семинарии» / сост., авторы вступ. статьи, археограф. предисл., примеч. Г.А. Николаев, Р.Р. Исхаков. Чебоксары: ЧГИГН; Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2023. 496 с.

Информация об авторе:

Касимов Евгений Витальевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова (Чебоксары, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6058-9652; e-mail: kasimov-chgpu@mail.ru

Поступила 27.05.2024

Принята к публикации 16.07.2024

Book review: Education and Christian enlightenment of the Chuvashs of Volga-Urals in the second half of the 19th – early 20th century: documents and materials from the funds of N.I. Ilminsky and Kazan Teachers' Seminary (compiled by G.A. Nikolaev, R.R. Iskhakov; Cheboksary, 2023)

E.V. Kasimov

*Chuvash State Pedagogical University
Cheboksary, Russian Federation*

The review presents a description of the content of the collection of documents dedicated to the education and Christian enlightenment of the Chuvashs, who lived in the Volga-Ural region in the second half of the 19th – early 20th centuries. The author highlights aspects of the topic that are most fully reflected in the published documents: state of school affairs in rural areas, interfaith situation in the region, living conditions of parish priests and school teachers, activities of teachers and educators N.I. Ilminsky, I.Ya. Yakovlev, N.I. Zolotnitsky. The review positively assesses the detailed scientific reference apparatus of the book. It is concluded that the collection of documents expands our knowledge of the daily life of the peoples of the Volga region in the post-reform period of Russian history.

Keywords: Volga-Urals, Volga region, public education, Christian enlightenment of the Chuvashs, non-Russians, Kazan Teachers' Seminary, second half of the 19th – early 20th century, N.I. Ilminsky, N.I. Zolotnitsky, I.Ya. Yakovlev

For citation: Kasimov E.V. Book review: Education and Christian enlightenment of the Chuvashs of Volga-Urals in the second half of the 19th – early 20th century: documents and materials from the funds of N.I. Ilminsky and Kazan Teachers' Seminary (compiled by G.A. Nikolaev, R.R. Iskhakov; Cheboksary, 2023). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.3, pp. 161–165. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.161-165> (In Russian)

REFERENCES

1. *Education and Christian enlightenment of the Chuvashs of Volga-Urals in the second half of the 19th – early 20th century: documents and materials from the funds of N.I. Ilminsky and Kazan Teachers' Seminary*. Compiled by G.A. Nikolaev, R.R. Iskhakov. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities Publ.; Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2023. 496 p. (In Russian)

About the author:

Kasimov Evgeny Vitalievich – Cand. Sci. (history), Associate Professor of the Department of National and General History of the Chuvash State Pedagogical University (Cheboksary, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6058-9652; e-mail: kasimov-chgpu@mail.ru

Received May 27, 2024

Accepted for publication July 16, 2024

УДК 930(470.55/58)

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-3.166-171

Рецензия на книгу:
Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости.
Том 1. Булярская волость (Казань, 2023)

Р.Р. Аминов

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

Настоящая рецензия посвящена анализу новой работы историка Тагира Каримова «Татарские поземельные волости. Том 1. Булярская волость». Т.Т. Каримов занимается исследованием истории татарских поземельных волостей, первым монографическим опытом по этой теме стало издание книги, посвященной обстоятельному анализу населенных пунктов, входивших в Булярскую волость. Автором введено в научный оборот огромное количество архивных источников из Национального архива Республики Башкортостан и Российского государственного архива древних актов. Особо ценными являются сведения о численности населения рассматриваемых поселений. Вместе с тем исследователем довольно обстоятельно изучена сословная структура сел и деревень Булярской волости и других поселений, так или иначе связанных с данной поземельной волостью. Работа Т.Т. Каримова может быть интересна историкам, демографам, генеалогам, краеведам и этнографам.

Ключевые слова: Булярская волость, татары, тептяри, «башкирцы», Мурзак-кай Юкачев

Для цитирования: Аминов Р.Р. Рецензия на книгу: Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том 1. Булярская волость (Казань, 2023) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №3. С.166–171. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.166-171>

Монография Т.Т. Каримова состоит из введения, шести глав, заключения, приложения, географического указателя и списка сокращений.

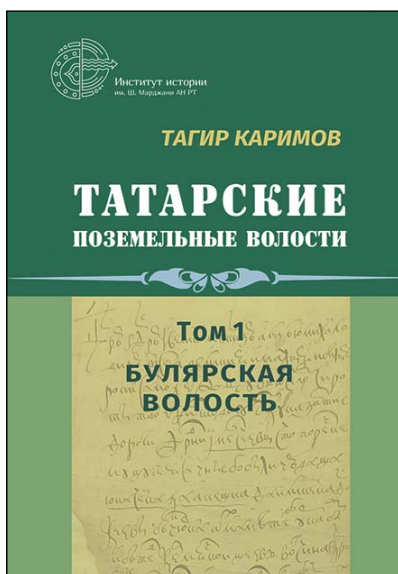
Автор, основываясь на сформированном им комплексе архивных документов, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, рассматривает вопросы, связанные с заселением и развитием Булярской поземельной волости, которая включала части современных Актанышского, Альметьевского, Мензелинского, Муслумовского, Сармановского районов Республики Татарстан, Бакалинского и Илишевского районов Республики Башкортостан. Материал в монографии изложен в хронологической последовательности.

Нельзя не согласиться с Т.Т. Каримовым в том, что многие исследователи рассматривали поземельную волость как родоплеменное объединение «вотчинников-башкир» и связывали последних с современными этническими башкирами. Еще до выхода в свет этой книги автор в многочисленных научных статьях подверг критике эту точку зрения. Только по Булярской волости им было опубликовано 11 статей, которые после внесения в них небольших изменений составили отдельные разделы рецензируемой книги.

В первой главе работы «Ранняя история, население и поселенческая структура» [3, с.11–79] автор останавливается на темах из ранней истории Булярской волости, ее заселении в XVII–XVIII вв. Довольно подробно описан процесс заселения и формирования поселенческой сети в рассматриваемой волости.

Одной из центральных фигур книги является Мурзакай Юкачев, – многие сюжеты исследования посвящены судьбам его потомков и проливают свет на раннюю историю Мушугинской тюбы. Основными вотчинниками данной территории были представители тарханского рода, предки которых в 1523 г. получили тарханный ярлык от казанского хана Сахиб-Гирея. В ранних документах их называли «чюващами» и бобылями, а в последней четверти XVII – начале XVIII в. (в лице Мурзакай Юкачева и его товарищей) – ясачными татарами, потомков последних – «башкирцами». Трансформация сословного названия связана с переходом от бобыльского ясака на окладной ясак и получением оберегательной памяти, в результате чего татары бобыльского сословия стали «башкирцами». Рост числа вотчинников и бобылей сопровождался появлением большого количества поселений, впоследствии составивших Мушугинскую тюбу Булярской поземельной волости [2, с.7].

Текст монографии изобилует цитатами из архивных источников XVII в., прежде всего, материалов фонда 1173 (Уфимская приказная изба) Российского государственного архива древних актов, что помогает передать дух времени. В приложении к книге автор поместил документ 1701 г., раскрывающий взаимоотношения вотчинника Мурзакай Юкачева и его товарищей с бобылями – выходцами из Казанского уезда. Значение этого документа заключается также в том, что он проливает свет на возникновение деревень Мушугинской тюбы, в т.ч. и д. Аняково. Комментируя ис-



точник, автор пишет, что, хотя документ ранее привлекал внимание ряда исследователей, самое главное осталось незамеченным – бобылям была выдана оберегательная память [3, с.244], предоставлявшая им право распоряжаться землями своих поселений, с которых они платили бобыльский ясак. Позднее те же самые бобыли стали называться ясачными татарами, а ближе к концу XVIII в. их потомки превратились в тептярей, т. е. стали татарами тептяро-бобыльской сословной группы. В числе бобылей были и предки Минтимера Шаймиева, первого президента Республики Татарстан, генеалогию которого приводит автор [3, с.129]. Заметим при этом, что автор не рассматривает в монографии историю тептярей из чувашей, марийцев (черемис), мордвы, удмуртов (вотяков).

Во второй главе «Население Булярской волости по переписи 1762 г.» [3, с.80–111] рассматривается развитие волости по материалам III ревизии (1762 г.). Выясняется, что значительную часть населения Булярской волости составляли выходцы из Байлярской и Енейской волостей, которые в то же время продолжали относиться к сотням своих прежних территорий. Кроме того, вторая треть XVIII в. ознаменовалась припуском в волость ясачных татар из Казанского уезда, что увеличило численность поселений волости и способствовало дальнейшему приросту населения. Население, жившее по припуску вотчинников и называемое в источниках припущенниками, часто селилось в деревнях вотчинников, меняя их сословную структуру.

Ревизские материалы 1795 г. позволяют установить особенности межсословных браков татар Булярской волости. Автор пишет об этом в третьей главе «Развитие волости в последнем тридцатилетии XVIII в.» [3, с.112–129], где дает характеристику сведениям конца XVIII в. Он приходит к выводу, что «население проживало в едином татарском этнокультурном пространстве, охватывающем и территорию современного Башкортостана. Сословные различия не отражались в общении татар разных территорий Уфимского наместничества, так как между ними не существовало ментальных преград».

Четвертая глава «Булярская волость в 1800–1850-х гг.: сословия и земельный вопрос» [3, с.140–197] наряду с первой главой является, на наш взгляд, наиболее выигрышной и информативной. Материалы главы отчетливо демонстрируют, что значительный рост численности населения в рассматриваемых деревнях привел к проблеме землеобеспечения булярцев. По закону от 10 апреля 1832 г. вотчинникам полагалось 40–60 дес. на душу муж. пола, учтенную VII ревизией (1816 г.), припущенникам военного сословия – по 30 дес., государственным и удельным крестьянам – по 15 дес. Однако для обеспечения податных земель в таком размере волость не имела необходимого ее количества, так как значительная часть земель

была продана вотчинниками помещикам в последние тридцать лет XVIII в. [1, с.11–16].

В пятой главе «Население военного сословия («башкирцы») по переписи 1859 г.» [3, с.198–231] центральной темой является реализация указа от 31 октября 1855 г., в котором высочайше повелевалось именовать войско просто «Башкирским». С этого времени тептяри не только из татар, но и из чувашей, марийцев, мордвы и удмуртов, включенные в состав Башкирского войска, стали именоваться «башкирами», а последствия этого указа отчетливо прослеживаются в материалах X ревизии (1859 г.). Тептяри не только назывались «башкирами» («новыми башкирами»), но и исключались из «башкирского звания» наравне со «старыми башкирами» при принятии частью из них христианства и в некоторых других случаях. Это свидетельствует о том, что с принятием указа 1855 г. окончательно завершилось формирование башкирского сословия, в которое вошли и не вотчинники военного сословия. Если раньше становились «башкирами» по географическому признаку только вотчинники, то теперь наименование сословия приобрелось по ведомственному признаку.

Более того, последствия указа также проявились в последующих переписях населения, включая переписи до 1917 г., где тептяри продолжали считаться «башкирами». Автор правильно отмечает, что сословный термин «башкирцы», которым обозначались только вотчинники поземельных волостей, утратил свое прежнее значение. С реформой 1855 г. власти разрушили старые границы сословия, расширили содержание данного термина и распространили его на тептярей. Ликвидация сложившейся традиции сословных групп не только обесценила термин «башкирцы», но и породила путаницу в материалах государственной статистики и других документах (в том числе метрических книгах) [3, с.231].

Заключительная, шестая, глава монографии – «Землеобеспеченность не вотчинников в третьей четверти XIX в.» [3, с.232–241] – посвящена земельным отношениям в последней трети XIX в. Земельный вопрос в волости оставался нерешенным в полной мере и крайне обострился. Это привело к переселениям на территорию поземельных волостей Белебеевского, Уфимского, Стерлитамакского уездов Оренбургской губернии, к спорам между соседями и односельчанами, доказывавшими свои права на землю.

Обращение к разноплановым источникам и подробный анализ их содержания позволил автору раскрыть многие неизвестные факты из жизни населения Булярской волости, а также показать особенности трансформации татар в различные сословные группы, что подтверждает факт наличия единого татарского этнокультурного пространства в среде сословной вариативности. Таким образом, исследователь сумел создать объективную историческую картину, показывающую, как формировалось сословие вот-

чинников, почему они стали именоваться «башкирцами», как одновременно возникали поземельные волости и поселения в них.

Несмотря на все достоинства книги, на наш взгляд, издание только выиграло бы от использования в нем картографического материала. В частности, автору следовало поместить в своей монографии карту поселений Булярской волости, а также общую карту с обозначением всех границ и территорий поземельных волостей.

Полагаем, что в дальнейшем перспективным представляется размещение материалов монографии в глобальной сети Интернет. Кроме того, следует пересмотреть статьи Википедии, посвященные населенным пунктам Булярской поземельной волости, внести в них существенные коррективы, исходя из содержания монографии Т.Т. Каримова и его статей в научных журналах. Также хотелось бы верить, что в последующих изданиях Татарской энциклопедии материалы труда Т.Т. Каримова будут использованы в максимально полном объеме.

В дальнейшем было бы полезно организовать научно-практические конференции по истории татарских поземельных волостей с приглашением краеведов Татарстана и Башкортостана, что позволило бы активизировать разработки по этой теме, так как, несмотря на прилагаемые усилия, один исследователь не сможет осилить весь объем предстоящей работы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Каримов Т.Т.* Булярская поземельная волость в последнее тридцатилетие XVIII в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. №5–1. С.11–16.
2. *Каримов Т.Т.* К вопросу возникновения Мушугинской тюбы Булярской поземельной волости Уфимского уезда (по материалам второй половины XVII–начала XVIII в.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. №5–2. С.7–12.
3. *Каримов Т.Т.* Татарские поземельные волости. Том 1. Булярская волость / науч. ред. Р.Р. Салихов. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2023. 284 с.

Информация об авторе:

Аминов Рустем Равилович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0009-6052-4184; e-mail: rustem_270988@mail.ru

Поступила 16.07.2024

Принята к публикации 22.08.2024

Book review: Karimov T.T. Tatar land volosts.
Volume 1. Bulyarsky volost (Kazan, 2023)

R.R. Aminov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

This review is devoted to the analysis of the new work of the historian Tagir Karimov “Tatar land volosts. Volume 1. Bulyarsky volost”. T.T. Karimov is engaged in research into the history of Tatar land volosts, the first monographic experience on this topic was the publication of a book devoted to a detailed analysis of the settlements that were part of the Bulyarsky volost. The author introduced into scientific circulation a huge number of archival sources from the National Archive of the Republic of Bashkortostan and the Russian State Archive of Ancient Acts. Information on the population of the settlements in question is especially valuable. At the same time, the researcher quite thoroughly studied the estate structure of the villages of Bulyarsky volost and other settlements, one way or another, associated with this land volost. The work of T.T. Karimov may be of interest to historians, demographers, genealogists, local historians and ethnographers.

Keywords: Bulyarsky volost, Tatars, Teptyars, Bashkirs, Murzakai Yukacheev

For citation: Aminov R.R. Book review: Karimov T.T. Tatar land volosts. Volume 1. Bulyarsky volost (Kazan, 2023). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.3, pp.166–171. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.166-171> (In Russian)

REFERENCES

1. Karimov T.T. Bulyarsky land volost in the last thirty years of the 18th century. *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*. 2023, no.5–1, pp.11–16. (In Russian)
2. Karimov T.T. On the question of the emergence of the Mushuginsky tyuba of the Bulyarsky land volost of the Ufa district (based on materials from the second half of the 17th – early 18th centuries). *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*. 2023, no.5–2, pp.7–12. (In Russian)
3. Karimov T.T. “Tatar land volosts. Vol.1. Bulyarsky volost”. Ed. by R.R. Salikhov. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2023. 284 p. (In Russian)

About the author:

Aminov Rustem Ravilevich – Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0009-6052-4184; e-mail: rustem_270988@mail.ru

Received July 16, 2024

Accepted for publication August 22, 2024

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 929

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-3.172-185

Исследователь национальной истории

И.К. Загидуллин

Центр исламоведческих исследований АН РТ

Казань, Российская Федерация

В статье освещается проблематика научных изысканий, творческая биография крупного татарского историка Саяма Хатиповича Алишева, который, поступив в аспирантуру в 34-летнем возрасте, достиг выдающихся успехов благодаря целеустремленности и огромному трудолюбию, любви к ремеслу историка и стремлению узнать и написать подлинную историю родного народа. В 1970–1980 гг., когда плановые научные темы большинства сотрудников сектора истории ограничивались советским периодом, достижения и успехи Института языка, литературы и истории по исследованию прошлого татарского народа XV–XIX вв. во многом определялись трудами С.Х. Алишева.

Ключевые слова: С.Х. Алишев, история татарского народа, историография истории татар, русская колонизация Среднего Поволжья

Для цитирования: Загидуллин И.К. Исследователь национальной истории // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №3. С.172–185. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.172-185>

В этом году исполнилось бы 95 лет со дня рождения известного татарского историка, доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Республики Татарстан Саяма Хатиповича Алишева.

Мое близкое общение с маститым ученым началось в апреле 1990 г., когда я стал научным сотрудником отдела истории Института языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова Казанского научного центра АН СССР, которым заведовал С.Х. Алишев. В 1993 г. я перешел на другую работу. В период моего руководства отделом средневековой истории Института истории Академии наук РТ Саям Хатипович в 1998–2011 гг. занимал должность главного научного сотрудника отдела.

Саям Хатипович Алишев родился 20 марта 1929 г. в с. Шербень Аксубаевского района Татарской АССР в семье муллы. После окончания средней школы в д. Кульбаево-Мараса, желая стать учителем истории, мо-

лодой человек в 1947 г. поступил в Казанский педагогический институт, исторический факультет которого успешно окончил в 1951 г.

Молодой специалист был направлен на работу в единственную в Лаишевском районе ТАССР татарскую среднюю школу в с. Татарские Саралы. Через два года учителя истории назначили директором школы. При новом руководителе школа превратилась в современное учебное заведение с фруктовым садом и учебной мастерской.

Следующий этап педагогической деятельности С.Х. Алишева связан с Верхне-Услонским районом ТАССР, где в 1960–1962 гг. он работал заведующим районным отделом образования.

Вскоре, купив кооперативную квартиру, семья С.Х. Алишева переехала в Казань, и 34-летний глава семейства поступил в аспирантуру Института языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова. При зачислении в аспирантуру по итогам экзаменов приемная комиссия обратила внимание на знание соискателем арабской графики: именно в таких специалистах-историках нуждался Институт в этот период [17, с.23–26].

Такой резкий поворот в судьбе Саляма Хатиповича не был случайным.

Согласно его шеджере, самым древним известным представителем рода Алишевых является Галишах («Алиш морза», вторая половина XVI в. – первая половина XVII в.). Согласно сохранившимся документам, его сын Алматулла (первая половина XVII в.) поселился в деревне Старое Альметьево. Его наследник Сурмат (1620 – конец XVII в.) обучался религиозным дисциплинам в медресе Самарканда, стал Коран-хафизом. Сын Сурмата, Ибрагим (1690–1780), также пошел по стопам отцов и дедов. Династию продолжил улем Джагфар (1729–1796), который, поселившись в д. Новое Альметьево, занимался религиозным просвещением местных жителей. Его сын Губайдулла (1751–1823) обучался в известном медресе Сеитовского посада Оренбуржья и, возвратившись на малую родину, стал заведующим и мударрисом медресе в д. Кизляу (Корманай). Сын последнего, Нигматулла (1775–1853), был известным ишаном д. Новое Альметьево. Сведения о нем отложились в трудах Ш.Марджани и Х.Амирхана. Один из его сыновей – Мирхайдарджан (1848–1912) – служил имамом-хатибом при соборной мечети родной деревни. Сын этого муллы, Мухаммадхатип (1870–1945), – отец будущего историка – обучался в медресе «Кул буе» («Приозерная») Казани, был уважаемым в округе духовным лицом, однако



после установления советской власти, в конце 1920-х гг., оставил духовную стезю и стал колхозником [2, с.246–247]. В 1945 г., в дни подготовки к празднованию 150-летия со дня рождения Каюма Насыри, М. Алишев, прочитав размещенные в газете «Кызыл Татарстан» юбилейные статьи, прислал в Институт языка, литературы и истории воспоминания о своем месячном обучении основам геометрии у великого татарского просветителя [19, с.141].

Родословная Алишевых свидетельствует о том, что Саям Хатипович является продолжателем династии известных интеллектуалов, сыгравших большую роль в подготовке татарского духовенства, в религиозном просвещении и нравственном воспитании многих поколений единоверцев.

В аспирантуре научным руководителем С.Х. Алишева стал единственный в ИЯЛИ специалист по истории Среднего Поволжья периода позднего средневековья и нового времени, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук Е.И. Чернышев, который щедро делился своими глубокими знаниями, обучил своего подопечного читать древнерусские тексты. В этот период Е.И. Чернышев изучал участие народов Среднего Поволжья в Крестьянской войне под предводительством Е.Пугачёва, и, очевидно, понимая сложность и не разработанность данной научной проблемы, рекомендовал аспиранту в качестве темы кандидатской диссертации исследование участия татар в этих событиях, потрясших Российское государство.

Рекомендованная тема сыграла огромную роль в определении исследовательских интересов молодого историка. Прежде всего, следует отметить, что если до этого времени история татар являлась прерогативой литературоведов, языковедов, этнографов, искусствоведов и фольклористов ИЯЛИ, то теперь этой темой начал заниматься историк. Хронологические рамки исследования предполагали работу в ЦГАДА (с 1992 г. – РГАДА) и региональных архивах. Хотя по названию тема охватывала 1773–1775 гг., в действительности с целью определения причин и предпосылок участия народных масс в антиправительственных выступлениях аспирант изучал социальную и религиозную политику российской власти второй трети XVIII в., экономическое положение и социальное поведение татар накануне этого масштабного восстания (этой теме посвящена первая глава диссертации).

Важно также отметить, что С.Х. Алишев завершил работу над диссертацией в срок, в 1966 г., доказав дирекции и коллегам способность своевременно решать сложные научные проблемы. Глубоко символично, что, когда Е.И. Чернышев в 1966 г. ушел на пенсию, его место в секторе истории занял С.Х. Алишев, в 1968 г. успешно защитивший диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук.

Книга С.Х. Алишева «Татары Среднего Поволжья в Пугачёвском восстании» [13] в значительной степени содействовала оживлению краеведческого интереса в республике. Под воздействием этой монографии

был создан ряд художественных произведений, сюжет которых основывался на событиях 1773–1775 гг. Прежде всего, нужно назвать постановку в 1977 г. исторической драмы Туфана Миннуллина «Канкай углы Бахтияр» («Бахтияр, сын Канкай») и балладу Мустафы Нугмана.

В 1970–1980-х гг. плановые научные темы большинства сотрудников сектора истории в хронологическом аспекте ограничивались советским периодом. В этой связи достижения и успехи коллектива ИЯЛИ по исследованию истории татарского народа XV–XIX вв. во многом определялись трудами Саляма Хатиповича.

Залогом успеха С.Х. Алишева в науке стали целеустремленность и огромное трудолюбие, ответственный подход к выполнению плановых работ, любовь к ремеслу историка и стремление узнать и написать подлинную историю родного народа. Результаты ежедневной исследовательской работы особенно ярко проявились после защиты в 1990 г. диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, когда ему уже исполнился 61 год. Салям Хатипович продолжал работать в прежнем напряженном режиме и, будучи лицом пенсионного возраста, написал немало новых трудов, приятно удивляя и вызывая восхищение своих коллег высокой работоспособностью.

С.Х. Алишев постоянно находился в творческом поиске. Так, тема участия татар в крупном восстании 1773–1775 гг. была продолжена изучением и подготовкой в печать совместно с доцентом Казанского университета М.А. Усмановым и с другими коллегами татароязычных источников. Итогом совместной работы стал сборник документов «Возвания и переписка вожakov пугачёвского движения в Поволжье и Приуралье» (1988) [15]. Одновременно историк изучал татароязычные источники XVIII в.

В дальнейшем эта тема расширилась в хронологическом плане, что позволило автору реконструировать антиправительственные выступления татар как целостное социальное явление, определить и дать характеристику наиболее крупным и организованным формам массового протеста во второй половине XVI–XIX вв. Итоги этих изысканий были представлены в новых книгах историка «Каһарман бабайлар» («Деды богатыри») (1976) [5] и «Тернистый путь борьбы за свободу (Социальная и национально-освободительная борьба татарского народа. II половина XVI–XVIII вв.)» (1999) [14]. Эти издания позволяют проследить динамику массовых выступлений татар против царского самодержавия и местной администрации, локализовать территории протестных движений, установить конфессиональный и сословный состав участников, определить идеологов, вдохновителей и руководителей выступлений против социального и религиозного гнета.

Еще одной большой темой в научных изысканиях Саляма Хатиповича стала история Казани, которая сформировалась в рамках написания двухтомной истории столицы ТАССР. Тщательно изучая историографию этой многогранной темы, историк написал статьи о наследии и жизненном

пути ведущих краеведов и казаневедов XIX – начала XX в.: Н.Я. Агафонове, М.С. Рыбушкине, Н.Я. Износкове, Н.К. Баженове и К. Фуксе.

Первая книга двухтомного труда «История Казани», который по сей день остается единственной академической коллективной работой по истории столицы Татарстана, увидела свет в 1988 г. Научный редактор тома С.Х. Алишев в качестве автора написал ключевые разделы «Казань – столица феодального государства» (в соавторстве с А.Х. Халиковым), «Присоединение Казани к Русскому государству», «Казань в составе Русского централизованного государства», «Казань дворянской империи XVIII в.», заявив о себе как о крупном специалисте по истории позднесредневековой Казани [18].

В 1970-е – первой половине 1980-х гг. С.Х. Алишевым, по случаю юбилеев общественных деятелей и интеллектуалов, иногда для институтских сборников или по другому поводу, были написаны статьи о К.Насыри и С.Аитове, Г.Кулахметове, Ш.Марджани, Г.Ибрагимове. Эти имена сами свидетельствуют о широте исследовательских интересов старшего научного сотрудника сектора истории ИЯЛИ. Статьи о русских краеведах и татарских интеллектуалах вошли в книгу «По следам минувшего» (1986) [8].

Важной вехой в его творческой биографии является участие в подготовке к изданию трудов татарских историков и просветителей.

С.Х. Алишев принял участие в подготовке в печать двухтомника «Избранных произведений» Каюма Насыри на татарском языке (1974, 1975) и «Избранных произведений» (один том) просветителя на русском языке (1977), 7-го тома собраний сочинений Галимджана Ибрагимова (1984), посвященного общественно-политическим и социальным проблемам.

Ученый был инициатором и принимал активное участие в издании в 1989 г. избранных трудов Газиза Губайдуллина, посвященных истории татар и Среднего Поволжья [16], в 1993 г. – книг Хади Атласи «Себер тарихы» («История Сибирского ханства»), «Казан ханлыгы» («Казанское ханство»), «Сөембикә» [20]. Появление этих работ сыграло важную роль в ознакомлении научной общественности с традициями национальной историографии начала XX в.

Опубликованная в 2006 г. на татарском языке монография «Татарские историки» [12] стала своеобразным итогом многолетних изысканий автора о становлении исторической науки у татар.

В первой главе книги «Татарские источники периода Казанского ханства» представлен анализ документальных источников (ханские ярлыки, договоры по вопросам владения и пользования недвижимым имуществом, произведение Шарифа Хаджитархани «Зафарнаме-и вилайет-и Казан» («Победа Казанского вилайета», 1550 г.), эпиграфических памятников (надписи на надгробных камнях и шеджере), образцов народной литературы и художественной литературы.

Во многом методологическое значение в понимании сложных процессов становления исторической науки у татар имеют второй и третий разделы. В них по проблемно-хронологическому принципу дается характеристика исторических знаний в средние века, рассматриваются политические, социальные, экономические предпосылки развития исторической науки, раскрываются условия становления научных знаний и их основные направления у татар в XIX – первой четверти XX в. (по трудам Ш.Марджани, К.Насыри, Х.Фаизханова, Габд. Ибрагимова, Р.Фахретдина, Х.-Г.Габаша, А.Валиди, Х.Атласи, Г.Губайдуллина, Г.Баттала и др.). Большим достоинством книги представляется анализ учебников истории России и всеобщей истории, по которым обучались в мектебах и медресе в начале XX в.

В 1960–1980-е гг. ученые ИЯЛИ работали в условиях жесткого контроля Татарского областного комитета КПСС. Публикация текстов без исправлений с учетом идеологических установок являлась чувствительной проблемой для сотрудинок.

В 1976 г. на первом конгрессе Средневолжского бюро по изучению проблем аграрной истории (г. Йошкар-Ола) С.Х. Алишев выступил с докладом на тему русской колонизации Среднего Поволжья, опровергнув официальное мнение о мирной крестьянской колонизации края. Его статья, подготовленная для публикации в сборнике материалов конференции, проходившем рецензирование и редактирование в Москве, была изъята из макета сборника и осталась неопубликованной.

По итогам обсуждения в обкоме партии рукописи книги «Молодость древнего города» (опубликована в 1978 г.) из первого раздела коллективной монографии – «Казань в средние века», – написанного С.Х. Алишевым, были изъяты материалы об обучении в первой русской гимназии в 1769 г. татарскому языку.

В 1977 г. в отделе истории ИЯЛИ был составлен сборник научных трудов «Исследования по историографии Татарии», включавший среди прочих статью С.Х. Алишева «Газиз Губайдуллин – историк». Главлит (советская цензура) рекомендовал переписать статью или исключить из сборника. Доказав несправедливость сокрытия доброго имени невинно репрессированного и реабилитированного советской властью крупного татарского историка, С.Х. Алишев получил у заместителя Председателя Совета министров ТАССР М.Х. Хасанова разрешение на публикацию статьи. Право на свободу слова отвоевывалось шаг за шагом, отмечает исследователь его биографии Р.Галлям [17, с.30–31].

Одним из важных этапов в жизни Саляма Хатиповича являлось написание докторской диссертации, над которой он в качестве плановой темы начал работать в 1973 г. Об этой странице творческой биографии своего научного руководителя поведал в очерке его жизни и творчества Р. Галлям: «С.Алишев в 1978 году передает рукопись своей монографии на рассмотрение в головной институт в Москве – Институт истории. Здесь

ему пришлось выслушать много несправедливых нареканий... Монография была написана как докторская диссертация и состояла из шести разделов, отражавших развитие межгосударственных отношений Казанского ханства с Московским государством: 1. Возникновение и развитие Казанского феодального государства; 2. Протекторат Московского великого княжества над Казанским царством; 3. Русское государство в первой половине XVI в.; 4. Завоевание Казани; 5. Народы Поволжья в составе Русского государства; 6. Присоединение Среднего Поволжья в состав Русского государства и его историческое значение» [17, с.28]. Ряд выводов соискателя, в том числе о завоевании Казанского государства, были признаны неверными, о чем было открыто заявлено во время обсуждения текста рукописи монографии¹.

В конце 1980-х гг. С.Х. Алишев вновь занялся повышением своей научной квалификации: для завершения диссертации в 1987 г. он взял полугодовой оплачиваемый отпуск. «В 1988 г. в Институте истории АН СССР состоялось первое широкое обсуждение его нового варианта диссертации. Был вынесен неукоснительный вердикт: “Период Казанского ханства необходимо из диссертации убрать. Там сопоставление не в пользу Московского Великого княжества”» [17, с.34]. Осенью того же года состоялось второе обсуждение труда с учетом высказанных замечаний. Диссертация на тему «Среднее Поволжье в XVI – первой половине XIX в. (о прогрессивном характере совместной жизни народов)» [9] была успешно защищена в Москве в 1990 г. В том же году в издательстве «Наука» текст диссертации был издан под названием «Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX в.».

События 1552 г. были охарактеризованы как борьба между двумя группами алчных феодалов: «Казанское ханство вопреки имеющемуся в литературе мнению о его “аморфности” и маломощности было довольно организованным и экономически неслабым государством. Более сильному и крупному Русскому государству приходилось напрягать большие силы для окончательного завладения им. Ханы и феодалы – как казанские, так и русские – стремились к грабежам и наживе, проводили антинародную политику конфронтации и агрессии. Такая политика привела к феодальной войне между двумя государствами, а в результате – к ликвидации Казанского ханства» [4, с.260].

По мнению историка, «крестьяне в XVI в., занятые упорным трудом, не хотели воевать вообще ни на какой стороне за интересы тех или иных феодалов. Именно в этом широком смысле их подчинение имело добровольный характер, что в наше время выражается широко распространенным понятием “добровольное присоединение”» [4, с.259]. Характерной

¹ Основная часть этого отвергнутого труда была издана в 1995 г. Татарским книжным издательством под названием «Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв.». [17, с.38–39].

чертой этого населения являлась вековая традиция, пишет автор, стремление к миру [4, с.260]. Таким образом, «добровольное присоединение» к Русскому государству С.Х. Алишев распространил на сельское податное население Среднего Поволжья.

В 2005 г. в своей статье историк пишет обратное: «Любовь к своей территории-земле, своему народу и государству, к своему языку и собственности ярко проявилось в вековой борьбе за защиту независимости своей страны ..., особенно в период героической обороны столицы – Казани. Такая любовь и национальное сознание – не пустые слова, они подтверждаются историческими фактами» [6, с.81].

Очевидно, современным исследователям, занимающимся историографией истории татарского народа, следует непременно учесть реалии советской эпохи.

В советский период С.Х. Алишев изучал историю татар и региона в рамках постулатов марксизма-ленинизма. В частности, все перечисленные русские краеведы и татарские интеллектуалы были в списке «разрешенных» советской властью личностей. Исследование им антиправительственных выступлений татар осуществлялось в рамках концепции марксизма о классовой борьбе, борьбе народных масс против социального и национального гнета в феодальном обществе. Однако марксистско-ленинское учение не могло дать оценку всем историческим процессам. В таких случаях границы дозволенного в «серых зонах» для гуманитариев, занимающихся национальной историей, определяли областной комитет партии и московские историки.

От серьезных претензий в свой адрес С.Х. Алишева спасали хронологические рамки исследуемых общественных процессов, верхние временные рамки которых ограничивались первой половиной XIX в., т.е. он не затрагивал такие «опасные» или «запрещенные» аспекты «национального вопроса», как джадидизм, национальное движение начала XX в. и др.

Научные изыскания С.Х. Алишева свидетельствуют о том, что альтернатива одобренному директивными инстанциями подходу к изучению таких тем, как история Казанского государства, московско-казанские отношения XV–XVI вв., русская колонизация Среднего Поволжья во второй половине XVI–XVII вв., воспринималась официальными кругами болезненно и пресекалось административным ресурсом. В 1990–2000-е гг., в новых общественно-политических условиях, ученый получил возможность по-иному трактовать исторические события, при этом абсолютное большинство ранее выполненных его работ не потеряло научную значимость благодаря тому, что были написаны на основе широкого круга источников и квалифицированного анализа документов и исторической литературы.

Увлеченный наукой и своевременно выполняющий планы научно-исследовательской работы старший научный сотрудник пользовался поддержкой директоров ИЯЛИ: М.К. Мухарямова (директор в 1963–1982 гг.),

который принял его в аспирантуру, Я.А. Абдуллина (1982–1986 гг.) и М.З. Закиева (1986–1996 гг.)

Становление С.Х. Алишева как профессионального историка происходило в секторе, который в 1964–1989 гг. возглавлял мой научный руководитель З.И. Гильманов, в окружении коллег, труды которых составляют золотой фонд татарстанской историографии. Члены нашего дружного коллектива историков всемерно поддерживали и меня, что сыграло важную роль в моей научной биографии.

В 1989–1994 гг. сотрудники отдела работали над созданием «Истории Республики Татарстан» в четырех книгах. Над разработкой первого тома трудились С.Х. Алишев, Р.Г. Фахрутдинов, Р.Г. Галлям, А.А. Арсланова, Н.С. Хамитбаева. Над вторым томом работали Ю.И. Смыков, Р.У. Амирханов, Н.С. Хамитбаева, И.К. Загидуллин. Над написанием текстов для последних двух книг истории Татарстана (довоенного (1917–1940 гг.) и послевоенного периодов (1941–1990 гг.)) трудились в разные годы М.К. Мухаррямов, И.Г. Гизатуллин, К.А. Назипова, М.А. Сайдашева, З.Г. Гарипова, Г.Л. Файзрахманов, А.Г. Галлямова и Т.И. Славко.

Однако эти тома остались неизданными по разным причинам (спустя годы эти тексты увидели свет в виде монографий, учебников, учебных пособий и научных статей авторов. – *И.З.*). Одной из причин явилась необходимость пересмотра концепции исторических исследований: в 1993 г. на заседаниях отдела и ученого совета ИЯЛИ обсуждалась «Концепция создания “Истории татарского народа”» [3, с.24–25]. Я был свидетелем и участником этих событий.

Успехи и достижения трудового коллектива в 1989–1998 гг. им представлены в объемном и обстоятельном очерке под названием «Отдел истории Института истории АН РТ в 1989–1998 гг.» [3].

Саям Хатипович принадлежит к той малочисленной группе историков, которые при жизни переиздали большими тиражами свои основные труды. Такое стало возможным благодаря популярности С.Х. Алишева и стремлению руководителя издательства «Раннур» в какой-то степени удовлетворить запрос жителей Республики Татарстан на научные труды по истории татар и региона. Так, в 2003 г. издательство «Раннур» опубликовало тиражом в 10 тыс. экз. книгу С.Х. Алишева «Из истории Казанского ханства», в которую автор включил свои основные труды на татарском языке. В 2005 г. это же издательство издало тиражом в 20 тыс. экз. книгу «Все об истории Казани», а в 2010 г. была выпущена тиражом в 40 тыс. экз. книга «Все по истории татарского народа» [10]. Несомненно, переизданные сочинения С.Х. Алишева сыграли важную роль в возрождении исторической памяти читателей.

Выступая в качестве составителя сборников своих трудов, автор включил в эти книги, помимо монографий, концептуальные статьи, имеющие для него самого и науки важное значение. Одним из таких исследований, опубликованных на русском и татарском языках [11, с.280–

302], является статья, посвященная этногенезу татарского народа (впервые опубликована в «Материалах по истории татарского народа» (1995)).

В своем исследовании автор выделяет основные факторы, способствовавшие превращению раннефеодальной булгарской народности, представленной в X в. родственными племенами (булгары, сувары, эсегелы, баранджары, берсула и др.), в единую народность в Среднем Поволжье [7, с.49].

Прежде всего, в качестве мощного стимулятора этнических процессов в регионе выделяется государство, заинтересованное в установлении единого общего языка и письменности и способствующее общению и объединению родоплеменных территорий в общую государственную территорию [7, с.50].

Следующими важнейшими факторами указываются исламская религия, сыгравшая роль консолидирующей силы, и инокультурные соседи, способствовавшие укреплению «тесной связи государственного и религиозного единства» [7, с.51].

Также важнейшим фактором образования булгарской народности являлись внешнеполитические события, особенно «борьба против завоеваний, оборона, а также свои походы», которые ускорили усиление этнического самосознания и укрепления понятия о Родине, отмечает историк [7, с.52].

По мнению С.Х. Алишева, общность территории, социально-экономической жизни, национальной культуры и характера – все это в совокупности окончательно оформилось при Казанском государстве, что означало существование определенной народности татар Среднего Поволжья, которую автор называет «булгаро-кыпчакской» [7, с.68, 71].

В другой его статье констатируется, что в средние века этноним «татары» распространяется западноевропейцами и русскими на все тюркские племена и народы, и это название превращается исторически во всемирный макроэтноним [6, с.94].

Эта тема была продолжена в монографии С.Х. Алишева «Болгаро-казанские и золотоордынские отношения. XIII–XV вв.» [1]. В ней утверждается, что Казанское государство является наследником Камско-Волжской Булгарии; основное население Золотой Орды составляли скотоводческие кочевые племена; население Казанского государства, будучи оседлым, состояло в основном из булгарских и кыпчакских племен и родов.

Данной концепции этногенеза татар С.Х. Алишев придерживался до конца своих дней.

С.Х. Алишев активно занимался популяризацией национальной истории, чему способствовали его многочисленные публикации в республиканских журналах и газетах.

Защитившие под его научным руководством кандидатские диссертации Р.Г. Галлям, Б.Л. Хамидуллин и И.З. Файзрахманов успешно продолжают ремесло историка в современной науке.

Салям Хатипович прожил счастливую семейную жизнь. После смерти супруги Дагии (1976), некоторое время один воспитывал двух сыновей. С 1979 г. в любви и согласии жил с Гульфией ханым под ее попечением и заботой.

После ухода из Института истории на заслуженный отдых С.Х. Алишев трудился над научно-публицистическим романом о своих предках «Галишаһ морза нәселе» («Род мурзы Галишаха»), который издал в 2015 г.

Саляма Хатиповича Алишева не стало 23 июня 2015 г.

С тех пор я продолжаю общаться со своим старшим коллегой, крупным татарским историком, заочно каждый раз, когда достаю его монографии с книжной полки и погружаюсь в чтение, анализируя его взгляды, иногда дискутируя с ним.

С.Х. Алишев является автором 19 монографий и книг, более 250 научных статей и других публикаций. Размещение этих текстов в Интернете способствовало бы историческому просвещению нового поколения татарстанцев и жителей соседних национальных республик.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алишев С.Х.* Болгаро-казанские и золотоордынские отношения. XIII–XV вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 159 с.

2. *Алишев С.Х.* Галишаһ морза нәселе // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып. 1. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Исторические судьбы народов Среднего Поволжья в XV–XIX вв.», посвященной 80-летию юбилею доктора исторических наук С.Х. Алишева (г. Казань, 24 марта 2009 г.) / отв. ред. и сост. И.К. Загидуллин. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2010. С.246–247.

3. *Алишев С.Х.* Историки. Татарский народ / ред. Р.У. Амирханов, И.К. Загидуллин. Казань: Форт-Диалог, 2000. 64 с.

4. *Алишев С.Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья XVI – начало XIX вв. // Алишев С.Х. Все об истории Казани. Казань: Раннур, 2005. С.213–385.

5. *Алишев С.Х.* Каһарман бабайлар. Казан: Татар. кит. нәшрияты, 1976. 126 б.

6. *Алишев С.Х.* Население Казанского и Золотоордынского государств // Алишев С.Х. Все об истории Казани. Казань: Раннур, 2005. С.71–96.

7. *Алишев С.Х.* Образование татарской народности // Алишев С.Х. Все по истории Казани: Казань: Раннур, 2005. С.47–71.

8. *Алишев С.Х.* По следам минувшего. Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. 128 с.

9. *Алишев С.Х.* Среднее Поволжье в XVI – первой половине XIX в. (о прогрессивном характере совместной жизни народов): автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1989. 30 с.

10. *Алишев С.Х.* Все по истории татарского народа. Казань: Раннур, 2010. 606 с.

11. *Алишев С.Х.* Татар милләтенен оешуы // Алишев С.Х. Казан ханлыгы тарихыннан. Казан: Раннур, 2003. Б.280–302.

12. Алишев С.Х. Татар тарихчылары. Казан: Татар. кит. нәшрияты, 2006. 206 б.
13. Алишев С.Х. Татары Среднего Поволжья в пугачёвском восстании / под ред. З.И. Гильманова. Казань: Татар. кн. изд-во, 1973. 215 с.
14. Алишев С.Х. Тернистый путь борьбы за свободу (Социальная и национально-освободительная борьба татарского народа (II половина XVI–XVIII вв.) / науч. ред. И.Р. Тагиров. Казань: Фэн, 1999. 158 с.
15. Воззвания и переписка вожakov пугачёвского движения в Поволжье и Приуралье / сост. и ред.: Алишев С.Х., Овчинников Р.В., Усманов М.А. и др. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1988. 463 с.
16. Газиз Гобәйдуллин. Тарихи сәхифәләр ачылганда. Сайланма әсәрләр / төз. һәм ред.: С.Х. Алишев, И.А. Гыйләжев. Казан: Татар. кит. нәшрияты, 1989. 227 б.
17. Галлям Р.Г. Очерк жизни и творчества // Сәлам Хатыйб улы Алишев: Сәлям Хатыпович Алишев. Библиография. Казань: «ФОРТ-ДИАЛОГ», 1999. С.23–41.
18. История Казани: В 2 т. Т.1 / ред.: Я.Г. Абдуллин, С.Х. Алишев, З.И. Гильманов. Казань: Татар. кн. изд-во, 1988. 352 с.
19. Каюм Насыри турында истәлекләр // Каюм Насыри. 1825–1945. Тууына 120 ел тулуга багышланган гыйльми сессия материаллары / жаваплы редактор Ш.А. Рамазанов. Казан: Тагосиздат, 1948. Б.137–141.
20. Гади Атласи. Себер тарихы. Сөенбикә. Казан ханлыгы / төз., кереш сүз, искәрмәләр һәм белешмәләр авторы, редакторы С.Х. Алишев. Казан: Татар. кит. нәшрияты, 1993. 448 б.

Информация об авторе:

Загидуллин Ильдус Котдусович – доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0501-2177; e-mail: zagik63@mail.ru

Поступила 01.08.2024

Принята к публикации 19.08.2024

Researcher of national history

I.K. Zagidullin

*Center for Islamic Studies of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article highlights the problems of scientific research, the creative biography of the great Tatar historian Salyam Khatipovich Alishev, who, having entered graduate school at the age of 34, achieved outstanding success thanks to his determination and enormous diligence, love for the craft of a historian and the desire to learn and write the true history of his native people. In the 1970–1980s, when the planned scientific topics of the majority of the employees of the sector of history were limited to the Soviet period, the achievements and successes of the Institute of Language, Literature and History

in the study of the past of the Tatar people of the 15th – 19th centuries were largely determined by the works of S.Kh. Alishev.

Keywords: S.Kh. Alishev, history of the Tatar people, historiography of the history of the Tatars, Russian colonization of the Middle Volga region

For citation: Zagidullin I.K. Researcher of national history. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.3, pp.172–185. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.172-185> (In Russian)

REFERENCES

1. Alishev S.Kh. *Bulgarian-Kazan and Golden Horde relations. 13th – 15th centuries*. Kazan: Tatar book Publ., 2009. 159 p. (In Russian)
2. Alishev S.Kh. Murza Galisha family. *Historical destinies of the peoples of the Volga and Urals regions. Collection of articles*. Vol.1. Materials of the All-Russian scientific and practical conference “Historical destinies of the peoples of the Middle Volga region in the 15th – 19th centuries”, dedicated to the 80th anniversary of Doctor of Historical Sciences S.Kh. Alishev (Kazan, March 24, 2009). Ed. by I.K. Zagidullin. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2010. Pp.246–247. (In Russian)
3. Alishev S.Kh. *Historians. Tatar people*. Ed. by R.U. Amirkhanov, I.K. Zagidullin. Kazan: Fort-Dialog Publ., 2000. 64 p. (In Russian)
4. Alishev S.Kh. Historical fates of the peoples of the Middle Volga Region (16th – early 19th centuries). *All about the history of Kazan*. Kazan: Rannur Publ., 2005. Pp.213–385. (In Russian)
5. Alishev S.Kh. Heroic ancestors. Kazan: Tatar book Publ., 1976. 126 p. (In Tatar)
6. Alishev S.Kh. Population of the Kazan and Golden Horde states. *All about the history of Kazan*. Kazan: Rannur Publ., 2005. Pp.71–96. (In Russian)
7. Alishev S.Kh. Formation of the Tatar nationality. *All about the history of Kazan*. Kazan: Rannur Publ., 2005. Pp.47–71. (In Russian)
8. Alishev S.Kh. In the footsteps of the past. Kazan: Tatar book Publ., 1986. 128 p. (In Russian)
9. Alishev S.Kh. *Middle Volga Region in the 16th – first half of the 19th centuries (on the progressive nature of the common life of peoples): Dissertation Abstract of a Doctor of Historical Sciences*. Moscow, 1989. 30 p.
10. Alishev S.Kh. All about the history of the Tatar people. Kazan: Rannur Publ., 2010. 606 p. (In Russian)
11. Alishev S.Kh. Formation of the Tatar people. *From the history of the Kazan Khanate*. Kazan: Rannur Publ., 2003. Pp.280–302. (In Tatar)
12. Alishev S.Kh. *Tatar historians*. Kazan: Tatar book Publ., 2006. 206 p. (In Tatar)
13. Alishev S.Kh. *Tatars of the Middle Volga Region in the Pugachev rebellion*. Ed. by Z.I. Gilmanov. Kazan: Tatar book Publ., 1973. 215 p. (In Russian)
14. Alishev S.Kh. *The thorny path of the struggle for freedom. Social and national liberation struggle of the Tatar people (second half of the 16th – 18th centuries)*. Ed. by I.R. Tagirov. Kazan: Fen Publ., 1999. 158 p. (In Russian)

15. *Appeals and correspondence of the leaders of the Pugachev movement in the Volga and Cis-Urals regions*. Compiled and ed. by S.Kh. Alishev, R.V. Ovchinnikov, M.A. Usmanov and others. Kazan: Tatar book Publ., 1988. 463 p. (In Russian)

16. Gubaidullin G. *When you open history pages*. Selected works. Ed. by S.Kh. Alishev, I.A. Gilyazov. Kazan: Tatar book Publ., 1989. 227 p. (In Tatar)

17. Galliam R.G. Essay on life and creativity. *Salyam Khatipovich Alishev. Bibliography*. Kazan: Fort-Dialog Publ., 1999. Pp.23–41. (In Russian)

18. *History of Kazan: In 2 volumes*. Vol.1. Ed. by Ya.G. Abdullin, S.Kh. Alishev, Z.I. Gilmanov. Kazan: Tatar book Publ., 1988. 352 p. (In Russian)

19. Memories of Kayum Nasyri. *Kayum Nasyri, 1825–1945: Materials of scientific sessions dedicated to the 120th anniversary of his birth*. Ed. by Sh.A. Ramazanov. Kazan: Tatgosizdat Publ., 1948, pp.137–141. (In Tatar)

20. Khadi Atlasi. *History of Siberia. Syuyumbike. Kazan Khanate*. Ed. by S.Kh. Alishev. Kazan: Tatar book Publ., 1993. 448 p. (In Tatar)

About the author:

Zagidullin Ildus Kotdusovich – Dr. Sci. (history), Associate Professor, Senior Researcher of the Center for Islamic Studies of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0501-2177; e-mail: zagik63@mail.ru

Received August 1, 2024

Accepted for publication August 19, 2024

ИСПРАВЛЕНИЯ В ЖУРНАЛЕ

Исправления в статье:

Беляков А.В. Участие мещерских служилых татар в посольской службе Русского государства XVI–XVII вв. (некоторые аспекты) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №1. С.10–20. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.10-20>

С.13, строки 16–13 снизу. *Напечатано*: «Документы молчат о его происхождении, однако, по косвенным данным, он, похоже, попал в Россию вместе с женой убитого в Сибири хана Муртазы и его сыновьями Кучумом и Ахмед-Гиреем».

Следует читать: «Документы молчат о его происхождении, однако, по косвенным данным, он попал в Россию вместе с бежавшими в Московское государство женой и сыном Тайбугида Едигера бин Касима, убитого в Сибири ханом Муртазой и его сыновьями Кучумом и Ахмед-Гиреем».



Академия наук Республики Татарстан является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение
в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или
частично, без разрешения правообладателя запрещается

The Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property
rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole
or in part, without permission of the rights holder is prohibited

Из истории и культуры народов Среднего Поволжья.
2024. Том 14, № 3

From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region.
2024, vol. 14, no. 3

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева, А.Р. Тухватуллина*

Оригинал-макет подготовлен
в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, ул. Батурина, 7, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Подписано в печать 25.09.2024 г. Дата выхода в свет 15.10.2024 г.
Формат 70×100 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 11,75 Тираж 100 экз.
Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Академии наук Республики Татарстан
420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
E-mail: izdat.anrt@yandex.ru



Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф